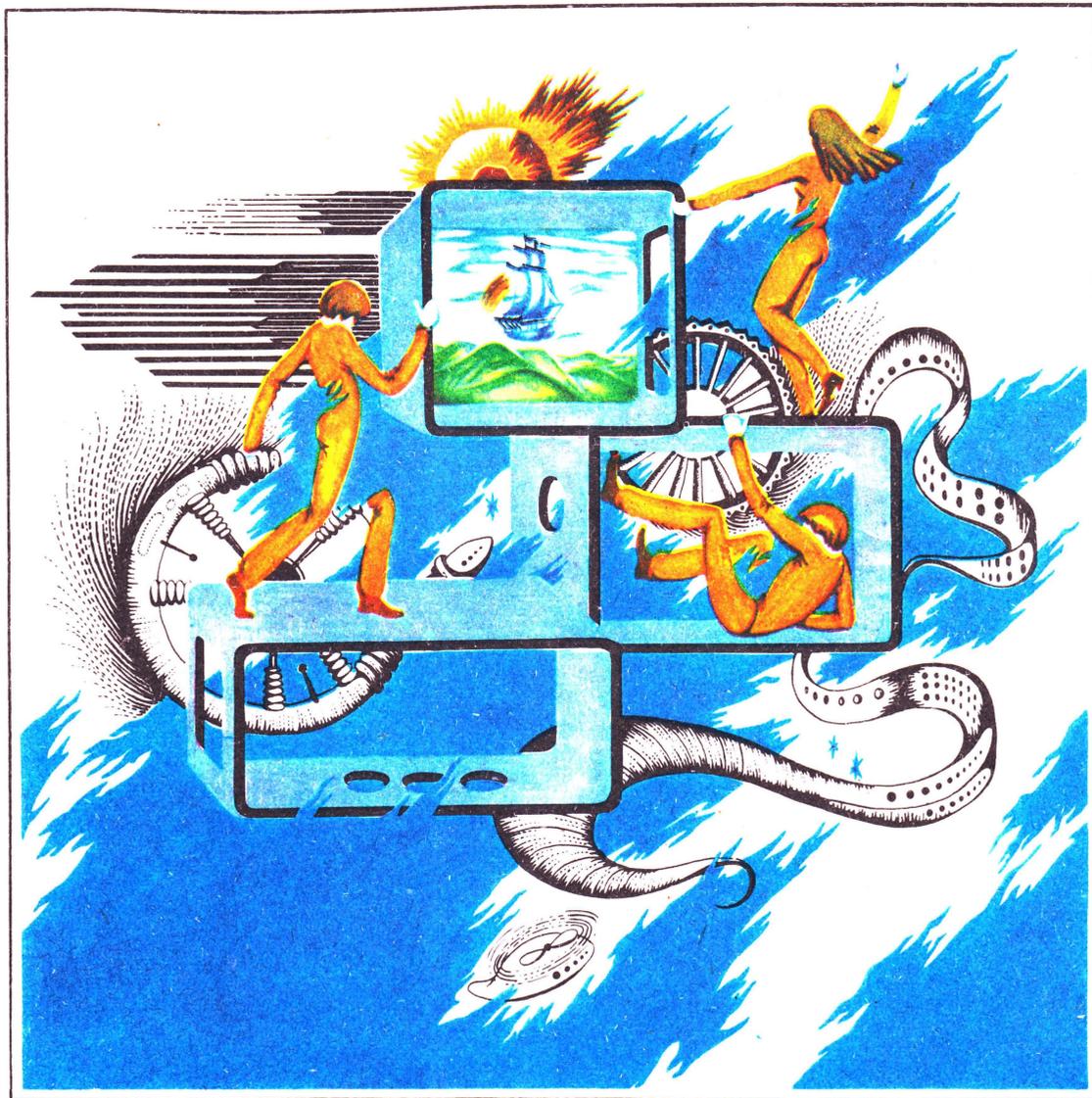

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ·83

7 ИЮЛЬ

Встань пораньше — много успеешь

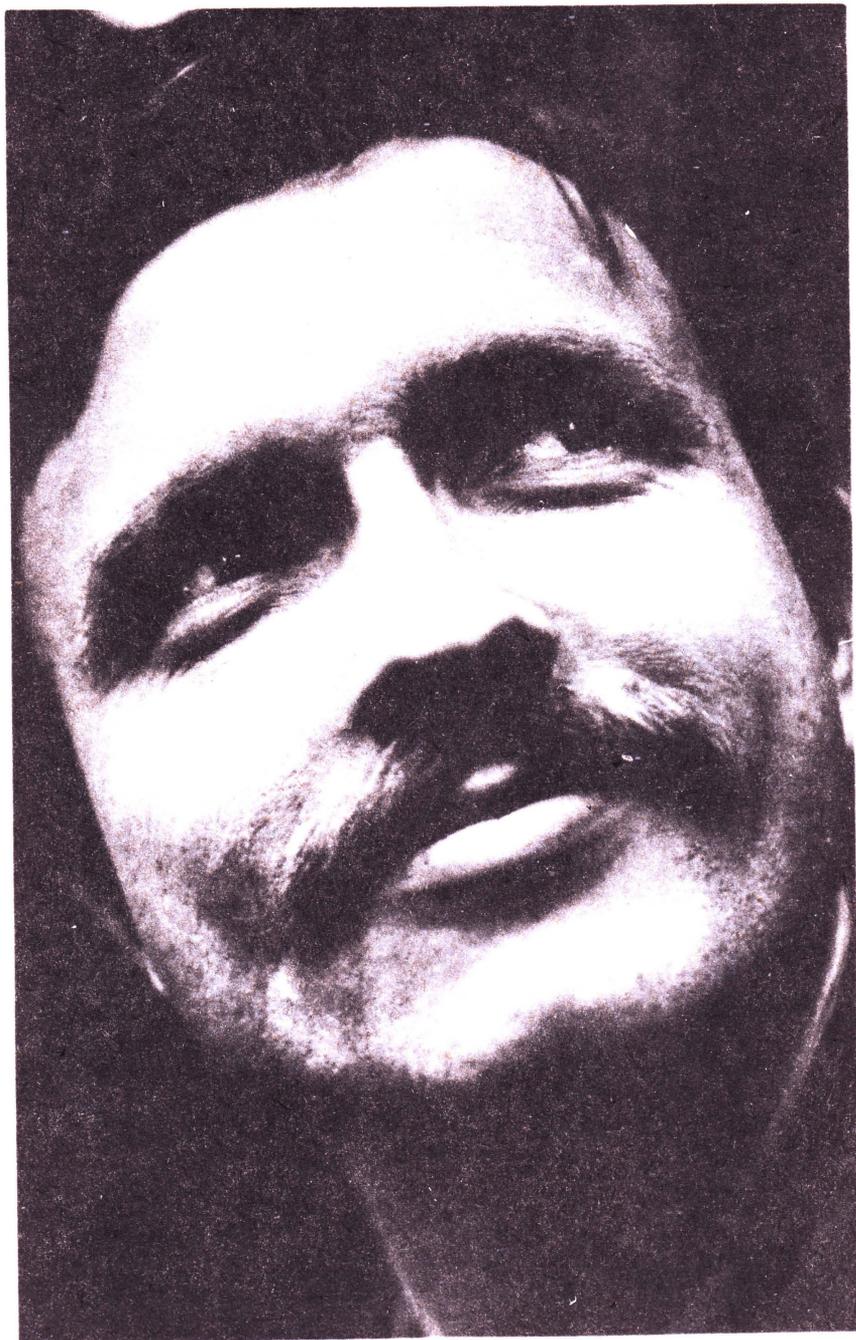
Уралмашевец Николай Максимов — лауреат премии Ленинского комсомола в области производства за 1982 год.

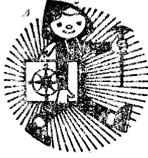
...С родным заводом он познакомился еще подростком, — в цехах не раз побывал он вместе с мамой, которая работала на Уралмаше. Сразу после школы-десятилетки он и сам получил сюда постоянный пропуск. Стал фрезеровщиком. Потом отслужил в армии и снова вернулся на свое рабочее место.

У Николая Максимова давно стало правилом приходить на смену пораньше: есть время и в чертежах разобраться, и продумать очередность операций, и приготовить весь необходимый инструмент. Вот так и получается, что с гудком его станок включается в цеховое дело. И смену никогда Николай не закончит без того, чтобы не подготовить рабочее место для работы на станке, не знаящей задержки, следующему фрезеровщику. Можно сказать, что с такого подхода к делу родилась бригада, ныне передовой комсомольско-молодежный коллектив.

В минувшем году, по итогам которого Николай Максимов стал лауреатом премии Ленинского комсомола, он был автором семи рационализаторских предложений.

Фото А. Лыськова

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ·83

7 июль

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1938 ГОДА

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В номере:

Т. Ефимова ФОРМУЛА ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРА	2
А. Бусыгин ГОРЬКИЙ И УРАЛМАШ	7
В. Бушухин РАБОЧИЙ ДИАЛОГ: УРАЛМАШ — «ШКОДА»	9
Л. Сергеева С ЛОЖКОЙ ЗА ГОЛЕНИЩЕМ	11
ЗАХОТЕЛОСЬ ОЛЬГЕ ЗА РУЛЬ	13
В. Трубицын, А. Филатов, В. Литвинов СТИХИ	14
И. Козлов КОГДА ПОДРАСТЕТ СЫН. Рассказ	16
А. Кучернюк «ДОРОГИЕ МОИ ДЕВЧОНКИ...»	21
В. Колосков АТЛАНТИЧЕСКИЙ ЭКЗАМЕН	22
З. Недзельская СУДЬБА КАРТИНЫ	32
С. Другаль СОХРАНИ ДЫХАНИЕ. Рассказ	33
ПЛЕТУТ РЕБЯТА КРУЖЕВА ИЗ ЧУГУНА	47
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	48
С ЧЕГО НАЧИНАТЬ!..	50
А. Барков, Г. Циферов К ДАЛЕКИМ ЗЕМЛЯМ, К ДАЛЬНИМ БЕРЕГАМ	53
И. Викторов КОЖАНЫ И ЖЕРЕБЬЯ	70
БЫЛИ АЛМАЗНОЙ ЗЕМЛИ	72
Ю. Фролов СТРИГУНЫ. ЗВЕЗДЫ В ТРАВЕ. ОСКОЛОК РАДУГИ. КОЗОДОЙ. АЛЕНКА	76
МИР НА ЛАДОНИ	79
Г. Романов КРЫЛАТЫЙ КУЛАК	80

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
{главный редактор},
Муса ГАЛИ,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
{заместитель главного
редактора},
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
{ответственный секретарь}

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219.
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30.03.83.
НС 11069.
Подписано к печати 30.05.83.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать.
Усл. печатных листов 9,0.
Усл. кр.-отт. 10,5.
Учетно-издательских листов 10,3
Тираж 287 000.
Заказ 452.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
сунк Розы АТЛАС.

© «Уральский следопыт», 1983 г.

Формула главного

К 50-летию
Уралмаша

Кажется что-то неуловимо знакомым в здании, изображенном на старой открытке. От торца его до торца вывеска аршинными буквами: «Товарная биржа». Брусчатка перед зданием, лошадь, тянущая телегу... А все-таки что-то очень знакомое? И вдруг узнаешь: да ведь это нынешний универсальный магазин, что на площади 1905 года! Выходит, историческое здание? И это, безусловно, так, но вовсе не потому, что когда-то в нем располагалась некая биржа. По другой причине на свердловском центральном универмаге — Пассаже вполне могла бы быть укреплена мемориальная доска: в 1925 году в левом крыле бывшей товарной биржи в более чем скромных и довольно темных комнатах, не за кульманами, а за обыкновенными канцелярскими столами небольшая группа инженеров и техников приступила к проектированию крупнейших на Урале заводов и в их числе Уралмаша.

Уралпроектбюро имело в своем составе несколько десятков специалистов, трех рассыльных, двух кучеров. Правда, случалось, что недоставало денег расплатиться со всем этим народом. Очень долго Уралпроектбюро не располагало законным статусом. Но и в столь неблагоприятных условиях заводы все-таки проектировались, цехи будущего Уралмаша вырисовывались на листах ватмана. И неизменно в уголке каждого из чертежей появлялась малоразборчивая закорючка, означающая подпись Владимира Федоровича Фидлера — главного инженера генерального проекта завода тяжелого машиностроения под Свердловском.

Еще не были утверждены планы первой советской пятилетки. Еще шел нескончаемый спор между специалистами и хозяйственниками о том, промышленность каких районов страны следует развивать.

Известный академик, инженер-металлург Грум-Гржимайло высказывался, например, в пользу традиционной индустриализации только юга России, а Уралу советовал обеспечивать работой прежде всего старые заводы. «Оси, железнодорожные скаты, изложницы, отливка труб, чугунная посуда, косы... дадут неисчерпаемый запас денег...» — убеждал он. Но уральцы уже приняли курс на индустриализацию своего края, окончательно пришли к выводу, что для развития горно-металлургической промышленности Уралу и Сибири необходимо иметь крупную машиностроительную базу, свой завод, который бы смог впоследствии строить другие заводы.

В апреле 1927 года президиумом Свердловского окружного исполкома было принято решение: «Соружению машиностроительного завода, предназначенного для обслуживания машинами всего Урала, оказывать поддержку со стороны всех общественных организаций».

Поддержка-то была, средств для проектирования и хотя бы для того, чтобы расчистить посередине уральской тайги площадки для будущего промышленного строительства, — вот их очень не хватало. Исполком смог выделить из бюджета только десять тысяч рублей...

В Свердловск для участия в работе областной партийной конференции приехал В. В. Куйбышев. Настойчивость, боевой дух уральских большевиков, их решимость добиваться «полного ассигнования средств» заразительно на него подействовали. С трибуны конференции председатель ВСНХ СССР высказался определенно:

«Я не буду возражать, если вы в своей практике будете по этим вопросам больше шуметь, больше кричать и больше нажимать. Это надо делать, потому что задача, за которую вы боретесь, является абсолютно справедливой и правильной, и стоит поработать, и стоит поспорить над тем, чтобы действительно создать на Урале мощный очаг тяжелой индустрии, тем более что это является целесообразным не только с точки зрения Уральской области, но и с точки зрения общесоюзных интересов».

Во всю мощь мозолистых ладоней аплодировали этим словам участники конференции. Среди них были и представители большевиков Уралмашстроя: Федор Стриганов — парторг, бывший революционный матрос, командированный на строительство Уральским обкомом ВКП(б), Александр Банников — в прошлом кавалерист, сражавшийся с белогвардейскими бандами, а с недавних пор управляющий Уралмашстроем.

С Банниковым Куйбышев встречался не раз в Москве. Широкоплечий лобастый уралец ему нравился — многого тот уже сумел добиться для своего Уралмашстроя благодаря способности предпринимать неотразимые, почти кавалерийские атаки на столичные инстанции. Приглашение Банникова приехать «посмотреть, что мы наработали» Куйбышев принял. Спросил, каким транспортом ехать придется — на санях, что ли?

Уралмашстрой еще только начинался. На огром-

Инженера

Тамара
ЕФИМОВА

ной площади лес валили. Вся почва местности добросовестно исследовалась на пльвуны. Рабочие вручную пробивали глубокие шурфы и ворчали: «До сих пор в этих местах только золото так искали!»

Трудность пльвунных поисков состояла в том, что методика их была недостаточно разработана и в условиях Урала применялась впервые. Но проектировщики торопили — им хотелось получить как можно более ясное представление, во что упираться, на чем покониться будут фундаменты будущих цехов завода-гиганта.

Главный инженер Фидлер искал возможности удешевить строительство, однако нелегким это оказалось делом. Скальный грунт, пльвуны, необходимость корчевать вековой лес на обширной территории, бездорожье — словом, с батюшкой-Уралом не так-то скоро удавалось сговориться.

Для первой небольшой железнодорожной ветки понадобилось срыть под корень высококонную гору: работали на ней 150 землекопов, 30 грабарей с лошадьми да еще откатчики на одноколесных тачках. Гору срыли в одно лето и стальную ветку проложили. С этих пор стройка пошла, двинулась, легче стало с материалами, продовольствием для рабочих.

Несмотря на то что дорога уже действовала, Банников еще несколько раз устраивал показательные «открытия». И старенький паровоз задымленной грудью разрывал очередную атласную ленту. Жалко, что ли? Зато гостям демонстрировалось уже нечто весомое, убедительное, материальное — железная дорога! Проехав по ней, они словно бы сами приобщались к первой победе уралмашстроителей.

Куйбышев оценил по достоинству эту маленькую хитрость управляющего, полезную для дела. Смеялся, поздравлял, фотографировался на фоне паровоза: открытие так открытие! Вот и о фотографе Банников не забыл. Впрочем, по его распоряжению человек с фотоаппаратом и деревянным штативом появлялся на стройке всюду — снимал для истории! Цены нет сегодня этим фотографиям.

Будущий Уралмаш проектировался и строился одновременно. Владимир Федорович Фидлер совмещал две должности сразу — главного инженера по проектированию и по строительству. «Энергичный во всех проявлениях — в жестикующии, в стремительной походке, в мимике очень выразительного подвижного лица, в богатых модуляциях голоса...» — таков беглый портрет этого незаурядного человека.

Рабочий день Владимира Федоровича был до предела загружен, несмотря на то что вопросы он решал быстро, без суеты, и решения никогда не отменял. Не допускал он обтекаемой говорильни вокруг да около, не любил, когда его отвлекали от работы по пустякам, то есть по неотносящимся к строительству завода вопросам. Домой, как правило, уезжал поздно вечером. Изредка, правда, бывал в театре. В таких случаях на работе не задерживался и тому, кто пытался остановить его каким-нибудь вопросом, улыбаясь, объяснял:

— Извините, сегодня у меня опера.

Говорил он всегда убедительно, всецело завладевая вниманием собеседника, и сам в это время все свое внимание направлял на собеседника, независимо от общественного положения последнего. Поручения всегда давал кратко и доходчиво, объясняя, почему это надо делать так, а не иначе, к такому-то времени, а не позже.

Из неоперившихся выпускников первых советских

вузов Фидлер — опытный инженер и организатор — создавал работоспособный коллектив, одновременно решая сложнейшие проблемы проектирования невиданного по своим масштабам машиностроительного предприятия. Случалось, знакомя кого-нибудь из приехавших работников наркомата с положением дел и проходя по отделу, главный инженер говорил:

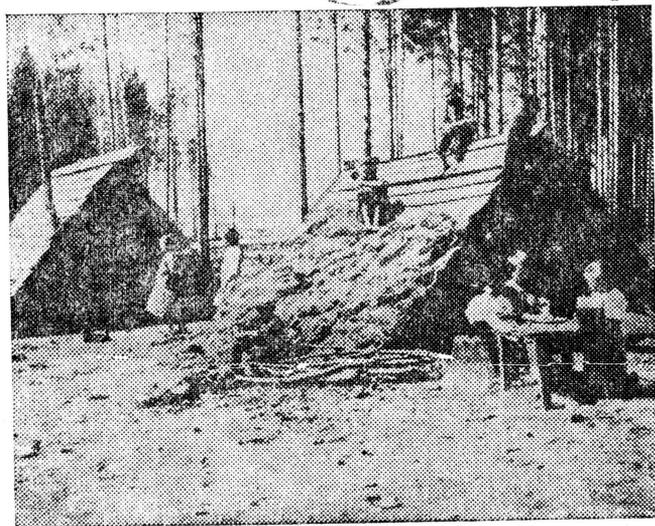
— Ну, посмотрите, разве это проектный отдел? Это же детский сад!

Однако в интонациях его голоса пренебрежения не чувствовалось. Наоборот, ему, кажется, нравилось, что гигантское строительство начинается трудом молодых людей. Надо сказать, почти все сотрудники-проектанты были вдвое младше самого Фидлера. И потому он никого не называл по отчеству, а обращался так:

— Вы, батенька мой...

Для столь молодого коллектива не могло быть в деле проектирования вопросов менее сложных или более сложных. Порой и мелочь вырастала в проблему. К примеру, возникали такие головоломные задачи, по нынешним временам смехотворные: какие оконные переплеты делать в цехах? Одинарные — холодно, двойные — дорого... Главный инженер, видимо, из воспитательных соображений безмолвствовал. И вот Женя Балакшина, вчерашняя студентка, отправляясь в командировку по стройкам страны... и никакого решения не привозила — нигде еще не знали, как делать. Мучились, мучились, наконец, за проектировали для цехов одинарные оконные переплеты, но с двойными стеклами. Потом выяснялось, что это и есть наиболее экономичный и эффективный способ.

Главный инженер поощрял самостоятельность, смелость, предприимчивость в своих сотрудниках. Иной раз «подначивал», вызывая на спор, на возражения... И добился: года через два повзрослевшие коллеги обвинили его в тяжком грехе — в расточительности. Им показалось, что в проекте завода раз-

рывы между цехами запланированы слишком большими, что завод можно расположить на площадке по крайней мере в два раза меньшей, это дало бы большую экономию на коммуникациях, благоустройстве, на транспортных расходах в период эксплуатации...

Однако в этом вопросе главный инженер был как кремень. Не уступал ни на йоту:

— Завод — это живой организм, который рождается, развивается, мужает, — образно и легко разбивал он доводы оппонентов. — Мы с вами способствуем рождению завода и обязаны позаботиться о кровате для него. Но нужно, чтобы это была территория, рассчитанная на взрослого, возмужавшего Самсона, а не детская коляска, которая слишком скоро станет для него прокрустовым ложем.

Широкий размах в решениях отличал главного инженера. Формула, которой следовал Фидлер: «При определении производственной мощности завода я считаю правильным исходить из того, чтобы завод мог изготовить самые крупные и самые тяжелые детали тех установок, которые имеются на нем самом».

Окончательный проект Уралмашзавода был разработан очень тщательно. Производство рассчитано на выпуск важнейших видов оборудования для черной и цветной металлургии страны, горной промышленности. Заводу предстояло выпускать в год пять доменных печей, три блюминга, 40 комплектов мартовских печей, 100 газогенераторов, дробилки, ковши, рельсобалочные, листопрокатные, сортопрокатные станы, крупные прессы. Фактически уральский завод должен был выпускать ежегодно по одному металлургическому заводу масштаба кузнецкого.

Вначале Уралмаш начинал проектироваться и строиться как наиболее крупный отечественный или обычный европейский завод. Но позднее, в связи с политикой партии, направленной на создание новой индустриальной базы на востоке, он стал сооружаться как гигант социалистической промышленности, не уступающий по своей мощности, производительности и техническому уровню лучшим достижениям капиталистической техники. Вплоть до 1931 года проектировщики вносили поправки по «формуле Фидлера» в генеральный проект машиностроительного гиганта, стараясь обеспечить заводу возможность более дальней перспективы.

Потребность молодой Советской республики в таком заводе, как будущий Уралмаш, становилась все более осязаемой. Обострялась международная обстановка, в районе КВЖД начались военные действия... XVI Всесоюзная партийная конференция отмечала: «...Урал является нашей основной оборонной базой».

Защищая технический проект Уральского машиностроительного завода на пятой сессии Гипромеца в Ленинграде, главный инженер В. Ф. Фидлер настаивал на том, чтобы заводу разрешили приобрести самый мощный ковочный пресс в Европе, усилием в десять тысяч тонн. И аргументировал свои требования возможными нуждами обороны...

Десятитысячетонный пресс, однако, «вылетел» из

проекта. Но снова и снова уралмашевцы протаскивали его в проект. В конце концов разрешение на приобретение геркулеса было вырвано! Смонтированный в 1935 году, пресс ковал валки прокатных станов для металлургических комбинатов. С этого началась его славная биография на Уралмашзаводе.

Во время Великой Отечественной войны, когда заводы южных районов страны попали под бомбежки и в оккупацию, в уралмашевской кузнице на прессе штамповались винты (пропеллеры) из дюралюминия для всей боевой авиации. В три смены, без выходов — все пролеты были ими завалены!

А позднее, в 1944-м, именно на сверхмощном прессе был поставлен уникальный эксперимент — впервые отштампована башня «тридцатьчетверки» из бронированного 65-миллиметрового листа. Башни пошли потоком и никогда больше не держали сборку танков. Завод давал их столько, сколько того требовал фронт.

Могучей машине предстояло служить долго — многие десятилетия. Уралмашевцы всегда внимательно относились к своему самому мощному прессу — вовремя делали текущие и капитальные ремонты, сработавшие части — колонны, плунжеры, траверзу — поставили новые. Это заводу оказалось по силам, потому что, как было задумано еще при его рождении и предусмотрено «формулой Фидлера», Уралмаш мог изготавливать любые крупные и тяжелые детали тех установок, которые имелись на нем самом.

На старых снимках почти всегда рядом Александр Петрович Банников и Владимир Федорович Фидлер. Но почему-то вплоть до нашего времени, то есть пятьдесят лет спустя, все еще живо мнение о том, что управляющий и главный инженер недолюбливали друг друга. Старые уралмашевцы, которым сегодня за семьдесят, вспоминают, что на стройку они вместе никогда не ездили. Один — в своей кошевке, другой — в своей. И семьями тоже не встречались...

Но ни от кого решительно нельзя узнать, в чем же состояли принципиальные разногласия двух этих людей, которым суждено было вместе руководить грандиозным строительством в течение нескольких лет и умереть в один год. И памятник, который воздвигли уралмашевцы на заводской площади имени Первой пятилетки, — один двоим.

Они спорили часами. По свидетельству членов семьи Фидлера, Владимир Федорович, случалось, приходя домой глубокой ночью, говорил о Банникове:

— Ни с кем другим мне не бывает так трудно!

И все-таки можно думать, что споры руководителей Уралмашстроя были столкновениями единомышленников, недаром они происходили за закрытыми дверями, сознательно не выносились на люди. И недаром, об этом тоже вспоминают, Александр Петрович горой стоял за своего главного инженера, если кому-нибудь приходило в голову взваливать ответ-

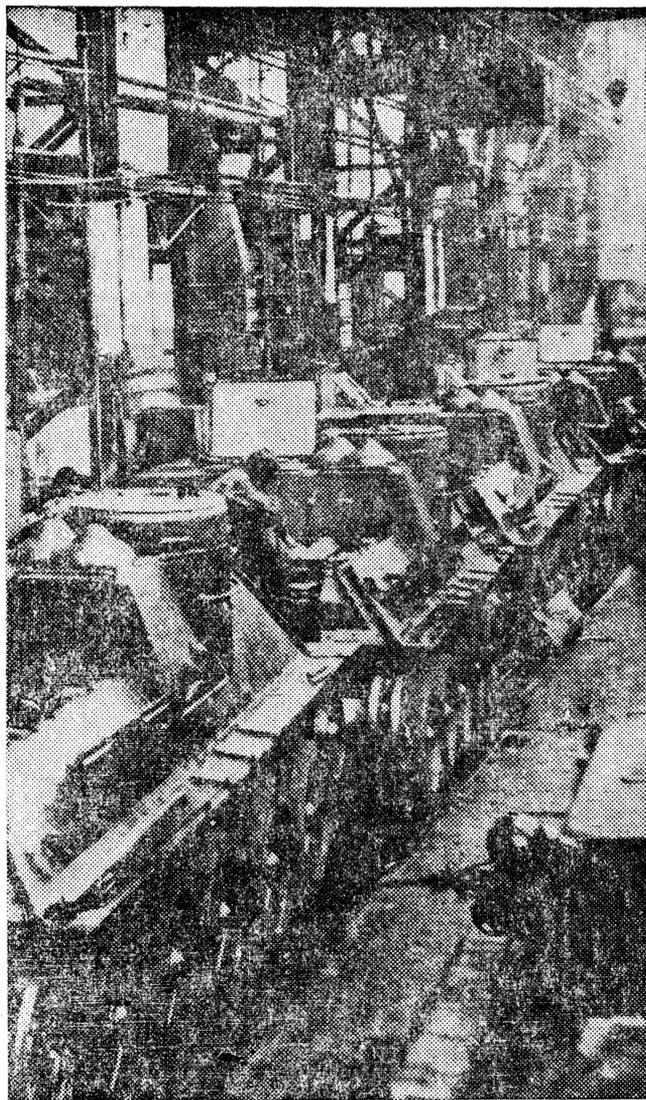

ственность за все неприятности на строительстве на него как на бывшего спеца — буржуазного специалиста.

Один — непоколебимый большевик, прекрасный организатор, человек изумительной воли и выдержки, второй — технический мозг стройки, человек, поражающий своим кругозором в самых различных областях, мастер инженерного искусства. Один — большевик, другой — с большевиками, которые дали возможность ему творить большое дело, ставшее делом жизни. Оба отдавали все свои знания и душевные силы тому, чтобы на Урале поднялся крупнейший машиностроительный завод. Что же могло служить предметом их постоянных, выматывающих, ожесточенных споров?

Банников по образованию — не инженер. Сын машиниста, исключенный из седьмого класса гимназии за конфликт со священником, прошедший службу в царской армии в чине младшего офицера, после революции — председатель Пермского штаба Красной Армии, помощник командира добровольческого полка в армии Блюхера, военный комиссар Пермской губернии, председатель Пермского совнархоза, затем член ЦИК СССР. Такова биография тридцатилетнего управляющего Уралмашстроем. Всеми своими помыслами этот человек устремлен был прежде всего в будущее, в то время, когда уже построенный завод начнет работать на социализм, поможет молодой Советской республике обрести достоинство технической независимости от заграницы. Что главное для Банникова? Конечно, темпы, темпы и еще раз темпы строительства!

А для Фидлера — инженера классического образования, который в своей жизни строил и мосты, и мельницы, и заводы — все добротнo, на века. Владимир Федорович Фидлер более всего не воспринимал именно темпов, в его понятии спешки чреваты ошибками в проектах и строительстве. Расчетная норма была для него всему эталоном. Во всепобеждающий

энтузиазм масс он не верил, боялся всякой самостоятельности. Возражал, например, против нелепых сроков монтажа градирни, когда юные и решительные комсомольцы Уралмашстроя обратились с просьбой разрешить им в порядке встречного плана смонтировать градирню, огромное ажурное сооружение высотой с десятиэтажный дом, не за три месяца, как предлагалось, а за полтора.

Однако Банников поддержал все-таки комсомольцев, а не Фидлера. К его мнению присоединился секретарь райкома партии, вместе они одобрили встречный план строителей градирни. И те — зимой, в тридцатиградусный мороз, не ставя лесов, для чего уже не хватало времени, — пошли на рекорд.

И не раз потом энтузиазм и бесстрашие молодой гвардии уралмашстроевцев подвергали серьезным испытаниям опыт старых и умудренных специалистов.

Вспомнить вот еще, как поднимались восемнадцатиметровые фермы линии электропередач через Верх-

Исетский пруд. Дело было в декабре, в открытом ледяном поле, на пронизывающем ветру. Комсомольцы из бригады Виктора Недосекина ставили фермы вручную — металл жег руки сквозь рукавицы. Мало кто верил, что можно провести линию через замерзший пруд. Предлагалось идти в обход, круглым путем или вообще отложить строительство до лета. Но Недосекин с товарищами все-таки протащили линию, обеспечив Уралмашстрой и поселок электроэнергией чуть не на полгода раньше!

Да, приходилось главному инженеру, как и многим специалистам старой школы, вносить коррективы в сложившиеся представления и порой даже чему-то учиться заново. Новое строилось в небывалые сроки, новейшими методами и часто из новых материалов...

В 1929 году, когда Патон, тогда профессор, а в будущем академик, крупнейший специалист по сварке, еще строил мосты, применяя одну лишь клепку — медленную, кустарную, изнурительную, Уралмашстрой уже пробовал сваривать крупные металлические конструкции.

Внедрялась на Уралмашстрое электро- и газосварка, азбодудрон, ксилодудрон, пустотелые кирпичи, пенобетон, сборный железобетон — современные материалы и технологии.

Естественно, молодежь оказывалась более восприимчивой ко всему новому. Двадцатипятилетний Марк Рейшер, архитектор по строительству промышленных зданий и сооружений, представил Владимиру Федоровичу Фидлеру удивительный проект водонапорной башни. Главный инженер пришел в восторг. Эта башня ничем не напоминала тысячи других, что уже были построены в России — привычных, будничных, похожих друг на друга, как сестры.

Но другой сюрприз молодого архитектора гораздо меньше обрадовал Фидлера: опять железобетон? Сварной бак? И Фидлер взял карандаш... Башня имела две колонны, Владимир Федорович подрисовал еще две — пусть теперь будут хоть из железобетона!

Эта водонапорная башня с четырьмя колоннами — уралмашевцы назвали ее «белой башней» — поднялась над городом машиностроителей: легкая, изящная, прочная конструкция! В 1965 году ее признали памятником архитектуры, фотографии ее с именем автора Рейшера вошли в учебники и ученые монографии. Но две-то колонны из четырех в ней дорисовал главный инженер Фидлер — еще в то время, когда не слишком доверял железобетону!

В пять лет был построен Уралмашзавод, только в пять — срок невероятно короткий даже по нынешнему времени. Он поднялся усилиями, умом, страстями, жизнями замечательных людей. И через пятьдесят лет совершенное ими воспринимается как подвиг.

Снимки на 3—6-й страницах — из заводского архива.

Горький и Уралмаш

**Аркадий
БУСЫГИН**

Широко известно обращение Алексея Максимовича Горького к коллективу уралмашевцев в июле 1933 года. В день официального пуска нового завода он писал:

«Горячий привет строителям Уралмашиностроя!

Вот пролетариат-диктатор создал еще одну могучую крепость, возвел еще одно сооружение, которое явится отцом многих заводов и фабрик.

С каждым месяцем, с каждым годом рабочая энергия все более мощно и грандиозно воплощается в жизнь, творя чудеса трудового героизма.

Еще два-три года усилий,— и вы, товарищи, явитесь непобедимыми для всех врагов, которые и теперь боятся нас.

Прекрасную жизнь строите вы, счастливы сказать вам это от всей души!

Желаю вам доброго здоровья, неиссякаемой бодрости духа, крепкой дружбы.

Ваш всей душой

М. ГОРЬКИЙ».

Восторженно было встречено это приветствие рабочими и служащими Уралмашзавода.

С легкой руки А. М. Горького УЗТМ и сейчас называют отцом заводов.

Однако это не первое и не единственное обращение пролетарского писателя к коллективу Уралмашзавода. Чуть раньше, 25 июня того же 1933 года А. М. Горький, будучи ответственным редактором журнала «Наши достижения», писал:

«Дорогие товарищи!

На Уралмаш выезжает бригада журнала «Наши достижения». Она должна на месте собрать материал для специального номера этого журнала, чтобы рассказать миллионам ваших братьев по классу и по борьбе о величайшей победе уральцев.

О героической борьбе рабочих за освобождение от вековой капиталистической зависимости у нас пишут мало, и не всегда убедительно. Объясняется это тем, что писатели и журналисты часто не могут глубоко проникнуть в описываемые явления, а сами участники этой борьбы — пролетарии еще несут на себе груз тяжелого прошлого — неграмотность.

Наша бригада будет не только сама писать об Уралмаше, она должна найти авторов в вашей среде и помочь им рассказать на страницах журнала

о том, как строился у нас первый гигантский завод тяжелого машиностроения, как вы овладеваете новыми сложнейшими механизмами, как боретесь за улучшение материально-бытовых условий работы и жизни.

Но и ей, бригаде, в свою очередь работы ваша помощь, ваше деятельное участие в ее работе.

Редакция уверена, что эту помощь бригада получит».

Уралмашевцы дружно отозвались на просьбу писателя. Они приняли живейшее участие в помощи работникам журнала В. Бобрышеву, Н. Деметьеву, Б. Яглингу, приехавшим в Свердловск.

Сентябрьский номер журнала за 1933 год был полностью посвящен Уралмашзаводу — его людям, их делам.

Вот что рассказывал журнал о значении первенца тяжелого машиностроения:

«Пуск УЗТМ отменяет сотни заготовленных лицензий на ввоз из-за границы оборудования».

«21 февраля 1933 года приказом по НКТП тов. Орджоникидзе снял с импорта оборудования на 21 000 000 золотых рублей».

«Металлургические заводы, вступающие в строй во вторую пятилетку, все свое сложное оборудование получают из цехов УЗТМ».

«Уралмаш может быть назван «молодежным заводом»: 31 % рабочих — в возрасте до 20 лет, 31 % — от 20 до 25, 24 % составляют рабочие от 25 до 35 лет и только 14 % — старше 35 лет».

В 1934 году уралмашевцы послали в подарок А. М. Горькому образцы художественного литья, только что освоенного на заводе.

В ответ писатель прислал письмо, которое хранится в заводском музее боевой и трудовой славы. Вот оно:

«Дорогие товарищи!

Леопольд Авербах привез мне образцы вашего искусного литья,— сердечно благодарю вас за подарок!

Мне думается, что теперь, когда наш рабочий народ начинает украшать свои жилища — работа ваша очень своевременна и должна иметь хороший спрос.

...Следовало бы расширить количество образцов и укрупнить их так, чтобы они годились для украшения скверов и орнаментации зданий.

...Вообще, на мой взгляд, дело это следовало бы поставить серьезно и широко.

Еще раз — спасибо вам!

Будьте здоровы!

М. ГОРЬКИЙ. 5.XII.1934 г.»

Упомянутый в письме Леопольд Леонидович Авербах (1903—1937) — племянник Я. М. Свердлова, первый редактор журнала «Молодая гвардия» (1922—1924), редактор газеты «Уральский рабочий» (1924—1925), бывший секретарь РАППа (Российской ассоциации пролетарских писателей) и редактор журнала «На литературном посту» — в 1934—1937 годах возглавлял на Уралмаше сначала заводскую, а затем районную партийные организации. Он был близко знаком с А. М. Горьким. В своих письмах к Авербаху Алексей Максимович часто упоминал Уралмаш.

Елена Владимировна Бонч-Бруевич, вдова Л. Л. Авербаха, любезно предоставила нам два письма.

«...Знаете ли Вы, что Серго Ордж (оникидзе) очень хвалил Вас за работу по линии оздоровления быта рабочих Уралмаша? Это было на конференции по тязптому недавно.

Ну — желаю Вам сил, здоровья, бодрости духа! Крепко жму руку.

А. ПЕШКОВ 27 сент. 1934 г.»

«...Людей талантливых и влюбленных в свое дело, в литературу — неурожай. Организаторов, воспитателей — не вижу. Вот в чем дело и вот где причина моей непрерывной тревоги. Я многократно говорил Вам, что Ваше дело — литература. Учитесь, Леопольд.

Вот что захотелось сказать Вам. Я уверен, что сказанное не понизит температуру энергии, которую Вы отдаете Уралмашу.

Будьте здоровы. Еще раз — учитесь!

Крепко жму руку.

А. ГОРЬКИЙ. 11 июля 1935 г.»

Последнее письмо А. М. Горький написал уралмашевцам в апреле 1935 года. Оно было адресовано коллективу механического цеха № 1.

«Дорогие товарищи!

Л. Авербах сообщил мне, что вы затеиваете книгу «Дела и люди механического цеха». Очень одобряю ваше намерение.

Если вы отнесетесь к делу так серьезно, как оно заслуживает, вы можете создать книгу весьма ценную, интересную и поучительную. Для этого требуется, чтоб вами было хорошо понят смысл книги и разработан план ее.

Для чего пишется книга. Для того чтобы показать,

как процессы труда влияют на обыкновенного человека, преобразуют его в человека социалиста, и как он в свою очередь влияет на процессы труда, все более удачно и легко организуя производство, труд и все культурные условия своей жизни. Эта задача серьезная и решение ее, конечно, весьма сильно послужит делу нашего перевоспитания.

Мы с Авербахом наметили практический подход к работе над книгой и он передаст вам наши домыслы.

Весьма горячо желаю вам удачи, успеха.

Крепко жму ваши руки.

Большевистский привет — М. ГОРЬКИЙ».

Мы не знаем, что помешало в те годы коллективу механического цеха осуществить свою задумку, что было сделано и в какой стадии прекратилась работа над книгой. Можно только предположить, что главной причиной послужила смерть А. М. Горького, а затем Л. Л. Авербаха.

19 июня 1936 года уралмашевцы прощались с любимым писателем. Заводская газета «За тяжелое машиностроение», вышедшая на следующий день, была посвящена его памяти.

«Ночью и утром 19 июня по заводу проходили митинги траура и скорби, — сообщалось в передовой. — Велика потеря, тяжело горе, которое постигло страну. Перестало биться пламенное сердце».

А. М. Горький ни разу не был на Уралмашзаводе, но имя его навсегда связано с первенцем тяжелого машиностроения.

Рабочий диалог: Уралмаш - „Шкода“

Валерий
БУШУХИН

Фото
автора

Так получилось, что плзеньскому коваржу (кузнецу) Франтишеку Прухе довелось побывать у нас на Урале трижды. Сначала просто гостем, потом уже добрым знакомым, а в третий раз...

Он прилетел в Свердловск поздней осенью, под самый снег. Высокий, плечистый, видный, — его легко было узнать среди пассажиров на самолетном трапе.

Забыв о солидном возрасте, бригадир со знаменитой «Шкоды» молодо сбежал по ступенькам, чтобы скорее обнять встречающих. Затем окинул взглядом гряду синеющих на горизонте гор, будто убеждаясь, что они все еще на месте. Приглаживая рукой непокорную седую шевелюру, широко вздохнул всей грудью:

— Ну вот мы и дома!

Наутро Пруха вместе с товарищами по командировке — токарем Иткой Робоховой, строгальщиком Вацлавом Марекком и модельщиком Йозефом Крейчем — направился к проходной Уралмашзавода. Они приехали на этот раз не гостить — работать.

— Принимайте стажера! — представил Пруху бригаде Виталий Филиппович Баянкин.

Бригадир был знакомы не первый год. Долго переписывались, затем Баянкин ездил на «Шкоду» в составе уралмашевской делегации. Тогда они впервые заключили договор о социалистическом соревновании бригад.

Дорожный чемодан Прухе укладывала жена. Она

же и подбирала подарки для семьи Баянкиных, обстоятельно проинструктиввав мужа, какие и кому передать приветы. Сверху положила новую спецовку с крылатой эмблемой: дело-то ведь прежде всего. В этой фирменной спецовке кузнец «Шкоды» и появился у пресса «10 000».

Поначалу Пруха лишь приглядывался, не желая мешать бригаде. Да и бригада его как бы стеснялась, мешал языковый барьер. Но, видно, правильно говорят: человек познается в деле. Все получилось как-то само собой.

...Большая раскаленная болванка зажата в гигантских клещах прессового манипулятора.

— Франтишек, перехвати!

— Добре, Виталий!

И два человека в касках специальными длинными крючьями заводят под заготовку тяжелые цепи мостового крана. Жарко. На лицах кузнецов капли пота. Действуют они слаженно, понимая друг друга с полуслова.

Покówki идут одна за одной. Тяжело лязгает пресс. Пруха сам делает просечки, отрубает излишек, пробует управлять огромной машиной.

Две недели стажировки пролетели незаметно. Пруха сразу понял, что вернется в Пльзень не с пустыми руками. Ему приглянулась машина для очистки заготовок от окалины. А манипулятор? Хорошо бы взять чертежи. Понравилась бригадная форма организации труда.

Обмен был и взаимным. На две недели стажировки участок стал настоящей интернациональной школой высшего кузнечного мастерства. Любо было смотреть на рабочую хватку седовласого чеха: как никак профессионал с 44-летним стажем!

В тот год Прухе исполнилось шестьдесят. День рождения он встретил среди своих свердловских друзей. Помню, с завода мы отправились к Баянкину. От площади имени Первой пятилетки до квартиры Баянкиных — рукой подать. Вдруг Пруха остановился:

— Нет, дальше не пойду.

Переводчик опешил:

— Почему?

— Подарки в гостинице оставил.

Как ни уговаривали его, что подарки в крайнем случае можно завести завтра, ничто не помогло. Характер... Пришлось срочно ловить такси и мчаться в гостиницу.

Зато Пруха был страшно доволен, когда заявился с охапкой подарков, и, улыбаясь, проговорил свое:

— Вот мы и дома!

То ли случай с подарками, то ли сам факт юбилея странным образом подействовал на всех. А может, человеку свойственно раскрываться: на откровенность он всегда отвечает откровенностью.

Обычно молчаливый, сдержанный в эмоциях, Пруха тогда рассказал о себе.

Отец его стал коммунистом еще во времена первой чехословацкой республики, за что был брошен потом в застенки. Но дело отца продолжил сын. Сам

Франтишек Пруха член Коммунистической партии Чехословакии с памятного 1945 года и ему довелось довести дело до конца — строить новую, социалистическую Чехословакию. В партии жена и дочь.

Что скрывать, нелегко приходится работать коммунистам Западной Чехии. Рядом — граница, откуда идет прямая трансляция радио- и телепередач буржуазного толка и подстрекательская «литература». Ставку буржуазные идеологи делают на молодежь, полагая, что ее проще сбить с толку. Старшие товарищи должны помочь молодым найти верные ориентиры, считает Пруха.

Доверительный разговор продолжил Виталий Баянкин. Он вспомнил о войне, хотя по возрасту принадлежит совсем к другому поколению. Воевать не пришлось. Воевали его земляки. Воевали уралмашевцы. Двести уралмашевцев награждены за освобождение Чехословакии, шесть из них — орденами ЧССР, шестьдесят восемь — медалью «За освобождение Праги». В музее боевой и трудовой славы Уралмашзавода хранятся личные вещи Ивана Васильевича Бойко — под его командованием гвардейский пехотный полк отбил у врага чехословацкий город Хомутов, и благодарные жители назвали героя-командира своим Почетным гражданином...

Допоздна в этот вечер не гас свет в окнах квартир Баянкиных, где принимали дорогого гостя, где говорили о самом близком, о кровном, о святом.

Активно сотрудничать Уралмаш и «Шкода» начали, когда понадобилось в сжатые сроки возвести уникальный цех холодной прокатки на Восточнословацком металлургическом комбинате в городе Кошице. Проектировали цех уралмашевцы, а поставку оборудования осуществили совместно. Есть сейчас на комбинате прокатный стан, на котором стоят две заводских марки: «УЗТМ» и «Шкода».

В 1958 году коллективы предприятий заключили первый договор о дружбе и сотрудничестве сроком на двадцать лет. Было сделано много. Общим детищем стал цех холодной прокатки стали на Верх-Исетском металлургическом заводе. Уралмашевцы изготовили сложнейшее оборудование для первенца чехословацкой атомной энергетики — Ясловске-Богуничской АЭС. А машиностроители Западной Чехии поставили в СССР агрегаты для Карагандинского металлургического комбината, изготовленные по уралмашевским чертежам. За выполнение заказов для Советского Союза прокатный завод объединения «Шкода» удостоен советского ордена Дружбы народов, а на знамени Уралмашзавода сверкает орден Дружбы ЧССР — за успешное 20-летнее сотрудничество с народным предприятием «Шкода».

Машиностроители двух стран совместно разрабатывают новые конструкции тяжелых гидрокompрессов, ведут поиск методов рационального раскроя листа с помощью ЭВМ. Взаимная выгода измеряется миллионами рублей и крон.

Полезен и обмен опытом. На Уралмаше и «Шко-

де» это поняли давно. Движение «От станка к станку» — это, если хотите, показатель зрелости взаимоотношений рабочих Уралмаша и «Шкоды». По завершении очередной стажировки гости и хозяева собираются вместе, за «круглым столом», и хозяева, выслушав комплименты в свой адрес, непременно осведомляются:

— А какие заметили недостатки?

Разговор идет рабочий, начистоту.

Два предприятия — словно две больших семьи. И как бывает в таких случаях, они дружат поколениями: взрослые, молодые, совсем юные. В одном из детских садов Уралмаша мне как-то показали целую «бригаду» кукол из Пльзеня. Их прислали в подарок маленьким уралмашевцам дети рабочих «Шкоды».

Постоянные контакты двух предприятий проложили дорогу дружбы между Свердловской и Западно-чешскими областями. А города Свердловск и Пльзень стали побратимами.

11—12 декабря 1982 года в Праге проходил IX съезд Союза чехословацко-советской дружбы. И среди них был бригадир кузнечно-прессового цеха Уралмашзавода В. Ф. Баянкин. Много у него было встреч в Праге, но все равно в перерыве удалось съездить в Пльзень. Это ведь, по нашим меркам, недалеко от столицы, всего девяносто километров. Побывал Баянкин в бригаде Франтишека Андела, который теперь возглавляет коллектив. И, конечно, встретился с бывшим бригадиром Франтишеком Прухой. Тот, все такой же добрый, улыбочивый, схватил Баянкина в медвежью охапку:

— Добрый день, приятель!

А Баянкин ему в ответ лукаво:

— Вот мы и дома!

Два взрослых человека, не стесняясь, вытирали слезы, неожиданно подступившие к глазам.

Побратимы. Емкое это слово объясняет многое. Потому словно в родной дом приезжают они друг к другу — рабочие Урала и Западной Чехии.

...Свердловск и Пльзень разделяют три с половиной тысячи километров. Но настоящей дружбе не страшны большие расстояния!..

На снимке: Франтишек Пруха (в центре слева) и Виталий Баянкин среди кузнецов Уралмашзавода.

С ложкой за голенищем...

**Людмила
СЕРГЕЕВА**

...В ремонтно-строительном цехе, первом, построенном на площадке, за длинным дощатым столом расселись рабочие. Привезли горячий обед. Застучали ложки, все заняты едой. И в этот момент появляется Банников. Сапоги, брюки-галифе, френч на широких плечах. Все замерли.

— Маруся, наливай-ка борща пожирнее! — кричит бригадир. — Сегодня с нами директор обедает.

Александр Петрович, забрав тарелку у бригадира, сел широко, по-мужицки, достал ложку из-за голенища, обтер полую френча, сказал серьезно:

— Себе бери пожирнее, а мне как всем.

Под общий хохот бригадир взял новую порцию и отпарировал:

— Если тебе, Александр Петрович, наш борщ по душе, приходи и завтра. Мы тебя поставим на постоянное довольствие...

Долго вспоминали рабочие эту встречу, не раз шутили:

— Погодь, Маруся, с обедом! Банников что-то задерживается...

Этот случай рассказал мне Василий Михайлович Кадешников, ветеран Уралмашзавода. Он строил первые цехи, часто встречался с первым директором Уралмашстроя Александром Петровичем Банниковым.

Как-то вызвал Банников к себе молодого строителя — заметил его беседующим в рабочее время с девушкой. Пришел парень к директору во время совещания. Четко отпечатал шаг от двери, по-солдатски приложил руку к виску:

— Разрешите доложить: по вашему приказанию явился.

— Что же ты бездельничаешь, когда люди работают? — хмурит брови Банников.

— Никак нет, — отвечает парень, — важные государственные дела решал: замуж девку звал. Обещала пять сынов родить. Здесь и робить будут. А то вон откель сегодня кадры везем...

— Иди, — строго сказал директор.

А когда парень четко повернулся и вышел, долго хохотал, упав головой на большие руки:

— Ох, не могу: «Важные государственные дела!» Ишь как повернул...

Был директор строг, справедлив. К людям добр. Мог постоять за своих рабочих, в обиду не давал.

Им было

четырнадцать...

Вспоминает Кадешников такой случай. В тридцатом году в их цехе делали медные и бронзовые детали для строительства. Плавил металл в кузнечных горнах. Печи не было, а чугунолитейный цех существовал лишь на бумаге, в проектах. Когда заводу потребовался чугун, в первую очередь встал вопрос: где достать вагранку — плавильную печь. Собрали городских старожилов, тех, кто работали в ремонтно-строительном цехе, на совет. Кадешников произнес речь о том, как ждет сегодня стройка печь, а ее нет и дни драгоценные уходят. Напомнил горожанам, что в Свердловске или где близ города трудились кустари-одиночки. У них могла быть вагранка.

Разом оживились, раздалось несколько голосов: — В Уктусе был такой!..

Не откладывая, утром следующего дня отправили шесть рабочих на шести подводах на поиски вагранки. Расспрашивали жителей о кустаре и наконец нашли его двор. Соседи сказали, что хозяина давно нет. Под навесом лежали чугунные звенья вагранки. Их погрузили на подводы и уже к вечеру доставили на заводскую территорию.

Составили эскизный проект деревянной мастерской. Временное здание быстро построили на свободной площадке (сегодня на этом месте — здание цеха механизации). Смонтировали вагранку, и чугунолитейная мастерская отметила свой первый трудовой день.

Когда мастерская работала уже в полную силу, к директору завода явился представитель городского коммунального хозяйства.

— Вы без разрешения увезли нашу вагранку, — заявил он.

— Мой народ — хозяин! — гордо ответил Банников. — Он подбирает все то, что беспризорно валяется в городе, но необходимо для строительства завода.

Незадачливый коммунальщик так и ушел со стройки ни с чем. Да еще много неприятных слов услышал вслед от литейщиков.

В годы войны многие уралмашевцы работали за двух, за трех, за десятерых. И все-таки рабочих рук не хватало. И с мая 1942 года завод стал принимать на работу 14-летних ребят.

В механическом цехе, где юных станочников было особенно много, произошел такой случай. Вдруг мастера заметили, что производительность среди токарей резко упала, какое-то беспокойство владело ребятами, они норовили в течение дня раз-другой ускользнуть из цеха, перешептывались, чем-то обменивались...

Начальник цеха решил обратиться за помощью к комсомольцам, чтобы те подействовали как-то на несовершеннолетних нарушителей дисциплины.

В цех пришел Анатолий Гримальский, комсорг ЦК на заводе, славный бодрый и веселый человек, настоящий вожак молодежи. Он и раскрыл «тайну» мальчишек. Оказалось, все они самокатчики, повально увлечены «машинами» на подшипниках. По утрам, гремя ими и пугая прохожих, ребята мчались на своих самодельных роллерах — так их еще называли — к заводу. Но тут перед ними возникли серьезные проблемы стоянки и охраны своих самокатов. Мальчишки вынуждены были, сменяя друг друга, сторожить их.

По остроумному предложению Гримальского мальчишкам механического отдела под гараж кладовую. На дверях повесили табличку: «Гараж роллеров». Кладовую закрыли на замок. Каждому владельцу личной машины выдали номерок, что подействовало необыкновенно: все сразу пришло к норме, дисциплина была восстановлена, высокой производительности труда ничто более не препятствовало.

Захотелось Ольге за руль...

«Дорогой «Следопыт»!

Я очень люблю машины и хочу стать шофером-профессионалом. Некоторые смеются: девчонка будет ходить в мазуте! А я грязи не боюсь, да и машины наших дней уже не так грязны, как прежние. Я знаю места, где учат на шофера, но туда принимают только мужчин. Как быть?

Ольга П.,
Свердловская обл., Ивдельский р-н.»

Дорогая Оля!

Мы позвонили в Свердловский головной учебно-курсовой комбинат «Главсредуралстроя» и нам ответили: «Пожалуйста! Девушек на учебу принимаем, с шестнадцати лет. Правда, по существующему законодательству водительские права можно получить по исполнению совершеннолетия».

Вот адрес: г. Свердловск, ул. Кузнецкая, 72. Преду-
преждаем, Оля: продолжительность учебы — полгода, а
общегитание комбинат не предоставляет.

«Дорогой «Следопыт»!

Я хочу стать следователем. Все, кому говорю о своем
выборе, обычно удивляются, посмеиваются: мол, у дев-
чонки ничего не выйдет! А я верю, что у меня получится!

Ирина Л.,
КССР, Павлодарская обл.»

Дорогая Ирина!

В Казахском государственном университете им. С. М. Ки-
рова есть юридический факультет. Специальность: право-
ведение.

Вот адрес: Алма-Ата, ул. Кирова, 136.

Юридический институт есть и в Свердловске: ул. Ком-
сомольская, 21.

Помни, что при поступлении в эти вузы бывает очень
трудно выдержать конкуренцию со стороны многочислен-
ной «мужской половины».

**ТЕПЕРЬ — НАШ ВОПРОС К СПРАШИВАЮЩИМ. ЗА-
МЕТНО СТРЕМЛЕНИЕ ДЕВУШЕК К «МУЖСКОЙ» ПРОФЕС-
СИИ. ЧЕМ ЭТО МОЖНО ОБЪЯСНИТЬ: ЖЕНЩИНЕ НАДОЕ-
ЛО БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ, ИЛИ ОДНО ДРУГОМУ НЕ МЕ-
ШАЕТ!**

«Я хочу связать свою судьбу со службой в рядах
Советской Армии. Делала запрос в райвоенкомат, но
мне ответили, что девушек в военные училища не при-
нимают. Дорогой «Следопыт», ответь, правда ли это?

Наташа К. Коми АССР.»

Почти такой же вопрос задают девочки из Донецкой
области. Приходится удивляться: разве могут быть со-
мнения в компетентности военкоматов! Мечта настроила
наших корреспонденток скептически, но реальность имен-
но такова: девушек в военные училища не принимают.

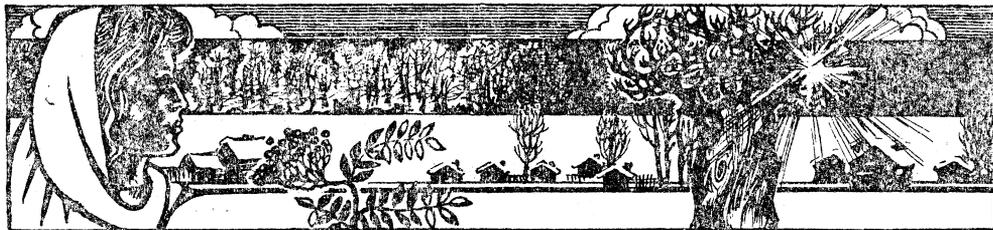
Из Павлодара от Наташи С., из Кунгура от Нади Б.
пришли письма: «Очень хочется быть радисткой на ко-
рабле, очень хочется связать свою жизнь с морем».

Море — это, конечно, красиво. Но не следует ли,
прежде чем решиться отдать предпочтение морской про-
фессии, хорошо подумать, побольше разузнать о ее «по-
вседневности», составить свое представление о будущей
работе!

О том, что море — это тяжкий труд, который порой
невыносим не только для женщины, а и для сильного,
здорового мужчины, рассказывается, например, в публи-
куемой нами документальной повести В. Колоскова «Ат-
лантический экзамен».

Конечно: если человек действительно чего-то хочет,
он добивается своего. Даже если девушка хочет иметь
«мужскую» специальность. Вот адреса нескольких инсти-
тутов связи (но это вовсе не значит, девочки, что вас
непрерывно будут готовить к работе корабельных ради-
сток): Куйбышев, ул. Льва Толстого, 23; Ленинград, Д-65,
Мойка, 61; Москва, Е-24, ул. Авиамоторная, 8а; Новоси-
бирск, ул. Кирова, 86. В этих институтах есть факультеты
радиосвязи и радиовещания.

Счастливых дерзаний!

Василий ТРУБИЦЫН

* * *

Рябина осенью —
Жар-птица,
Но в небеса
Не может взвиться.

Она одна у нас в деревне,—
Зачем ей улетать, царевне?

Постучу я в дом к Земфире...

Постучу я в дом к Земфире
В ранний час
Иль в поздний час,
И теплее станет в мире
От ее лучистых глаз.

И дрова внесет степенно
В дом хозяйюшка моя,
Печь затопит непременно,
Чтоб согрелся тотчас я.

А зачем мне эта печка?
А зачем охапка дров?
Хватит мне и полсловечка,
Промолчит — пойму без слов.

Александр ФИЛАТОВ

Вдруг затенькает синица

То ли явь, а то ли снится...
Выйдешь утром за порог:
Вдруг затенькает синица,
Загалдят грачи у ног.

Кинешь зерен, крошек хлеба:
— Клюйте, братья, хватит нам
Всех даров земли и неба —
Все разделим пополам!

То ли явь, а то ли снится —
Я не лишний на земле,
Коли всей округи птицы
Вдруг слетаются ко мне.

Дорога

Я вышел в ковыльное поле,
Я земли родные спросил:
— Откуда во мне столько боли?
— Откуда во мне столько сил?
— Зачем столько белого света?
— Зачем столько черного зла?
Земля не спешила с ответом.
...В костре остывала зола.
Когда же последняя искра,
Взлетев, превратилась в звезду,
Я понял внезапно, как быстро
По древней дороге иду.
И нет у дороги начала,
И нет у дороги конца.
— Земля, почему ты молчала,
Что эта дорога — отца?..

Валентин ЛИТВИНОВ

* * *

Старательский лоток
С отгнившими краями,
Изъедена скоба,
Расколотое дно...
Как горестный итрг,
Заброшен в старой яме,—
Печальная судьба,
И новой не дано.
А были времена —
Хозяин

слыл в фаворе:
И на работу лих,
И легкая рука.
И жизнь была красна,
И горюшко не горе,
Когда тяжелый шлих
На днище у лотка.
...Отвалы заросли
И нет уже барака,
И, кажется, черед
Молчания векам,
Но в розовой дали
Высвечивает драга,
Как первый пароход
К забытым берегам.

* * *

Припомнилось: трепет невольный
на кромке лихой высоты,
и я, пацаненок дошкольный,
с обрыва смотрю на плиты.
Стоит на последнем шалашик,
дымит перед ним костерок,
и алой косынкою машет
романтика водных дорог.
И птица на бревна садится, —
вольготно над волнами ей!
И жизнь к горизонту струится,
не схожая

с жизнью моей.
Плоты уплывают, уходят,
быть может — к далеким морям,
и взгляд за собою уведят,
и путь их

уверенно прям.
Что знаю про камни и мели?
Про то, как в пурге и в дыму
потерянно падали ели,
ветвями безвольно взмахнув;
как в сплотках

начались устало
и шли на простор ветровой,
как бились, мочаясь,
о скалы
в теснинах реки Чусовой?..
А Кама

почти что безбрежна, —
плотам ли кручиниться тут?
И кажется: так безмятежно
и так величаво идут!
И жизнь моя

в самом начале,
и дали еще не видны.
Ни боли, ни просто печали.
...Но завтра — начало войны.

Куница

Почти у самого села,
в заснеженном саду,
она на мясо набрела,
таящее беду.
И грызла сталь,

сходя с ума,
и так хотела жить! —
куница, хищница,
сама
привыкшая душить.
И не избавившись от зла,
еще не рассвело,
с капканом трудно заползла
в укромное дупло, —

полна отчаянья, тоски,
не чувствуя ноги...
И вот — слышались шаги,
скрипучие шаги!
Охотник к дереву шагнул —
тяжелый великан,
и за веревку потянул,
и выволок капкан...
Снежинки плавилась в крови,
следами

наст рябил...
Охотник буркнул: «Се ля ви!» —
видать, философ был.

Хлопунцы

Не голодна, не хищна и не зла,
но все-таки

охотничьей закалки,
хозяину собака принесла
всех пятерых, испуганных и жалких.
Всех пятерых.
Утят-хлопунцы,
и каждый

не сказать бы — очень малый:
они, пожалуй, были не птенцы,
назвать юнцами их верней, пожалуй.
Хозяин

на рыбалку выезжал,
он в город их привез в автомобиле,
он их судьбу с домашними решал,
домашние

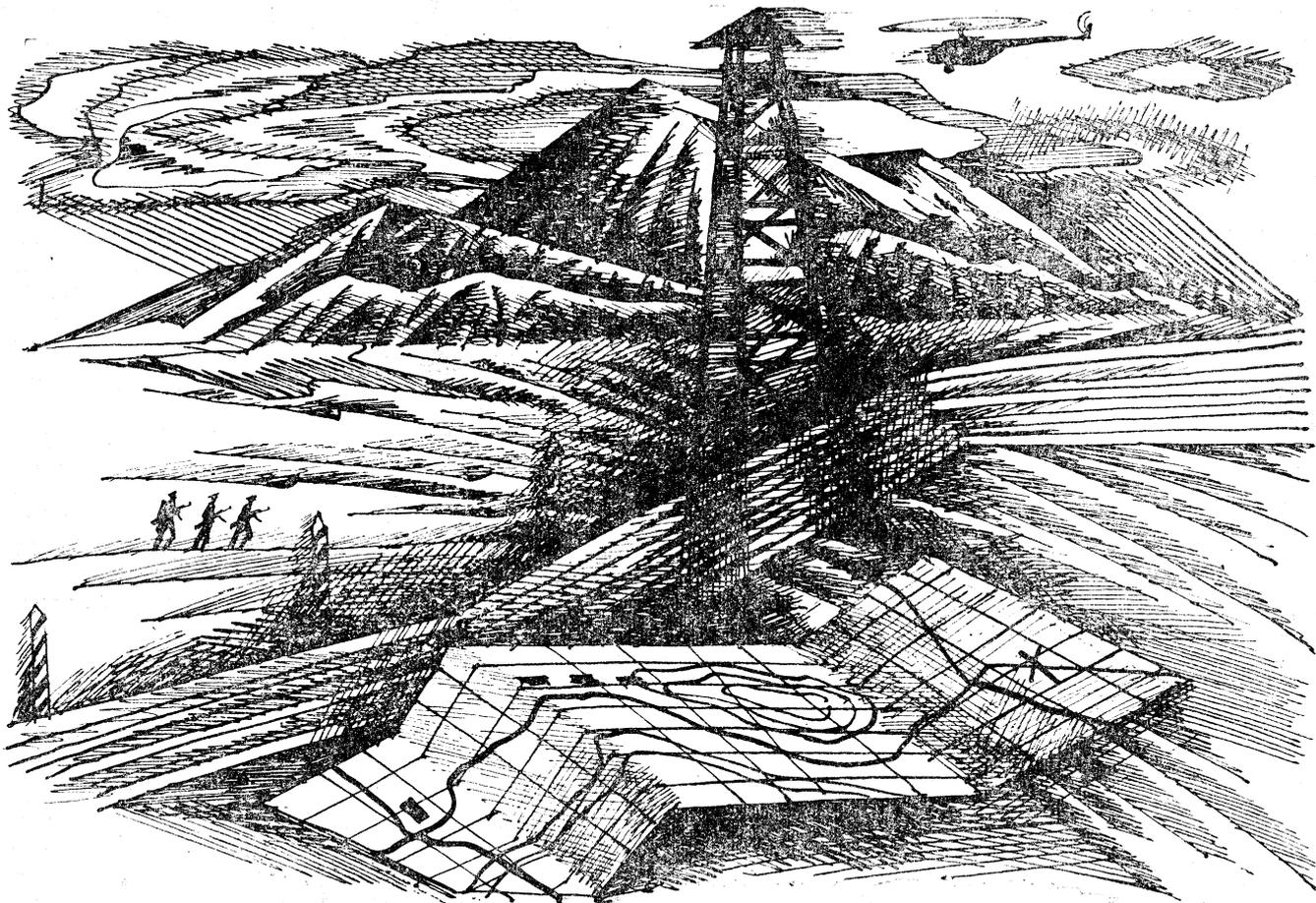
утятину любили.
...Хозяин, друг мой, добрая душа,
ведет рассказ о трудной птичьей доле
с улыбкой виноватой, не спеша:
— Отвез к воде

и выпустил на волю.
Пускай хоть раз

взлетят под облака,
увидят землю с птичьего полета,
пока тихи родные берега,
не началась

утиная охота!

Рисунок
Е. Охотникова

Когда подрастет сын

Игорь
КОЗЛОВ

Рисунки
С. Сухова

Рассказ

Участок границы, который охраняет застава, проходит по плоской вершине высокой горы. Вся равнина видна с нее как на ладони. На самой макушке горы стоит наблюдательная вышка. Установили ее с помощью вертолета, потому что наш склон — крутой, как трамплин, а противоположный — длинный и пологий, так что к вершине можно подъехать даже на машине. Используя эту особенность, сопредельная сторона (так пограничники называют соседнее государство) почти на линии границы тоже соорудила свою вышку, поставила на ней сильную оптическую трубу — прямо-таки телескоп!

В ясные солнечные дни на этой вышке, кроме солдат пограничной охраны, появляются разведчики. Они ведут наблюдение, постоянно что-то отмечают на картах, фотографируют, делают записи в блокнотах. Одним словом — «работа кипит».

Наряд на нашей вышке считается одним из самых сложных. Подниматься на гору тяжело, особенно зимой, когда склоны покрываются льдом. А самое главное, служба здесь требует особой бдительности и выдержки: расстояние между вышками — десять метров, каждое произнесенное вслух слово улавливают «наостренные уши»...

В то утро все было как обычно. Машина под-

везла нас к подножию горы. Мы выпрыгнули из кузова, и я сразу заметил — на вершине блеснуло стекло «телескопа»...

Помню, когда я первый раз по узкой тропе поднимался к вышке, то где-то на полпути совсем выдохся, повалился на большой камень и пересохшими губами бормочу: «Не могу больше...» Нас, новичков, вел тогда начальник заставы капитан Васильев. Он подошел ко мне, положил руку на плечо и спокойно так говорит: «Рядовой Сухов, поймите меня правильно... Я знаю, что вам трудно. Можно, конечно, постепенно привыкать. Но отсюда, с вершины, наблюдают за каждым вашим шагом... Что они подумают, если увидят, как вы вниз покатитесь? Отдохните немного и пойдём...»

Капитан поднялся чуть выше — вся наша братия пластом лежала вдоль тропы, стал что-то говорить другому солдату, у которого, наверно, самочувствие было не лучше. А ко мне, ловко прыгая по уступам, подлетел сержант Юра Попов — он шел впереди, а начальник заставы замыкал цепочку. Сержант лег рядом, усмехнулся, шутиливо ткнул меня кулаком в бок и задорно сказал: «Вставай, пограничник, не позорь державу!».

С тех пор перед каждым восхождением я невольно вспоминал эти слова.

Сержант Попов и в тот раз был старшим наряда. Когда машина, развернувшись, уехала, он посмотрел на вершину, нарочито громко вздохнул и привычно дал команду:

— Заряжай!

Голос у Попова — звонкий, озорной. Вроде произносит команды четко, строго, а получается — весело...

У подножия горы, где дорога упиралась в склон, на специальной подставке укреплен обрубок чугунной трубы. Сначала к нему неторопливо подошел Федя Басаргин — третий участник нашего наряда. Он деловито вставил в трубу ствол автомата, вытащил из подсумка магазин, лягнул затвором.

— Оружие заряжено.

Федя — волжанин. Говорит на «о». Парень сильный, коренастый, а ходит немного вразвалочку, как медвежонок.

Потом сержант кивнул мне. Я подошел к трубе и тоже зарядил автомат.

Теперь мы были готовы. Началось восхождение. Тропа медленно плыла перед глазами. Был март месяц... Лед кое-где подтаял, под подошвами сапог хрустел песок, шуршала прошлогодняя листва. Солнце припекало, но мы были в ватных куртках и зимних шапках, потому что там, наверху, всегда бушует ветер. Несколько раз по пути я хватал горсть синего поздраватого снега и бросал его за шиворот. Приятный, освежающий холодок полз по спине...

Наконец мы добрались до маленькой будоч-

ки. Она пряталась за бугром у самой вершины. Здесь на всякий случай хранился небольшой запас продовольствия, стояла самодельная печурка. Когда было особенно холодно, мы по одному спускались с вышки и заходили в будочку погреться.

Передохнув немного, мы не спеша, с достоинством вышли из-за бугра.

На вышке сопредельной стороны торчали три солдата. Увидев нас, они загалдели, послышался резкий, гортанный смех: их сюда привезли на машине, а с нас, пока мы поднялись, сошло семь потов.

Каждый раз повторялось одно и то же, и каждый раз такая «встреча» ужасно раздражала меня: «Как им не надоест?..»

Мы поднялись на смотровую площадку. Заняли обычные посты наблюдения. Солдаты сопредельной стороны, повесив автоматы на гвоздь, о чем-то болтали, показывали на нас руками. Потом закурили и стали соревноваться, кто дальше плюнет в сторону границы...

Прошло несколько часов. Утренний туман рассеялся, видимость стала отличная.

— Надо ждать гостей, — сказал Попов.

И он не ошибся: вскоре послышался гул мотора.

Услышав его, вояки сопредельной стороны хватили свои автоматы и приняли позы, означающие, по их мнению, бдительное несение службы.

По серпантину дороги к границе приближался легковой автомобиль. Скрипнули тормоза — из кабины вышел разведчик. Мы знали его в лицо и между собой звали «активный». Он хорошо говорил по-русски, всегда приветливо улыбался и давно пытался вступить с нами в контакт. Однажды принес три шапки, сделанные из какого-то дорогого меха, стал предлагать:

— Берите! Что вы боитесь?.. Застава далеко, никто не узнает! Домой красивый поедешь!

Целый час старался тогда провокатор подкупить нас, охрип на ветру. Наконец, грязно выругался, кубарем скатился вниз, сел в машину, зло хлопнул дверцей...

На этот раз «активный» молча поднялся на вышку. Вид у него был хмурый, озабоченный. Не глядя на нас, он принялся к окулярам оптической трубы, стал рассматривать наш участок. Потом достал из планшета карту. И тут случилось непредвиденное: дунул сильный порыв ветра — и карта буквально выпорхнула из рук разведчика. Подхваченная вихрем, она перелетела границу и прилипла к перилам нашей вышки.

Я от неожиданности оцепенел. Глаза разведчика от ужаса стали квадратными. И только сержант — нужно отдать ему должное — действовал решительно и хладнокровно. Он каким-то быстрым, я бы даже сказал, элегантно движением снял карту с перил, ловко свернул ее несколько раз и спокойно положил за пазуху. Потом он об-

локотился на перила и стал смотреть на сопредельную сторону, как будто ничего не произошло, но краешком рта хрипло прошептал:

— Басаргин... доложи... на заставу...

Федя мгновенно слетел вниз и побежал к будочке, где у нас был телефон.

Наконец «активный» пришел в себя.

— Сержант, отдай карту! — яростно заорал он. — Карту отдай! Отдай карту! Карту!..

И вдруг мгновенно умолк, снял с руки часы, протянул их и заискивающим тоном сказал:

— Это золотые... Верни карту, сержант, очень прошу...

Я посмотрел на Попова. Он закусил нижнюю губу.

Разведчик немного помолчал, выжидая, что будет делать сержант. Попов стоял в той же позе.

— Ну, пеняй на себя! — зло крикнул он. — Не отдашь по-хорошему — силой возьмем!

Он дал солдатам какую-то команду. Те испуганно переглянулись, потом нехотя передернули затворы, улеглись на доски смотровой площадки, направив на нас оружие.

— Если через минуту не отдашь — открываю огонь! — взвизнул разведчик.

Сержант глянул на меня. Мы молча опустили «флажки» предохранителей автоматов и тут же услышали резкий свист. Это был оговоренный сигнал — «спускайтесь вниз». Я посмотрел в сторону бугра — там у нас был оборудован небольшой окоп, — Федя Басаргин, взяв на мушку наблюдательную вышку сопредельной стороны, готов был прикрыть нас.

— Медленно... спокойно... пошел... — приказал мне Попов.

— Юра, давай ты первым. У тебя карта.

На какую-то секунду сержант задумался, потом кивнул и неторопливо пошел к лестнице.

Я, не отрываясь, смотрел на сопредельную сторону, готовый в любой момент дать ответную очередь. Сердце бешено стучало. Выл ветер. Гудели металлические перекладки под сапогами Попова.

Разведчик растерянно наблюдал за сержантом. Видимо, никак не мог принять решение. Наконец он что-то приказал солдатам, но те отрицательно качали головами, протестуя загалдели. Разведчик бросился на них с кулаками, схватил пистолет... Что было дальше на вышке, не знаю: раздался условный свист — и я камнем скатился вниз, рывком добежал до бугра и, как в воду, нырнул в окоп. Я весь был в испарине, тяжело дышал. Попов склонился надо мной. На его лбу тоже висели крупные капли.

— Порядок, Алеша... — ободряюще шепнул он.

Басаргин продолжал вести наблюдение. Не оборачиваясь к нам, он сказал:

— Приказано мне с картой спуститься... Вам оставаться здесь. Скоро придет тревожная группа.

Я занял место Басаргина. Как они передавали друг другу карту — не видел. Только услышал, Попов сказал Федору: «Оставь нам свои патроны».

На сопредельной вышке тоже никого не было. Но вскоре ветер донес рев моторов — к линии границы выехали два грузовика с солдатами. По команде они развернулись в цепь.

Мы были готовы держать оборону.

— Стрелять только по моей команде. Прицельно. Одиночными, — приказал сержант.

И тут за нашими спинами раздался лязг и хрип: тревожная группа, на ходу изготовляя пулеметы, ввалилась в траншею... Потом ребята рассказывали, что никогда еще так быстро не забиралась на гору. «Карабкались, как обезьяны! — смеялся старшина. — Разворотили всю тропу!» Но это было позже... А тогда мы напряженно ждали, что произойдет.

Через несколько минут в воздухе со стороны тыла затарахтели наши вертолеты. Это заметно придало нам бодрости.

На сопредельной стороне прозвучала команда. Солдаты быстро попрыгали в кузова грузовиков. Машины покатились прочь от границы.

Так закончилось это происшествие.

Приближался летний период службы или, как говорят пограничники, — «сезон чернотропа». Однажды начальник заставы собрал нас в классе тактической подготовки. Здесь на специальном столе лежал рельефный макет нашего участка: горы, лощины, ручьи, даже отдельные группы камней — все было видно на нем.

— Товарищи, — строго и как-то необычно сурово сказал капитан Васильев. — Я должен сообщить вам важные новости. Удалось расшифровать ту злополучную карту, которую наш наряд доставил с границы...

В классе стояла напряженная тишина.

— Выяснилось, что сопредельная сторона хочет использовать наш район для заброски разведывательно-диверсионных групп. Обратите внимание на эти ущелья. — Капитан показал их на макете. — По ним протекают речушки, которые берут свое начало на гребне хребта, то есть у самой линии границы. Значит, двигаясь вдоль русла, лазутчики могут в темноте, не теряя ориентира, выйти в наш тыл. — Начальник заставы внимательно посмотрел на нас, озабоченно провел ладонью по широким скулам. — Нам приказано в ночное время выставлять секреты в ущельях — блокировать их. Конечно, нагрузка возрастет... Нам обещали помочь с людьми. Почти каждый из вас станет старшим пограничного наряда, — вы лучше знаете участок. Я уверен, что мы справимся с этой задачей.

Вскоре на заставу действительно прибыло пополнение. В спальном помещении пришлось потеснить койки, но все равно места не хватало.

Тогда во дворе установили большую палатку, в нее по предложению старшины перебрались «любители свежего воздуха».

Месяц мы несли службу с повышенным напряжением. Все было тихо, спокойно... Днем, как обычно, наряды поднимались на вышку. «Активный» после того случая бесследно исчез. Но другие разведчики продолжали постоянно вести наблюдение. Правда, чего-нибудь настораживающего в их поведении не замечалось. Солдаты заставы несколько успокоились, а некоторые даже подсмеивались над нами: вот, дескать, навели панику, липовую карту подсунули...

Прошел второй месяц... В августе по вечерам горы стали окутываться туманом. Как мягкий ледник, он медленно сползал в долину. Момент для нарушения границы был самым подходящим. Начальник заставы решил блокировать не только ущелья, но и лоцины, по которым протекали небольшие ручьи. Одна из них досталась мне и молодому солдату Грише Семушкину.

Это случилось 21 августа в 3 часа 19 минут...

Ночь в горах похожа на живое существо — огромное, скользкое, неповоротливое. Оно все время тяжело вздыхает, ухает, ворочается — никак не может уснуть. Пограничному наряду, несущему службу, это как раз на руку: невольно находишься в постоянном напряжении, чутко, до звона в ушах, вслушиваешься в шорохи и шумы.

Позицию мы занимали отличную: я лежал у дерева на краю лоцины, а Семушкин — метрах в двадцати за мной, но уже внизу — прямо у ручья, среди больших валунов.

План у нас был такой. Если я замечаю нарушителя, продвигающегося по дну лоцины, даю условный сигнал. Затем пропускаю его так, чтобы он оказался между мной и Семушкиным. Потом, окрикнув нарушителя, иду на задержание, а Семушкин прикрывает мои действия.

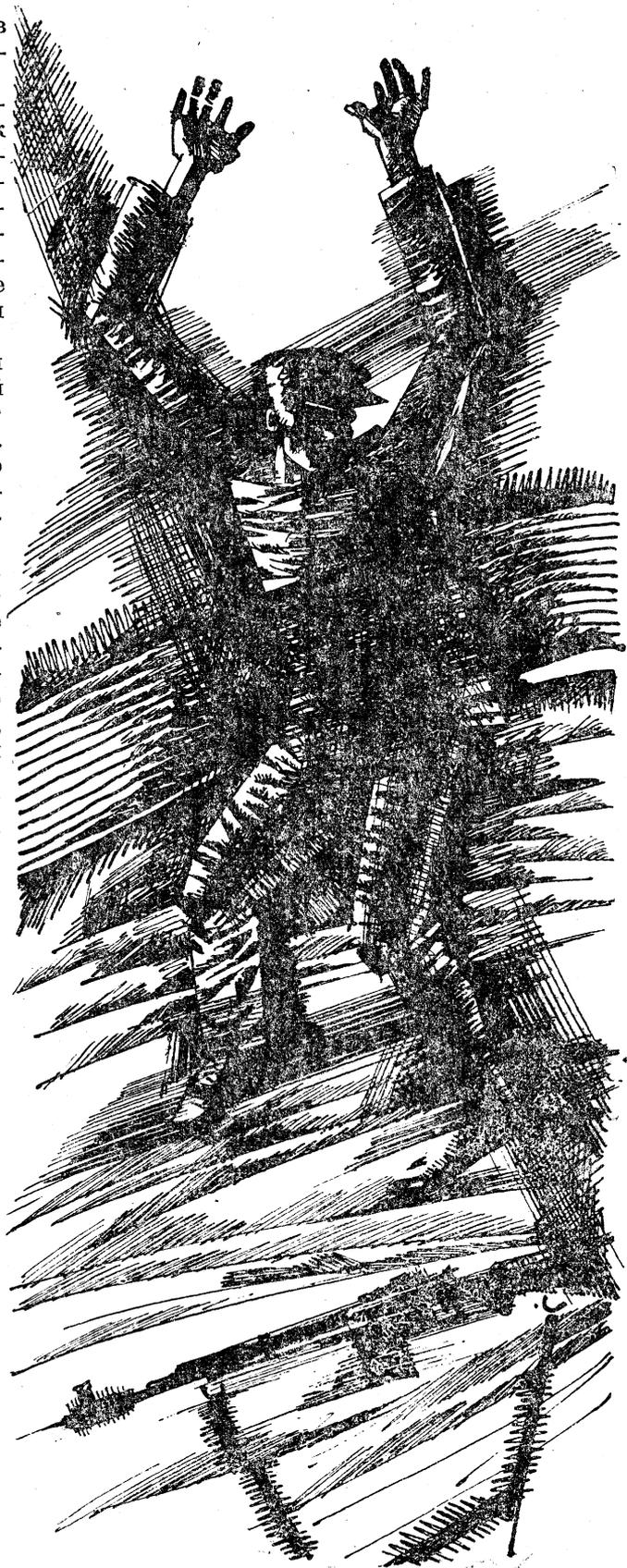
Как же все это произошло?... Сейчас мне трудно рассказать о всех подробностях. Отчетливо я помню только начало боя. До того момента, как вскрикнул раненый Семушкин... Тогда-то я подумал, что его убили. А крик, который он издал, был скорее похож на всхлип — такой жалобный, детский...

Они появились внезапно. Выплыли из тумана и шли тихо, как призраки, мерно покачиваясь в одном ритме.

Их было двое...

Я дернул бечевку — другой ее конец был у Семушкина, — и тут же уловил ответный рывок: Гриша меня понял.

Призраки приближались. Они двигались прямо к валунам, за которыми укрывался Семушкин. И тут случилось непоправимое. Видимо, Гриша хотел поменять позицию: он приподнялся, камень хрустнул под его сапогом — и тут же раздался страшный, чавкающий хлопок: «чох!» — и я

услышал, как Семушкин вскрикнул. Жалобно, как ребенок...

Потом я понял, что они стреляли на звук. Потом... Но тогда от этого вскрика во мне что-то оборвалось. Я вскочил и хриплым, страшным голосом закричал:

— Стой! Руки вверх!

И сразу же снова раздалось: «чох! чох!» (как будто в резиновых сапогах по болоту идут). От дерева, за которым я укрывался, отскочила щепка и больно впилась мне в щеку. Теперь я смекнул, что означает «чох»... Так звучит выстрел карабина бесшумного боя.

Они были внизу, а я — наверху. Укрыться им было трудно. К тому же я был отличным стрелком: одного уложил сразу — он вскинул руки и плюхнулся прямо в ручей. Второго я решил брать живьем.

— Бросай оружие! — приказал я. Мой голос эхом отозвался в лощине.

«Призрак», видимо, понял, что он у меня на мушке. Лазутчик кинул свой «беззвучный» карабин — металл лягнул о камни, поднял вверх руки.

Но стоило мне выйти из-за дерева, как он резко прыгнул в сторону и тут же грянул громкий выстрел.

Я почувствовал удар в плечо. Он опрокинул меня на землю.

«Призрак» метнулся вверх по лощине, в сторону границы. Я судорожно подтянул одной рукой автомат, уперся им в корень дерева, дал очередь: пули хлестанули прямо перед его носом.

Нарушитель рухнул как подкошенный. Затаился... Он понимал, что лежит прямо передо мной, как на ладони. И поэтому ждал, когда я снова встану, чтобы подойти к нему. Но я, во-первых, специально бил впереди него и, стало быть, точно знал, что он невредим, а во-вторых, при всем своем желании не смог бы встать: что-то липкое, теплое текло по плечу, левая рука не слушалась, боль туманила голову.

Схватив разгоряченным ртом несколько глотков воздуха, я крикнул:

— Лежать!

Для верности я прицелился в камень, торчавший рядом с его головой, и нажал на спусковой крючок. Ударил выстрел. Нарушитель дернулся, съезжился...

Потом стало тихо. Кричать уже не было сил. В глазах померкло. «Неужели уйдет?!» — мелькнула мысль. И сразу туман рассеялся: нарушитель лежал в той же позе... лощина... ручей...

Боль в плече начала дергать, а в голове что-то затикало, как часы.

Лазутчик встрепенулся. Он, наверно, догадался, что я ранен, и терпеливо ждал, когда я потеряю сознание.

— Лежать... — прохрипел я и, стиснув зубы,

нажал на спусковой крючок. Одиночный выстрел злое ще, как кнут, хлестнул по воздуху.

«Пусть знает, что я живой... В случае чего, я его уложу... На это у меня сил хватит...»

И вдруг раздался хлопок — зеленая ракета, шипя, разбрасывая горячие искры, впилась в небо, осветив все вокруг сизым мерцанием.

«Семушкин!... Жив, родной... Семушкин...»

Прошло несколько минут. И снова теперь уже красная ракета взлетела вверх.

Я представил себе: раненый Гриша, лежа на спине, слабеющими пальцами выковыривает из ячейки гильзу, чтобы дать сигнал, и уже мчится к нам на помощь тревожная группа, и выдвигаются соседние наряды...

Теперь я точно знал, что дожусь.

Сознание как бы раздвоилось: одна половина, не отрываясь, следила за нарушителем, а вторая — воспринимала все то, что происходило во мне. А там жила и нарастала боль, полыхал жар и одновременно озноб...

Гул мотора... Свет прожектора...

«Предупредить надо...» — сквозь забытье подумал я, оперся на здоровую руку и, сделав последнее усилие, чужим голосом прокричал в ту сторону, откуда бил ослепительно голубой луч:

— Ребята... Он живой... С оружием...

Потом все закачалось, закружилось: лощина полетела вверх, а звезды оказались внизу...

В Москве на улице Большая Бронная есть музей пограничных войск. Когда подрастет мой сын, я приведу его сюда. Мы пойдем от экспоната к экспонату, и я буду рассказывать ему о первых пограничниках, ходивших в лаптях по размокшим дозорным тропам, о сражениях с бандами басмачей, о тех, кто принял на себя внезапный удар фашистов... Я буду рассказывать о разных поколениях воинов границы. Все они выполнили свой долг. Каждый на своем посту...

И может быть, чуть дольше я задержусь у одного из последних стендов. На нем за толстым голубоватым стеклом лежит снаряжение ликвидированной разведывательно-диверсионной группы: карабины бесшумного боя, пистолеты, ножи...

И если мой сын спросит: «Папа, а как звучит выстрел такого карабина?» — я отвечу «Представь себе, кто-то в резиновых сапогах идет по болоту: «чох... чох...»

«Дорогие МОИ ДЕВЧОНКИ...»

Глядя на старую фотокарточку, все вспоминаешь вновь: 15 апреля 1942 года от свердловского вокзала отошел эшелон с добровольцами. Это уезжали мы — девчонки-комсомолки. Мне было тогда восемнадцать.

Не забыть, как плакали провожающие, оркестранты, игравшие прощальный вальс, как плакал весь вокзал.

Ехали в товарных вагонах с двойными нарами. Куда нас везут — никто толком не знал, огонь зажигать не разрешалось. Более семи суток добирались мы до Москвы. Наконец, нам объявили: будете защищать столицу.

По распределению я и мои подружки попали в войска ПВО, в первую дивизию аэростатов заграждения. Наши посты были в районах Люблино, Текстильщиков, Кузьминок, Рублево... Мы заменили мужчин, ушедших на фронт.

Приехали кто в чем — некоторые даже в лаптях... Привыкали трудно — ранний подъем, умывание на реке, команда: «Становись!» — а ты не знаешь, куда бежать, путаешь, с кем стоишь... С обмундированием — целая морочка: ботинки болтаются на ногах, у гимнастеров рукава висят, шинель как на вешалке — сама разворачивается вправо, пока ты поворачиваешь влево. Команды исполняли потешно: «Ложись!» — скомандуют, а девчонки — народ аккуратный — платочек ухитряются подложить под шинельку, чтоб не испачкаться... «Отставить!» — возмущается командир, а сам улыбается.

Ну, ничего. Скоро привыкли. Сами обшили себя, дисциплинировались, а

когда присягу приняли — настоящими солдатами стали.

Я сначала поваром была. Никогда раньше не готовила на столько человек, аж голова болела от мысли: только бы не пересолить, а еще разделить паек на сутки так, чтобы всем хватило, и чтоб не было перерасхода... Потом я стала командиром аэростатного поста.

Нелегкая была служба, полностью мужская, но мы справились.

Жилья не хватало — сами рыли землянки и в дождь, и в мороз. Бывало, еле двигаешься от налипшей на ноги грязи и усталости, а тут еще лопата... Стали землянки украшать, хоть какой-то уют устроить: кто картинку у изголовья прицепит, кто лоскуток цветной на стол положит. Топлива не хватало, так мы грелись песнями, да письмами из дома, да девчыми воспоминаниями...

Аэростаты заграждения прикрывали центр столицы с воздуха. По команде мы поднимали их на заданную высоту, стояли на постах часами, ходили в другой конец Москвы за газом. И в дожди, и в ураганы шли, потому что знали — не поднимись аэростат в нужный момент — это лазейка для противника. Мы даже соревновались — кто лучше и точнее исполнит команду: были среди нас отличники — пост ефрейтора Насти Васильевой, сержанта Сони Сажиной, сержанта Даши Пантюхиной. И мой пост не отставал. У меня и награда есть — медаль «За боевые заслуги».

Хотя мы и не участвовали в настоящих боях, жизнь наша и наши муки — все было военное, тяжелое:

руки от мокрых мерзлых веревок стирали в кровь, сил девчоночьих не хватало. 21 апреля 1943 года буря промчалась по Москве. Спасая свой аэростат, погибла Настя Васильева. Ветровку она даже в мертвых руках удержала...

Мы делили друг с другом горе, как кусок хлеба.

Все это давно позади, но никогда не забудется. Мне посчастливилось разыскать через редакции газет более 300 бывших боевых подружек. Как дорого содружество наше, скрепленное общей бедой и общей мечтой, как дороги любые весточки от них, моих дорогих девчат!.. Давно они стали бабушками, но для меня навсегда остались девчонками, фронтовыми подружками.

На снимке: 1942 год, Москва, 15-й пост первой дивизии аэростатов заграждения. Слева: Б. Эпштейн, А. Кучернюк, П. Овчинникова, А. Казакевич, Л. Большакова.

А. КУЧЕРНЮК,
ветеран Великой
Отечественной войны

Атлантический

Валерий
КОЛОСКОВ

Рисунки
Н. Павлова

Голубыми дорогами

С наступлением темноты, прежде чем уйти в каюту и лечь в постель, я всякий раз поднимаюсь на верхний мостик. Ночи, душные и липкие в течение последней недели, сегодня наполнились упругим, плотным, как парус, ветром. Мы выходим из Красного моря в океан...

У меня в каюте над письменным столом висит альбатрос. Его крылья замерли в полтораметровом размахе, голова чуть склонена набок и немигающий эбонитовый глазок подглядывает, что я пишу.

Когда-то еще в первом рейсе на рыболовном траулере я поймал птицу и лишил ее жизни, еще не зная старого морского поверья, что убийство альбатроса приносит несчастье. Я сделал чучело, а в расправленные крылья вставил стальную проволоку, придав птице летящий вид. Позже узнал о поверье. И теперь, когда случается перетаскивать свой потертый чемодан с судна на судно, я не решаюсь оставить альбатроса, жертву бездумной юношеской погони за морской экзотикой.

...Впервые я вышел в море пассажиром. Это было в Одессе, и было мне девятнадцать лет. Теплоход шел на Батуми. Я смотрел на веселых чумазых мотористов, на загорелого, в белоснежных одеждах, капитана и на франтоватых и еще более белоснежных его вахтенных помощников, с деловым видом разгуливавших по мостику. И мне казалось, что это не просто люди, а полубоги, живущие среди нас на земле, правда, лишь изредка среди нас, а больше — в море.

Сейчас мы третью неделю идем к небольшому одинокому острову в южной Атлантике. Я ухожу в каюту и, вытянувшись на диване, перебираю в памяти годы

плаваний, вспоминаю самые ранние и, наконец, первый рейс — сравниваю, сопоставляю...

Траулер «Пингвин», на который я получил свое первое назначение, еще стоял в гарантийном ремонте в Штральзунде, в ГДР, а его команда, за исключением нескольких специалистов, оставленных на «Пингвине», временно была разбросана по отремонтировавшимся в Севастополе другим судам.

Бродил по заснеженным улицам, под утепленными чужими окнами, а на подоконниках — рыбки в аквариумах, цветы столетника, старые подшивки «Огонька». Все такое теплое, обжитое. Но вот пришел и долгожданный наш рейс. «Пингвин» был отремонтирован, и перегощники, или, как мы с ревнивой завистью их называли, «принцы голубой крови», уже перегнали его из Штральзунда в Калининград. Нам же надлежало прибыть туда по воздуху.

Самолет закончил набор высоты и лег на курс. Сидевший рядом со мной здоровенный, плечистый моряк с удивительно ясными и красивыми серыми глазами на загорелом лице Борис Береговой снял с полки гитару и тронул струны. Гитара забормотала. Виктор Шибун, а именно так звали худоцавого, с желтовато-бледным лицом парня отнюдь не моряцкого вида, сидевшего рядом с нашими девушками, наклонился через проход к рыженькому, изрядно уже облысевшему, хотя и молодому еще тралмейстеру Леониду Зозуле:

— Ленья, как отпуск провел? Где побывал?

— Дома сидел, — не сразу и с видимой неохотой ответил тралмейстер. — А ты как?

— Знаешь, объездил за отпуск полстраны, — сказал Шибун. — Собрались мы со своим семьями и на двух машинах взяли курс на Север. Заехали в Киев, потом в Москву, Тулу, Суздаль, побывали на Пушкинском празднике в Михайловском, в Ясной Поляне были. Всего и не перечислить! Столько впечатлений!.. Знаешь, шляемся по Дакарам да Пуэнт-Нуарам и ничего не видим, кроме пальм, хижин да небоскребов. Зато свою страну некогда

ЭКЗАМЕН

и посмотреть, а как это интересно. А ты почему дома сидел? И в подменном рейсе не был?

— Нигде я не был,— по-прежнему неохотно вступал в разговор Зозуля.— Надоело, конечно, сидеть на берегу, да надо было: купил «дачурку» я.

Я не сразу понял, о чем идет речь, но потом догадался — дачу купил тралмейстер.

— Да, оно конечно... — с нескрываемой пронией произнес Шибун и повернулся к нам с Береговым.— Борь, а ты чем занимался в отпуске, нуtrieb не разве случайно?

Береговой засмеялся:

— Как же, фермочку открыл! Нет, Витя, я на подмену ходил, на базе лебедчиком. На транспорте все-таки легче, и рейсы не дольше двух-трех месяцев, и в портах они чаще бывают. Да и сама работа матроса полгче, вообще жизнь на базе разнообразней, веселее. Нет хотя бы этих бесконечных «вира трал!», «майна трал!».

Зозуля кисло улыбнулся.

— А что ты имеешь на своей базе, шип? — сплюнул он и скривился, как бы и впрямь раскусил тот «шип».

Береговой с силой рванул струны. Не удостоил. Мы помолчали.

Песня сменяла песню — «морзянки», «черемшины». Слушали и улыбались пассажиры, а через четверть часа бортпроводница уже разносила конфетки. Мы заходим на промежуточную посадку в Бориспольском аэропорту. Я киевлянин, и потому хотел задержаться в городе, попрощаться... Годенко щелкнул пистолетом-зажигалкой.

— Василий, а тебе не жаль бросать Киев? — спросил он. — Думаешь, что в море лучше? Или просто захотелось свет повидать?

— Жаль, конечно,— ответил я. Но что я мог объяснить? А темнить не хотелось, и я, осторожно подбирая слова, сказал: — Знаю, что в море не лучше, но я хочу чтобы столкнулись жизнь и мои представления о ней, вот так,— и я свел кулак с кулаком, глядя штурману

прямо в глаза. И вдруг, почувствовав, что робость прошла и нет стыда, я решительно, как с обрыва: — Вот так — кто кого!

Годенко усмехнулся, понимающе кивнув головой.

Шторм и шницели

Тихо, словно контрабандисты в ночи, мы уходили из Калининграда. Провожать нас было некому. Без прощальных гудков, без иллюминаций на реях буксир оторвал нас от причала, и мы долго скользили темными, спящими каналами порта, а берег бежал рядом, порой исчезая во тьме, все удаляясь и удаляясь, пока не отстал совсем.

Утром проснулся я, разбуженный восторженно-торжественным голосом:

— Доброе утро, товарищи! Сегодня семнадцатое апреля тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года. Мы находимся в тридцати милях к северо-западу от Балтийска. От имени партийной, комсомольской и профсоюзной организацией поздравляю вас с началом нашего третьего южноатлантического рейса! Ура, товарищи!

С ночной вахты вернулся мой напарник по каюте Вячеслав Карнауков, Слава. Парень щупленький, остроносый, с живым умным лицом, на котором при малейшей улыбке проблескивал крупный золотой передний зуб. Слава — электрик и тоже новенький на «Пингвине», но не в море. Он пришел со службы во флоте. Слава спит на нижней койке, а я наверху. Он мне с первого взгляда чем-то понравился, и, чувствую, я ему тоже.

— Василий, тебе не стыдно спать? — улыбнулся он, сверкнув золотым зубом.— Вокруг такое море!

С мостика я увидел новую, неожиданную для меня Балтику: в зеркально-гладкой, чуть покачивающейся поверхности отражалось белесое небо. Солнце яркое, как на экваторе. Впрочем, я подумал, что не знаю еще, ка-

кое там солнце. Весеннее море неожиданно ласково и тепло. Хотя бы раз качнуло нас — как в поезде едем. Только за кормой не рельсы, а пенный, ослепительно белый шлейф.

К ночи ветер сменился на юго-западный, тугой и порывистый. Легкое покачивание палубы, этокое прогулочно-пассажирское, усиливалось с каждым часом, становясь уже малоприятным, и если еще вчера эта театральная зыбь располагала к поэтической настроенности и праздным размышлениям о пространстве, мире, времени и о судьбе, то теперь все внимание сосредотачивалось на собственном желудке, на каждой частичке брэнного тела, объятая непривычными, тревожными ощущениями.

К полуночи мы вошли в Ла-Манш. Вырываясь из Атлантики, ветер мотался проливом, как осень проходными дворами. Светила полная и чистая луна. В столовой еще продолжался киносеанс, на раскачивающемся экране едва не заваливались небоскребы — крутили документальный фильм «За рамной — Америка», когда кто-то из вошедших в столовую сообщил, что видна Англия.

Ветер усилился. Обняв колонку пеленгатора, я пытался поймать в монокуляр прыгающий берег, то есть сгустки огней с клочками черного пространства между ними.

А море становилось все взлохмаченней с каждой минутой. В коридоре пришлось держаться за поручень. Мой иллюминатор открыт, и шум волн врывается в каюту.

Теперь я знаю, зачем моряку нужны дюжие плечи, — чтобы наткнуться на всевозможные выступы, косяки, углы, наткнуться и отгалькиваться, когда палуба скачет под тобой, а ты идешь по коридору и держишься за поручень одной рукой, а другой упираешься в переборку. Прежде чем ты доберешься к своей каюте, тебя впечатает разок-другой в эту переборку, и худо тому, у кого узкие плечи. Как и слабый желудок.

После ночной вахты, позавтракав, я раскорячился, как краб, в своем ящике. Так меньше перекатываешься по постели, если хочешь уснуть. Лежишь и прислушиваешься, как оба главных двигателя стонут, почти замирая, когда траулер, выбравшись едва из-под одной волны и отряхивая на ветру с рубки пену, взбирается на следующую.

В каюту заглянул мой шеф Падчин. Светло-русые, с ранней, но уже заметной проседью, его волосы были взлохмачены, а веснушчатое лицо жило какой-то светлой, несходящей улыбкой. Подмигнув мне, Падчин спросил, шепелявя слегка при этом:

— Что, мрачная личность, не спишься? Проклинаешь, паверное, ту минуточку, когда ступил на палубу этой лохани? Хе-хе! Не беда... Держись, старина, поначалу так со всеми бывает. Еще одна-две болтанки — и ты втянешься. Еще будешь обжираться тройными пнищелями: за соседа справа и соседа слева.

— А если не привыкну, бывает же и такое?

— Тогда я тебе не завидую: не помогут ни бражка, ни даже спирт, — ответил, глубоко вздохнув, шеф и сочувственно опустил голову. — А пока что под трапом

валяется маслонасос, так ты займись им, это тебя отвлечет. Да и качает в машине поменьше — она ведь ниже.

Подошло время вахты, и я спустился в машину. И с этого момента вылетели из меня все праздные мысли: дважды за вахту пришлось делить свой обед с акулами. Катались мы по машине, как бильiardные шары, — от борта к борту...

Как выяснилось позже, с вестибулятором мне повезло: я привык к качке и переносил ее без особых лишений, если не брать во внимание синяки, и даже, как предсказывал мне шеф, с удовольствием свирепствовал за пустующим наполовину столом.

Рыбная разведка

На третьи сутки мы выбрались из Ла-Манша, ревершего, как аэродинамическая труба, и тут все утихло. Крупная зыбь еще долго раскачивала наш «Пингвин», но все же это была зыбь, а не беспорядочно гарцевавшие волны пролива. Мы шли на юг точно по меридиану, океан становился все спокойнее. Потом бы бросили первый трал.

Взвела траловая лебедка, распуская с барабана ваеры, и трал, подхваченный, словно пена, потоком за кормой, прогремел бобенцами по палубе и исчез в слиде, как слизанный.

— Пятьдесят, сто, сто пятьдесят, двести... Стоп! Правый потрави! — Это левый ваер пошел разматываться быстрее, и трал начало перекашивать. — Стоп! Оба пошел! Триста, триста пятьдесят...

На траловом мостике, несмотря на полночь, собрались все пять помощников во главе с «мастером» — капитаном. Там же пристроилась прочая знать, вовсе не причастная к работе с тралом: «дед», что значит во флоте — стармех, гидроакустик, начальник радиостанции или проще — «маркони». Публика помельче рассыпалась ниже, на шлюпочной палубе.

После спуска трала прошло минут сорок. Вахтенный штурман Годенко скомаандовал:

— Вира трал!

Сбавили ход до четырех узлов и включили траловую лебедку. Из тьмы под свет прожекторов поползли ваеры, именно поползли — медленно, словно бесконечные. Петя Беляга, старший тралмейстер, метра на полтора расставив ноги и подавшись вперед, вглядывается в темноту, затем, не оборачиваясь, машет лебедчику: давай-давай, можно быстрее!..

Трал втянули по слипу на палубу — тонна на десять! Да если бы только рыбы! По палубе растеклось пестрое, как цыганская юбка, месиво из морских чудовищ. В массе пляшущей серебристо-зеленой ставриды, как звезды в небе, поблескивали сардины. Вынув глаз, задыхались мерлузы со вздутыми брюшкками, а у некоторых от потери глубины из раскрытой пасти торчали плавательные пузыри. Красные, как пластмассовые

игрушки, крутолобые петухи, оранжевые налимы, черные скаты величиной с автомобильное колесо, голубые, серые и коричневые акулки в несколько десятков сантиметров, пунырчатые, как подстриженные, ежи, ярко-оранжевые морские огурцы — трепанги, бледно-голубые кальмары, всевозможные веточки, ракушки и звезды. И все это — дергается, трепещет.

Вылив весь трал, на дне мешка отыскали одну бутылку, от второй осталось лишь горлышко. Но и в уцелевшей бутылке пробка была выдавлена внутрь, подперев изнутри горлышко. Бутылка пошла по палубе: всем хотелось причаститься глоточком холодного солоноватого вина.

Ночью трал бросали еще три раза, но всякий раз поднимали почти пустым; и мы пошли дальше. Наши первые траления, как объяснили мне ребята, были разведкой боем.

Входим в тропические широты. Солнца — навалом, от края и до края все залито им. Вдали на востоке рыжие горы. Говорят, побережье Испании очень красивое, но из-за низкого утреннего солнца горизонт в дымке, лишь изредка белеют какие-то замки, а больше берег безлюдный.

Парни безжалостно расстаются с шевелюрами и отпускают бороды. Появились первые четыре дельфина. Подплыв к самому носу, они вдруг исчезли под ним, затем уже выскочили за кормой и прыгают, прыгают, вновь обгоняя судно.

Появился запах соли и йода, то есть то, что и называют запахом моря...

...Первое мая. 8.30 утра. Близко Африка. Появились пироги — узкие, с одним прямым, неизмеримо вздутым парусом и, как правило, перезалатанным. В лодках — два-три негра непрерывно вычерпывают воду, третий, стоя на корме, правит веслом. А над водой, как по реке, туман — дымка испарений. Спокойнейшая гладь, и лишь блуждающая рябь местами пробегает по ней. Лодки идут кильватерным строем, держась друг за дружку, чтобы не потеряться в густом тумане, скользят безвучно и плавно, словно призраки. В открытый океан, без приборов, с завязанными туманом глазами — и не боятся же!

9.50. Земля! Африка!. Я впервые вижу Африку наяву, а не в кино. Берег растет с каждой минутой, и город виден все явственней.

Дакар — город солнца, и не в переводе, а на самом деле. Это был редкий случай, когда действительность совпадала с представлениями о ней. Для меня всегда солнце таилось уже в самом слове «Сенегал», как слышалось в нем и щелканье бича, и невольничья песня сквозь шум океанского прибоя. Я видел солнце, сплошное солнце и пески. Солнце и пески, обжигавшие Экзюпери в Кап-Джуби и удивившие, лишая разума, солдат колониальных войск в пустыню.

И действительно солнце было во всем: в сверкающей глади моря, в глянце пальмовых листьев и на лоснящихся потом лицах негров. Солнце залило город до краев, как прозрачная невесомая лава.

Обогнув остров Горе, мы приняли на борт лодмана и вошли в порт. Горе — по-русски Остров Слез. Сюда в

старые времена работорговцы свозили со всей округи готовый к отправке «живой товар», поджидая из Нового Света галеры. Бежать с острова было невозможно. А теперь выглядел он не более как декорация: полуразвалившиеся казематы,-mortиры васкодагамовских времен, направленные в сторону океана, да несколько вилл окружили маленькую бухту с пальмами на песке и десятком беленьких яхт у деревянного причала. Правда, старая тюрьма на острове функционирует.

Нас поставили в нефтегавани. Трал лег на узкую полосу бетона, за ней — рыжая плотная земля. Сойдя с бетонки, я топнул, шаркнул и снова топнул правой, затем левой ногой. Вот она, Африка, перекачивается мелкими острыми камешками под казенной рыбацкой сандалией из красного кожзаменителя!

Я прошел вдоль причала взглянуть, как смотрится наш «Пингвин» на фоне африканского пейзажа. Засунув руки в карманы шорт, вышагиваю под бортом, и многие наши уже крутятся у трапа.

А вот и негры. Двое, оставив в покое наши швартовы, подтягивают нефтеналивной шланг, и полицейский, лицом чернее своего камзола, в красной феске с кисточкой, занял место у трапа. Кто-то из наших на великолепном англо-франко-русском уже болтает с ним.

Вечером 2 мая мы вышли из Дакара и снова взяли курс на юг.

В машине нестерпимо горячо: у нас в компрессорной 40°, а у дизелистов — 50°. Пот только успевай вытирать: ест глаза, соленый, как и море.

Каждые пять минут направляешься к приточной вентиляции, подставишь лицо и грудь в струю, закроешь глаза и, растопырив ноздри, ловишь свежачок, помалу оживая вновь. Но не прстоишь же всю вахту под вентиляцией! Шаг в сторону — и снова горячая ванна. А за экватором была зима.

Соленая страда

День за днем мы удаляемся от экватора. Все длинней становятся полуденные тени мачт. Иногда из-под форштевня взлетают рыбки, похожие на больших стрекоч, и, пролетев на небольшой высоте метров пятьдесят, исчезают в голубом зеркале, лишь на миг крошечным всплеском, как царapiной, нарушая его покой. А вокруг ничего, на чем бы мог остановиться взгляд, кроме белых облаков на горизонте, казавшихся снежными вершинами дальних гор.

Через день после выхода из Дакара в районе надстройки были обнаружены два пассажира — две цикады. И хотя они были явно африканского происхождения, пели совсем по-русски...

Мы приближались к промыслу. Ветер Антарктиды уже господствовал над океаном: небо затянуло тучами, серыми, как и вода. Александр Александрович стал вывешивать на шкафуте промысловые сводки, постоянно собиравшие толпу, как таблицы футбольного первенства.

Зозуля улыбался, потирая руки:

— Что такое переход? Прогулка! Вкальвание нач-

нется через несколько дней: пойдут подвахточка — прелесть!

Первый трал был умеренный — тонн на десять, донный: одна ставрида, а из «сора» — много скатов, акул.

Часа через два снова бросили трал. На этот раз ни единой акулы, ската или кальмара — сплошная ставрида, надо же! И совсем немного караса и мерлузы.

...Да, теперь я рыбак, а здорово, честное слово! Нас покачивает, но мои ботинки вросли в палубу, и меня уже не опрокинуть качке, потому что все это теперь — одно, мое тело.

С поспешностью, объяснимой лишь моим возрастом, я решил, что познал все стороны рыбацкого труда и всю их жизнь, и теперь осталось лишь вернуться, а остальные дни будут на этот похожи. Но разве мог я знать, что несколько месяцев спустя на судне развернутся события, разобраться в которых будет так же нелегко, как и пройти их с честью.

Дни закружились, завертелись, понеслись, такие одинаковые и все же разные, — каждый с маленьким событием или происшествием, и все — с бесконечными поисками косяков, визгом траловой лебедки и грохотом бобенцев о палубу. Пошли подвахты. Вся машина, все штурманы, радисты, камбузники, все, кроме экипа, «деда» и докторицы Осокиной, ежедневно после одной из своих вахт становились на расфасовку, именовавшуюся у нас весело «роялем». Стоишь себе в петровских ботфортах и с пивафедоровским фартуком на груди и укладываешь с транспортера в противни предварительно охлажденную почти до нуля градусов рыбу — голова к голове, хвост к хвосту. Карась туда, ставрида сюда.

Полотняные перчатки, оказывается, не защищают ни от колючих игл, ни от ледяной воды. К концу подвахты коченеют от холода ноги, кол в спине, а у противоположного конца транспортера штурман Годенко знай покрикивает:

— Давай-давай, хлопцы! Пошла восемнадцатая тележка — последняя!

Мы уже добивали трюм, когда пришла радиograma: через несколько дней к промыслу подойдет транспортный рефрижератор «Ветер».

«Ветер» появился на рассвете и издала подал голос — три низких протяжных гудка. И море проснулось — гудки, гудки, гудки... Потом заревели и мы — жалобно и протяжно. И красавец-рефрижератор, длинный-предлинный, как торпеда, шел между судами, помалу сбавляя ход, словно круг почета описывал. А мы провожали его взглядами, как смотрит отпускник, затосковавший в деревенской глуши, на промчавшуюся в облаках пыли «Волгу» со столичным номером.

Пришвартовались мы красиво: подошли впритирку и, резко отработав «назад», стали точно под четвертый трюм. А вдоль обоих бортов — чуть ли не вся команда. Шумел на судне карнавал. Какие-то гости шныряли коридорами. Еще больше наших засело на «Ветре»: он ведь прямо из Союза, и там было за чем посидеть, поведывать, делиться новостями и воспоминаниями.

А потом мы дали передний ход. Чаще задышала

труба, вскипела вода между бортами, гулко хлопая. Визгнули плавучие кранцы, заскрежетав по обшивке цепями. Залитые светом иллюминаторы «Ветра» медленно поплыли назад, замелькали быстрее, а еще через минуту они уже покачивались в темноте за кормой удаляющимся созвездием.

Спустя два часа на палубу выполз новый трал, тонн на шестнадцать. И снова вахта — подвахта — вахта...

Утром на расфасовке узнаю, что сдали мы «Ветру» только полгруза: полные он не смог бы у всех принять. Парни злятся, а мне такая сдача только на руку: теперь мы успеем добыть трюм еще до прихода следующего рефрижератора и сами пойдем на сдачу — в Нигерию.

И даже море потеплело. Впервые за много дней безветренно, а в полдень так и совсем жарко. На обед спускаюсь в столовую и оказываюсь за одним столом с Зозулей.

— Леша, что не весел? — спрашиваю я.

— А чему радоваться, если сдали всего полгруза, и теперь придется идти в Лагос.

И тут меня подмыло на откровенность:

— Как чему радоваться? Побываем в Нигерии!

— А ты что же, не хочешь заработать? — глядя сосредоточенно в кружку, как бы небрежно спросил он.

— Деньги всем нужны, — ответил я неопределенно.

— Тогда советую тебе, как корешу, — положив руку мне на плечо, перешел на полупешот Зозуля, — не афишируй своих эмоций. Шустрее ворочайся за «роялем», чтобы за твои эмоции не расплачивались карманом друзей.

Снова мы пересекли экватор, только теперь с юга на север, и вошли в душный, с горячими ливнями трижды на день, Гвинейский залив, мутный, как похлебка с протертым горошком.

Подходим к Лагосу, а на рейде судов томится десятка два. Тут и сухогрузы, и танкеры — японцы, голландцы, англичане... Стали на якорь. Тихо так, жарко. Как уснувшие на лугу в полуденный зной лошади, дремлют суда, стреноженные якорь-цепями. Оказывается, вторую неделю Лагос бастует. В порту стоят неразгруженные суда, на улицах баррикады. Редкие хлопки блуждающих перестрелок изредка прокалывают тишину рейда.

Со ссылкой на «маркони» появились подробности: полиция и армия сбрасывали с самолета на бастующих слезоточивые бомбы. Вчера вечером стоявший у причала наш калининградский БМРТ был вынужден уйти на рейд — к другим ожидающим.

Четыре дня мы состязались с бастующими в терпении. Так уж выходило, что наши интересы оказались как бы по другую от них сторону баррикад. От вынужденного безделья ребята томилась, не находя себе места. В дальнем углу палубы я увидел Трояновского, занятого непонятными приготовлениями. К мясному крюку, дополнительно заточенному, он прикреплял стальной шестимиллиметровый трос, а к нему — капроновый фал. Конец снасти, как теперь я догадался, для ловли акул он привязал к пилерсу.

— Если возьмет — в руках не удержать, — пояснил

Трояновский, насаживая на крюк мороженую мерлузу, и опустил снасть за борт.

Навалившись грудью на планшир, мы вглядывались в воду. Плавное, чуть заметное колыханье под бортом то натягивало, то ослабляло фал. Как в проявляющем растворе на фотографической бумаге, на чистейшем небосводе стали вырисовываться розовые облака. Утренний бриз приятно охлаждал грудь и лицо, а спину и затылок все ощутимей ласкала солнце.

Прошло не менее получаса, и я решил было идти в каюту, как Трояновский крикнул:

— Гляди, пришла,— и он указал на мелькнувшую под бортом тень. — Что же ты не видишь? Вот, вот!

Теперь и я разглядел, точнее, признал в той тени акулу. И в тот же миг фал дернуло.

— Зажрала! — закричал Трояновский и ухватился за фал. Тот выходил из воды сначала легко, потом неожиданно останавливался, уходил вбок, снова ослабевал, и, когда до поверхности оставалось не более двух метров, акула стала четко видна. Она переворачивалась брюхом кверху и, белая снизу, казалась совершенно огромной, метров четырех длиной; она то уходила на глубину и под киль, то возвращалась из тени в пронизанное солнцем пространство. Когда ее рыло вышло из воды, акула ударила по воде хвостом и ринулась в глубину так, что мы еле удержали фал. В какой-то момент ее хвост с серповидным голубым пером оказался над удавкой, и Береговой затянул ее.

— Теперь ты наша, голубушка! — засмеялся он.

Пять дней прозагорав на рейде Лагоса, мы не выдержали и ушли в Гану. Приходим туда, а в Теме весь рыбный причал занял наш «Ветер». Нам негде было приткнуться. На борту у него еще две тысячи тонн — попробуй пережди!

Все ходят, как после програнного кубкового финала. И я уже не составляю исключения, хотя и по другим мотивам: стоять одной ногой в Нигерии и не побывать на ее берегу! Нигерия — это же сердце Африки! Пять дней прошуывать ее биноклем и не коснуться рукой! А теперь то же самое с Ганой...

И все же в полночь мы в порт вошли. Наш неутомимый и изобретательный Казбек уговорил капитана «Ветра», когда прервется на ночь их выгрузка, принять хотя бы полторы сотни тонн.

«Пингвин» еще раз пересек экватор в южном направлении и у 20-й параллели подошел к матерку. Ущелья конических, словно насыпных, гор затопил голубой туман, а над их вершинами уже поднималось солнце. И сколько ни шли мы вдоль берега — ни одного селенья, ни деревца, лишь рыжие горы и вдоль моря пески, пески. Единственные вехи цивилизации — телеграфные столбы и погранцосты через десятки миль. Да сияет небо над мертвой пустыней.

Мой шеф Падчин рассказал мне, что это место называлось Берегом скелетов. В пустыне много алмазов. Когда их открыли, сюда устремился поток всевозможных

пиратов, разорившихся пройдох и просто грешных искателей счастья. Берег настолько богат, что для предотвращения девальвации золота вывоз алмазов пришлось ограничить, а по берегу выставить кордон. Но пустыня и сама неплохо берегла свои сокровища, о чем свидетельствовали усеявшие ее скелеты.

Сейчас пустыня побеждена, алмазов здесь добывают до миллиона каратов в год. Берег, разумеется, чист.

...В стороне от столбовых морских дорог кружились мы в своем районе южной Атлантики, а вокруг — ни трубы. Только изредка вынырнет из-за горизонта кто-нибудь из наших — «Стрелец», «Арго» или «Феодосия», пройдет невдалеке и уходит в «свои» воды, на свою тропу.

На рыбу у капитана Касимова нюх особый: и другие траулеры преследуют нас в надежде пристроиться рядом. Только увязаться за нами нелегко: заметив на горизонте дымок, мы улетаем, как призраки. Даже на вечерних советах капитанов выведать что-нибудь у нас не просто. Касимов не любит, чтобы, когда мы ловим, кто-то перед носом перебежал дорогу, да еще с тралом.

Иногда нас навещают другие гости из цивилизованного мира — самолеты. Они сваливаются на нас на рассвете и проносятся в нескольких метрах над мачтами и, как правило, три-четыре раза: с правого борта, с левого и вдоль судна. Разбуженные первым заходом, мы хватаемся за свои «ФЭДы» и «Зениты» и, взбежав на мостик, как зенитчики, ведем цель издалека.

Описав дугу над краем моря, играющий в войну парень разворачивает машину снова на цель и давит, давит на штурвал — ниже, еще ниже. Самолет падает, падает, расстел, а мы его — клац! клац! клац! Для памяти. Юный ас хохочет нам в лицо, наслаждаясь покорной ему машиной, и, приправ к прицелу, тоже щелкает — гашеткой пока еще пустого пулемета. Блеснув мастерством атаки и жадной дела, ас лихо кладет машину на крыло и бочком уходит на норд-ост. Только дымный след еще долго висит над морем.

А мы все падем и падем, и чайки за тралом, как грачи за плугом. При подъеме трала, когда мешок полный рыбы уже всплыл за кормой и сверкает на солнце в брызгах и пене, над нами — сплошной свод из птиц: визжат, пищат, крикают. Здесь и белогрудые, с черными подпалинами на спине и крыльях альбатросы, и бело-серые, с рябиной на спине длинношнеле утки с прямыми, как у аиста, клювами, и толстые, как городские голуби, бакланы, и, наконец, черные чайки — ни одного белого перышка!

Схватив какого-нибудь обалделого от счастья — сбежал из трала, братцы! — карася, подгребая лапами, выскакивают на поверхность и, чуть подбросив добычу, ловко заглатывают ее с головы. Затем поудобнее укладывают на спине крылья и озираются по сторонам. А на воде птиц — белым-бело. Как на птицеферме. Меньше всего альбатросов: отдышавшись после нырка, они тут же взлетают. А взлетают они совсем как самолеты: расправляют над водой полотораметровые крылья и начинают интенсивно грести перепончатыми лапами. Под крылом возникает воздушный поток, который и при-

поднимает над водой плывущую птицу. Вот лапы уже не гребут, а только шлепают по воде, брюхо осушилось, крылья мелко трепещут, дрожат, как у самолета, бегущего по бетонке, и альбатрос уже летит, убрав лапы-шасси, почти касаясь гребней отогнутым кончиком крыла.

Иногда можно увидеть, как выше всех одиноко кружится, никогда не садясь на воду, редкая и красивая птица — черный фрегат. В стремительности полета и искусстве пилотажа нет ему равных над океаном. В узких и необычайно длинных, как отточенные клинки, крыльях — его сила и его роковая беда: они не позволяют птице взлететь с воды, даже с разбега, как альбатросам. Вот почему сам рыбу фрегат не ловит. Он живет разбоем, отнимая ее на лету у толстых бакланов и зазевавшихся чаек. Гнездятся фрегаты на уступах скал, чтобы можно было, взлетая, расправить крылья.

...Иногда трал вместе с сардинами приносил морских львов, и даже по нескольку сразу. Выкатятся черные, с лоснящейся шерстью на палубу и оглядываются по сторонам, ничего не соображая. Парням надо трал выливать, а львы сидят на рыбе и тычут усатыми носами в небо, приплюсываясь и фыркая клыкастой пастью. Попробуй тут подступить без совка! Можно, конечно, живо согнать их обратно брандспойтом, но почему бы малость не порезвиться?

Плотнее обступают льва, и не раз его клыки щелкают у каблука не в меру осмелевшего дрессировщика. Но вот появляется на палубе кто-нибудь из отдыхающей вахты, и аттракцион не обходится без коронного номера — катания верхом на морских львах.

Я видел такие родео не раз, и все они, к счастью, заканчивались благополучно. Почувствовав на спине всадника, объятый ужасом лев проявлял неожиданную при его упитанности резвость, скачками галопируя по палубе. Продержавшись на ластонагом мустанге лишь несколько метров, ковбой кубарем летел в кучу сардины, а подгоняемый совками лев натякался наконец-то на слип и останавливался на краю мокрой горки. Он видел клокотавшую в слипе воду и, вытягивая к ней морду, внюхиваясь, не обманная ли, тыкался туда-сюда, а потом, не находя другого спуска, решался и делал последний шаг.

И вот он уже скользит вниз, но, испугавшись, пытается упереться лапами, задержаться как-то, но слип крутой, мокрый и скользкий, как желоб бобслея, и лев летит мордой вниз в бурлящий за кормой поток. Он выныривает в сплошной белой пене, оглядываясь на нас, переворачивается брюхом кверху и задирает оба лапа, словно нам на прощанье машет.

Когда Нептун смеется

Так шло время. Базы приходили и уходили, а мы то петляли в открытом океане, то тихо дрейфовали вдоль пустынного, как лунный пейзаж, берега. Август — разгар антарктической зимы. Ее дыхание долетало к нам холодными, пробравшими сквозь ватник ветрами. Низкие серые и беспросветные тучи висели над нами, куда бы

мы ни шли, не выпадая дождем или снегом, но и не открывая солнца неделями.

Все чаще радисты пропускают задорные ритмы «Радио Мозамбик», все чаще рыщут по эфиру, пока не залетит в рубку привольная русская песня, звонкая, как апрельская синь, или грустная и протяжная, как курлыканье отлетающей стаи. И уже не уйти от воспоминаний. Снова слышится за иллюминатором шум корабельных рош, а по гребням волн не пену срывает — то стелются под ветром ковыльные травы. Снова пыль на зубах, запах солнца и хлеба...

В те дни я впервые почувствовал, что такое за десять тысяч миль вдруг до смерти полюбить Родину.

Однажды, засыпая, я почувствовал, что кто-то сгребает меня в охапку. Это Славка навалился. Я даже забыл послать его куда следует, так был ошарашен его наглостью — разбудить человека, когда до вахты оставалось больше часа!

— Васька! Мы идем домой! — прокричал в самое ухо Славка.

— Кто сказал?

— Пришла радиogramма: «ПРОМЫСЕЛ ЗАКОНЧИТЬ СЛЕДУЙТЕ НА РОДИНУ БУНКЕРОВКУ ТОПЛИВОМ ПРОИЗВЕСТИ В ПУЭНТ-НУАРЕ».

— Очередная утка, — определил я и послал-таки его к чертям.

— Больно нужно мне придумывать, — обиделся Славка. — А если хочешь знать, горючки у нас осталось дня на четыре, только до Пуэнта и хватит.

Неужто правда? Значит, домой! И всему-всему конец — непрерывному визгу траловой лебедки, искромсавшему всю душу, изнурительным ночным вахтам и до чертиков опостылевшему «роялю». И неожиданно-негаданно в Конго зайдем! Значит, кончился мой первый рейс, осталось только вернуться, а потом пойдут вариации с повторениями.

Так думал я по наивности, плохо усвоив, что море — не земная твердь и не уверенность, но надежду мы должны избрать наперсницей своей морской судьбы. С верхней, комсоставовской палубы спустился мой шеф, Падчин, шлепая каблуками стоптаных туфель, впервые без трубочки, и лицо его выражало такую тоску, что, казалось, шеф переигрывает.

— Крышка, парни. Возвращаемся на промысел: есть радиogramма.

— Шеф, не разыгрывай! Знай с чем шутить, — с далеко не чрезмерной почтительностью выпалил я.

— Выйди на палубу и посмотри. Беляга уже трал готовит, — тем же безучастным голосом ответил Падчин.

В столовой разгорелся диспут:

— Наш Казбек не может, чтобы не побить все рекорды по управлению, выслуживается, в флагманы рвется! Клянусь, он сам напросился остаться на промысле.

— А то как же иначе! — подхватил мысль Трояновский и, не останавливаясь, понесся дальше коридорами своей логики: — Сто десять процентов плана есть? Премия обеспечена? Так почему же по графику не идти домой? Но ему все мало, ему слава нужна, а нам — шиш с маслом? Сардину с двадцати трех до шестнадца-

ти копеек урезали? К чертям такие заработки! Где предсудкома?

— Собрание! Созвать собрание! — поддержал его верный дружок Беложен. — Официальное собрание с ведением протокола!

Молчавший до этого Береговой предложил:

— Зачем собрание, парни! Пойдите к капитану, он все объяснит.

А капитан уже стоял в дверях.

— Нагадлись? — совершенно не зло, как следовало бы ожидать, а спокойно спросил он. — Зачем собрались?

— Как зачем? Куда идем? — не громко, но дружно, чтобы смелей, раздался голоса.

Касимов нахмурился, опустил взгляд, пытаясь скрыть охвативший его гнев.

— Хорошо, поговорим. Рассаживайтесь, — он выждал паузу, пока сели, и продолжил: — Мной получена радиogramма, — медленно, словно диктуя, говорил капитан, — в которой предлагается сдать груз «Ветру». Кроме того, из Одессы вышел танкер «Анапа», зафрахтованный нашим управлением, он тоже на подходе и даст нам топливо и воду. Нам же приказано продолжать промысел до особого указания.

— А когда будет это «особое указание»? — вскочил со своего места Беложен, опираясь на плечи сидящих рядом Трояновского и Шибуна и тем как бы подчеркивая, что говорит не только от себя.

— Будь уверен, Толик, через полгода, — гораздо громче, чем для сидевшего рядом Шибуна, ответил Трояновский. — Спаренные рейсы будут на нас экспериментировать.

Касимов пожал плечами.

— Не думаю. Вопрос о спаренном рейсе отложен. Одно я знаю, что приказ мною получен, и я его выполняю.

С задних рядов, подальше от капитана, послышались робкие голоса:

— Рейсовый план есть? Не имеют права!

Не вставая из-за стола, развернул в обратную сторону кресло Береговой:

— Парни, так же нечестно: разве еще в Севастополе мы не знали, что не исключен вариант спаренного рейса? В зависимости от промысловой обстановки. А что мы имеем? Рыба идет прекрасно. «Балаклава» уже побывала в спаренном. Ребята привезли по пять целеньких, а ее кэп Мазаев — одиннадцать.

Шумок возрос, как в приоткрытом, взбудораженном улье. Касимов выждал тишину.

— Сделан план рейса, но не года, — сказал он, выделяя каждое слово. — И не нам решать, когда уходить с промысла. Но раз уж вы заговорили о плане, скажу, что сейчас уходить с промысла — глупо. Идет сардинопс, и притом последний, а годовой план в следующем рейсе придется делать на ставриде да скумбрии. Что брать их не легко, вам объяснять не нужно.

Уж куда понятней. Только кто из нас мог с уверенностью сказать, что следующий рейс «Пингвина», уже в Индийский, будет и его рейсом? Заглядывать так далеко — значит ни фига не смыслить в нашем деле, а ока-

заться через месяц дома — не такая уж плохая перспектива. Особенно пугало подозрительное «до особого указания».

Трояновский поднялся, выставив живот:

— Гаджи Темирович, вы знаете, что работал я в рейсе неплохо, я шел только на шесть месяцев и больше оставлять не могу, надо быть дома, понимаете? Вот мое заявление. Рейс окончен, и я прошу отправить меня с «Ветром» в Союз, — он достал из-за майки сложенный вчетверо листок, разгладил его широченной ладонью и передал впереди сидящим.

Минутная тишина, все взоры на капитана: как будто не взрывается.

— На, мою бумагу передай, — раздалось несколько голосов, и белые флаги зашелестели, замелькали по рядам. Касимов спокойно сложил все заявления, пересчитал и оглядел собравшихся.

— Четырнадцать, все? Больше нет желающих? Заявления я рассмотрю и чьи сочту обоснованными — подпишу. А теперь сделаем перерыв минут на пятнадцать. Кстати, напрасно чесать языки долго не будем: праздничный ужин не отменяется.

...Когда через четверть часа мы заглянули в столовую, вместо привычных бачков и мисок увидели застланные новыми белоснежными простынями столы, а на них красовались горки шашлыков, жаренный поресторанному картофель с зеленым горошком и даже лук-порей, выращенный врачом Еленой Павловной в пустующем лазарете. И на каждом столе по две бутылки «Джонни Уолкера» и минздравовский «сухарик».

Всей нашей компанией мы разместились за первым от двери столом и только дружно потянули носами в сторону горки шашлыков да зашуршали ладонями, потирая их, будто с морозу, как распахнулась дверь и вошел капитан.

— А ну, хлопцы, где бы и мне пристроиться? Не пугайтесь, я со своей рюмкой, — улыбнулся он и поставил на наш стол полстакана виски.

Мы передвинулись на одно кресло, и я, оглянувшись, заметил, что еще несколько человек из комсостава сидят за другими столами, а часть матросов перешла в кают-компанию. Гам поутих, но у дальних столов, как прибор за брекватером, продолжали гудеть голоса.

— Эй, галерка! — остановил их Касимов и взял в руку стакан. — Я поднимаю этот бокал за вас, хлопцы, хочу поблагодарить всех за хорошую работу в рейсе, позволившую нам, несмотря на неудачные сдачи в портах, выполнить рейсовое задание...

Зазвенели дружно стаканы.

...Проснулся я оттого, что в каюту вошел Славка, перемазанный, как черт, сажей, промокший, но улыбающийся.

— Вставай, старина, выйди на палубу, посмотри. Сушилка сгорела.

Шлюпочная палуба и ют напоминали шоссе или переправу после бомбоштурмового налета: валялись изжеванные огнем куски железа и между ними мокрое, обгоревшее шмотье: ватники, сапоги, тельняшки, портянки.

Из-под обуглившихся деревянных настилов черными струйками, как кровь, растекалась по палубе сажа. С десяток любопытных заглядывали в открытую настежь, изнутри совершенно черную, как фотографическая камера, сушилку.

Из дальнейшего разговора я узнал следующее. Когда Беложен прибежал с огнетушителем и распахнул дверь, его так обдало копотью, что он плюхнулся через комингс в сушилку — только пятки остались на палубе. Получив доступ свежего воздуха, тлевшее шмотье вспыхнуло факелом. К счастью для Толика, следом за ним из машины поднялся Славка. Он подскочил и вытащил его за пятки. Багряные языки уже лизали вздушающуюся пузырями обшивку переборок, загорелись настилы. Резиновые сапоги, обугливаясь, сочились синим удушающим чадом.

После завтрака тральцов вызвали на корму готовить к спуску трал. Нарядно одетые, словно они и не ложились спать, явились парни на завтрак и так, не переодеваясь, вышли на палубу. В развешанном на стрелах трале уже копошились все три тральмейстера: Беляга, Зозуля и Кухарь. Зашивали дыры в подборки, меняли кухтыри, штопали кутец. Зозуля, не разгибаясь от подборки, из-под руки поглядывал на Шибуну. Руки в брюки, тот бродил по палубе, тыча носком сияющего штиблета в четырехпудовый бобенец и циркая сквозь зубы на него, потом отходил к обгоревшему тряпью, словно отыскивал что-то. Наконец, Зозуля не выдержал:

— Чего маешься? Или команды не слышал?

Шибун лишь поглумле сирятал руки в карманы брюк и приподнял ногу.

— Не могу же я работать в тапочках или в этих мокасинах? Хватит, и так суставы уже ноют.

— Братва, — предложил Трояновский, прогуливавшийся невдалеке и наблюдавший эту сцену, — айда по каютам, нечего напрасно мерзнуть.

И на палубе остались лишь три тральмейстера — генералы без армий. Невозмутимые — что-то продолжают обмеривать, перекраивают, и только их узловатые красные пальцы чуточку побелели под потными, сжимаемая иглицу.

Коммунистов и комсостав собрали в кают-компанию. Оказалось, что тральной команде действительно не в чем работать: все роботы сгорели в сушилке. Александр Александрович догадался первым, что «тыл должен помочь фронту», ему придется на время расстаться со своей меховой канадкой. Вместо сапог выдадут тральцам ботинки, собранные у мотористов — в машине можно и в тапочках, а стеганые куртки передаст комсостав, оставив лишь комплект для вахты. Обсудив и приняв решение, Касимов предложил снова собрать команду.

Когда сосчитали поднятые руки погорельцев, их оказалось куда больше, чем недогоревших подметок и роб.

— Что же я, по-вашему, за борт их выбросил? — вскипали и один, и другой, и третий.

— Может быть, кто забирался в сушилку покурить в тепле?

Тишина, как на океанском дне; и как ни сверлил Касимов взглядом каменные лица — ни искорки реакции.

— Хорошо, не будем докапываться, от чего возник пожар и виноват ли кто в нем. Может быть, кто и курил, да не помнит или боится сознаться. Я не собираюсь никого наказывать, но меня поражает, насколько вы глупы: а вы подумали, что из-за какого-то дыма судно может лишиться премии? Спецдежду после рейса все равно списывать, но если мы не выполним рейсовое задание — мы сами себя обворуем. Об этом вам следовало подумать прежде, чем устраивать эти вчерашние иллюминации. Шибун, ты слышишь меня?

Шибун вскочил, но без малейшего испуга или растерянности, как можно было ожидать, только немного смущенный.

— А я при чем? Никаких иллюминаций я не устраивал, — перекрывая хохот, сказал Шибун. — А шмотки мои действительно сгорели. Вы так говорите потому, что я подал заявление, но у меня в самом деле обострился гастрит, и никакая премия не вернет мне оставленного на палубе здоровья. Я знаю, что теперь нам премии не видать, а кому охота терять свой заработок? Ведь все мы здесь для того, чтобы заработать.

— Ох и умно же ты говоришь, — улыбнулся капитан. — Как будто все понимаешь, а делаешь глупости. Я вам всем говорю: вы делаете большую глупость.

Поднял руку Береговой.

— Гаджи Темирович, в любом стаде есть своя паршивая овца — это факт общеизвестный. Наша — овца вдвойне: она еще и труслива. Поверьте, что никто не скажет, что курил в сушилке.

— Эй, умник, а работать в чем будем? — выкрикнул Трояновский.

Все посмотрели на капитана, ожидая, что, припертый к стенке, он станет уговаривать выйти на палубу в чем бог послал. Касимов еще более потемнел лицом, сдвинул брови, и голос его стал совсем ледяным:

— Теплую одежду получите у боцмана. Все!

И парни пошли, пошли подчеркнута нехотя, к опостылевшим гакам, турачкам, подборам, стыдясь друг перед другом своей покорности, пусть благоразумной, но все же покорности, и ругаясь больше для вида, а может, и искренне. Вместо сапог одели ботинки, самые упрямые вышли в таночках.

Вскоре трал ушел под воду. А когда через три четверти часа его подняли на палубу, за суетой, обычной при выливании трала, никто и не заметил, как не осталось и следа горечи в их душах, свирепую озлобленность вытеснила молчаливая занятость, все только ухают, сопят да кричат, изредка переругиваясь для координации действий. А потом и несвойственная им молчаливость была расколота шуткой, общим смехом и... пошло-поехало! Лишь мелькали марки на ваерах, грохотали бобенцы — работа пошла. А тапочки незаметно исчезли с палубы.

А потом пришла радиграмма: брать груз на себя. Проворнее обычного засуетились у слипа тральцы, и мы, отправляясь на «рояль», уже напяливали на себя фартуки и нарукавники почти не чертыхаясь, лишь все спрашивая друг у друга, много ли добирать еще?

— Дьяков говорит, тонн тридцать.

— Если будет рыба, завтра к вечеру сделаем.

Если будет рыба... Но тралы, как назло, чаще развязывали в слипе, даже не поднимая на палубу: двести—триста килограммов разного «сора» — это не рыба. И все же мало-помалу еще 15000 паков нашли свое место в трюме, и уже ничем не приметный, действительно последний пак был затиснут под потолок одной из морозильных камер, использовавшихся как дополнительные трюмы; и так, груженные по уши, без прощальных гудков, без салютов и фейерверков, словно еще не уверенные, что и это прощание не будет иметь продолжения, с волны на волну мы поковыляли домой.

К исходу третьей недели мы подошли к Гибралтару. Все правильно у Гомера: вот Геркулесовы столбы, за ними — древняя Таласса. И берега двух материков, и море, синее-синее, вечной дорогой пролегшее между ними, — все замерло в первозданной тишине. Не хватало только одиссеевой триремы из-за поворота.

В конце концов, если отбросить форму, как поэтические аксессуары, если взять не сами факты, а психологию фактов, ведь все мы — странствующие Одиссеи. И так же нелегко нам достается наше руно, и так же далека родная Итака, а в доме, может быть, те же настырные гости... В его судьбе — и наша жизнь, ее соль, ее хмель и горечь. Мы спускаемся в город и, проходя мимо собора св. Марка, неожиданно попадаем на венчанье. Жених такой носатый и почти ниже невесты, но невеста — хороша. За молодыми стоят две девочки, как ангелочки, в венчиках из белых роз и в длинных до пят платицах. Они держат на блюдечках по золотому колечку. Священник что-то читает на величественно звучащей латыни, и полумрак собора непрерывно разрывают фотовспышки, оставляя после себя на какое-то время совсем непроглядную тьму в боковых нефках.

Проходя по Розия Род, мы заглядываем в кафе «Трафальгар». Раздвинув бамбуковые палочки входной шторы, заходим и в меру внимательно, но все же бегло, словно бывалые, осматриваем повернувшиеся к нам лица, как бы надеясь встретить знакомое. И тогда я очаровательно улыбаюсь: ведь я же свой, амигос! Легкий поклон замершим столикам, а сеньору Алехандро совершенно без акцента выкладываю по-испански:

— Доброе утро!

— Доброе утро! — слышится из-за соседних столиков. Лица — все еще застывшие маски, но глаза — я заметил! — глаза-то сразу засверкали! Видать, понравилось, что умею по-ихнему. И опять выжидание: «А еще что-нибудь можешь, парень?»

Я прищелкиваю пальцами над головой, как кастаньетами, замечаю вытянутое лицо официанта и опять-таки на испанском прошу его принести три кружки пива.

И я уже триумфатор. Мы усаживаемся за столик и не менее получаса тянем пиво.

Спиной к выходу, улыбаясь — и уж все столики кланяются нам, — мы покидаем кафе.

Сицилию обошли с севера: прошли Палермо, Мессину и примостившийся на самом краешке Апеннин городок Реджо-ди-Калабрия. Над Этной, как над угасающим свечным огарком, курится дымок.

...Я взглянул на репитер гирокомпаса: курс норд-ост, напрямком в Дарданеллы. А там уже и Мраморное, еще чужое, но уже близкое, как предместье. А еще через сутки пройдем Босфор, и, наконец, наше — Черное! Интересно, какое оно с этой стороны? А забавно, что, начав рейс с Балтики, я впервые войду в свой дом родной, в море моей приписки, с обратной стороны, как бы через окно.

Сутки спустя, привалившись к фальшборту, мы будем вглядываться в вечеряющий горизонт, отыскивая Херсонесский маяк: локатор уже больше часа пишет берег. Будем недоверчиво коситься на оббегающий экран зеленый лучик — врет, штурман, твоя техника! — и возвращаться к приковавшему наши взгляды горизонту.

Кто-то крикнет первым:

— Вижу! Вижу маяк, вот он! Вижу!

Взметнется наш улей, застучат кулаки по планширу — дома! дома!

...Парадный трап еще только ползет вниз, а мы уже прыгаем через фальшборт на корме, где пониже, и толпа, как море, поглощает нас. Мелькают улыбки, слезы, цветы, мелькают бледные руки на шеях, цвета копченостей. Качаются тусклые крабы над океаническими козырьками.

Я нахожу, наконец, свою мать с пучком георгинов в руке, седина выметалась из-под шарфика, а она закрывает лицо руками:

— Погоди, кружится голова...

Я подхватываю ее крепче под руку.

— Успокойся, порядочек. Видишь, живой!

И от этого «живой» мать совсем осядет...

...Из моей каюты два прямоугольных иллюминатора, больших, как окна деревенской избы, выходят прямо на бак, и мне видно полморя, полнеба и половину судна. Но к ночи, когда море и небо сливаются воедино и звезды все ниже опускаются к гребням волн, приходится плотно задергивать шторы: свет моих иллюминаторов мешает штурманам вести в темноте судно. Тогда я выхожу на палубу слушать море.

А утром снова, дотягиваясь с постели к телефону, полоснувшему по сердцу звонком: «Вставай, старина, тебя ждут компрессоры!», невыспавшийся после далеко запозданных фоторабот или очередного консилиума «за жизнь» за стаканом сухого вина, я одновременно приподнимаю уголок шторы: как там? — и щурюсь от резкого света дня. А впереди только море, все то же море — мой дом, моя любовь и неволя, моя судьба.

Я люблю слушать море. Люблю смотреть вперед, куда несут нас винты, и слушать. И нет сил оторвать взгляд от бескрайней дали, идешь ли ты из дому старой дорогой на Босфор или возвращаешься к родному причалу...

Судьба картины

Зоя
НЕДЗЕЛЬСКАЯ

Фашисты рвались к Кавказу. Оставлен был Армавир. На окраине города, у дороги, уходящей в горы, сгрудились в кучу... дети. Это были в полном составе, только без взрослых, воспитанники детского дома имени Клары Цеткин. Все было готово к эвакуации, но что-то там случилось в последний момент — то ли машины попали под бомбежку, то ли еще что, и дети остались одни.

Решили идти — подальше от смерти, от фашистов. Дошли только до предгорий Кавказа, больше никто не мог сдвинуться с места: пять дней трудного пути без корочки хлеба — питались только ягодами — вымотали силы всех, и старших, двенадцатилетних, и младших, семилетних.

Детей обнаружили в лесу близ Басканского ущелья разведчики 136-го стрелкового полка.

— Как быть теперь, что будем делать с детьми? — спросил один из разведчиков.

— Ясно, что делать, — ответил, не задумавшись ни на минуту, командир полка Абрамов. — Это государственные дети, они пойдут с нами.

И начался этот беспримерный поход.

Шли через горы, по кручам над пропастями, по глубокому снегу, преодолели обледеневший перевал Донгуз-Орук. Из плащ-палаток, из беля — из чего только можно было — солдаты шили детям обувь, одевали их в свои гимнастерки, закутывали в шинели. Совсем обессиленных и больных несли на руках. Продукты кончились сразу — питались желудями и кореньями.

Фашисты не раз обнаруживали беженцев с воздуха — бомбили и расстреливали колонну. Солдаты прикрывали детей своими телами. Многие погибли от пуль, от голода и холода. Но полк шел и шел вперед...

Тридцать неизменно трудных и долгих дней длился этот переход.

Наконец, спустились с гор в теплую долину. В Зугдиди полк передал детей местным жителям.

Вот этот трагический эпизод Великой Отечественной войны и взял как сюжет для своей картины «Во имя жизни» художник Н. С. Качинский. Пятнадцать лет он вынашивал тему, собирал по крупицам материал для полотна, с этюдником, с палочкой — он инвалид, без ноги, — ху-

Во имя жизни

дожник повторил путь, что прошел полк с детьми на руках.

Картина готова. Колорит ее сдержан — однотонный и холодный. Напряжен монотонный ритм движения солдат и детей. Единственное динамичное место в картине: девочка поскользнулась, она вот-вот упадет в пропасть, но, сам рискуя, солдат схватил ее. Художник скуп в средствах, но картину он нарисовал весьма выразительно, сумел передать весь трагизм события.

Впервые картина «Во имя жизни» была выставлена для обозрения в Пятигорске в 1977 году. Люди останавливались возле нее и не могли сдерживать слез...

Потом состоялась встреча у картины с участниками перехода. Тогда был еще жив командир полка Алексей Максимович Абрамов, участник трех войн, кавалер многих орденов, отец — папой звали его в дни того перехода детдомовцы — всех

спасенных полком детей. Встреча проходила в доме Абрамова, на нее собрались те, кого удалось разыскать, кто смог приехать...

Это была незабываемая встреча — радостная и горькая, когда вспоминали имена погибших при переходе. Пришел в дом Абрамова и Ромка Шутов, вернее, — Роман Васильевич Шутов, герой войны. Тогда только он один, самый шустрый и отчаянный парнишка, не остался в Зугдиди, а увязался за спасителями, стал сыном 136-го полка.

Многие пришли на встречу, но не все. Возможно, вот эта публикация в «Уральском следопыте» поможет найти имена и адреса других бывших воспитанников армавирского детского дома имени Клары Цеткин, героев картины Н. Качинского «Во имя жизни».

На 1—3-й стр. вкладки
репродукции с картин Н. Качинского,
выполненные В. Пономаревым

Дети войны

Защитники ледовых
перевалов

На побывке

Сохрани дыхание

Рассказ

Сергей
Другаль

Рисунки
Е. Стерлиговой

— Это ты правильно делаешь, что обо мне пишешь,— сказал Вася Рамодин, прочитав мой последний рассказ-воспоминание.— Обо мне надо писать. О капитане и Льве Матюшине тоже можно. Но события у тебя в записках какие-то незначительные, что ли. Нет, на Ломерее мы себя неплохо показали... на Теоре тоже, но в твоём изложении мы вроде как не главные. И, похоже, кроме пространства, ничего не преодолеваем. А ведь это не так, ведь не зря нам памятники и, я бы сказал, монументы понавоздвигали!

Я Васю понял и решил написать о том, как мы жили и работали на Эколе. О том же, как мы возвращались оттуда, как Вася уговаривал дракончика лечь в специально сконструированную анабиозную камеру, но ничего у него не вышло, и дракончик угнездился вместе с Васей, положив ему на грудь одноглазую голову; о том, как капитан в одиночку вел звездолет почти без горючего, как, маневрируя между гравитационными полями, довел его до орбиты Плутона и единственный раз в истории нашего экипажа послал просьбу о помощи, я писать не буду. Чего не видел, того не видел, спал всю дорогу. И все! А начну я вот с чего.

— Посмотри, что-то моя колючка приболела!— Лев держал в раскрытых ладонях колючку, которую сам выбрал. Все ее четыре глаза были мокрыми и горестные морщинки покрывали промежутки между антрацитово поблескивающими выступами по бокам.

Я осмотрел животное. Я помнил колючку веселой, и это определялось тем, что улыбались непроизвольно все, кто ее видел. А сейчас мне было грустно. Отсюда следовал вывод, что колючка нездорова, но и только. Что с ней, я не знал, да и ни один земной врач не взялся бы лечить инопланетное животное.

— Здесь нужен местный ветеринар,— сказал я.— Но откуда он возьмется, если и людей-то лечить некому.

— Богатые и могучие чем-то обеспокоены?— к нам подошел из милости живущий, как минимум один из них постоянно маячил в поле нашего зрения. Он был согнут дважды, в шее и в спине. Сначала эта манера выражать почтение бросала нас в дрожь, но постепенно мы смирились с ней, хотя так и не смогли привыкнуть.

— Вот, колючка у меня, думаю, нездорова,— пожаловался Лев.— Нужно вылечить. И разогнитесь, пожалуйста, а?

— Как можно, мне, из милости живущему,— он изловчился так вывернуть шею, что почти показал лицо: треугольные, вершинкой вниз, щелочки глаз, преданно дрожащие губы.— Ваш хранитель,— он покосился на колючку,— долго не проживет. Хранитель умрет в тот день, когда вы покинете нас.

— Ну да!— Лев заморгал растерянно. Мой змей вылез из-за пазухи и мягко терся возле уха. Лев указал на него взглядом.

— И этот тоже, богатые и могучие. И все остальные хранители.

— Ничего себе порядочки,— Лев подышал на колючку.— Почему сразу не сказали? Я бы, может, не стал брать.

Из милости живущий не ответил. Он, не разгибаясь, боком-боком удалялся по аллее. Мы со Львом, привычно нарушив этикет, уселись на ступеньку обшарпанной дворцовой лестницы. Лев положил колючку в сумку, я поглаживал своего змея по белой шерсти.

— Эх, лежал бы я сейчас под пальмами где-нибудь в излучине Чусовой или выступал с концертами на Теоре, они меня давно приглашают,— сказал Лев, почесывая заживающий шрам на затылке.— А теперь неизвестно, когда и домой вернемся. Думаешь, приятно из себя резидента изображать, у меня Битый вот где сидит. Хорошо, хоть ребята навещают...

Лев замолчал, а я стал вспоминать.

...Сначала все шло нормально. Вывели мы звездолет на круговую орбиту Эколы, единственной обитаемой планеты в системе. Глядим сверху: суша есть, речки текут, водоемы имеются, и даже города просматриваются. Только эфир молчит. Но само по себе это еще ни о чем не говорит, связь может быть проводной или лазерной. Или вообще технической связи нет, а просто тридцать пять тысяч курьеров... Подвели мы итоги наблюдений, и капитан сказал:

— Ладно, завтра утром будем высаживаться. Десантная группа по расписанию.

Наш катер опустился неподалеку от города. Пока осаждалась пыль, пока ставили защиту и выводили свой вездеход— здоровенную колыхагу о восьми колесах, что в огне не горит, в воде не тонет, а при нужде и летать и нырять

может,— все не переставали удивляться крепкому сну местных жителей, которых не разбудил даже рев посадочных двигателей. Никто не бежал из города с хлебом-солью на рушнике, не тащил микрофоны и телекамеры. Вообще в окрестностях ни зверя, ни птицы, ни тем более человека не наблюдалось. В воздухе пахло незнакомой дрянью, и мы были вынуждены перейти на автономное дыхание.

Ступая по ноздреватой, похожей на пемзу, почве, мы залезли в колымагу, вывели ее на шоссе и потихоньку, маневрируя между ржавеющими всюду машинами, двинулись в город. Плиты шоссе давно разошлись и вздыбились, серо-бурые голые холмы тянулись по обе стороны, а город возникал сразу, без пригородов, коробками многоэтажных зданий. Станный город. Пустой. Дома глядели на нас квадратами окон, нижние этажи просматривались насквозь через распахнутые двери и оконные проемы. Под колесами, когда мы объезжали кучи лома и мусора, что-то хрустело. Местами виднелись развалины. И ни травинки, и всюду полусгнившая техника.

— В основном автотранспорт и землеройные машины,— сказал Вася Рамодин, котсрый как ремонтник разбирался в технике не хуже любого из нас.— Но хотел бы я знать, что случилось с людьми.

На площади— судя по всему бывшем административном центре— вдруг ожила одна из машин. Скрипя ржавыми гусеницами, эта помесь кентавра с экскаватором подъехала и робко остановилась рядом с нашим бравым вездеходом.

— Смазки просит,— возвеселился Вася.

Мы вылезли наружу, и сразу из-за обшарпанных колонн появился абориген. В рваных штанах и сношенных сабо, воплощенная дистрофия, он в упор рассматривал нас без любопытства и без страха. На два треугольных глаза одна густая бровь, пересекающая лицо, круглые, как блюдечки, уши— это было непривычно для нас, но смотрелось неплохо. Он протянул к нам высохшие руки и закричал что-то тонким голосом. Кибертолмач молчал, но перевода не требовалось. Я достал из кабины наши запасы— хлеб, колбасу, консервы. Однако абориген даже не взглянул на еду. Он выхватил откуда-то нож и с неожиданной энергией метнул в капитана.

Где там попасть! Капитан сделал шаг в сторону, а Вася искривил траекторию, и нож впился в гнилую доску ящика, каких много валялось на площади. Мы стали реагировать.

— А вот и человек,— сказал капитан.

— М-можно подумать, что он чем-то недоулен,— добавил Лев Матюшин.

— И всю кротость его...— непонятно молвил Вася.

— Я так думаю, он хотел прикончить капитана,— сказал я, и все долго дивились моей проницательности.

Это была последняя наша разминка на Эколе. Беда, чужая беда уже обступала нас со всех сторон...

Абориген упал лицом вниз и завыл, забился, царапая бетон черными пальцами. Мы положили возле него еду и тихо ушли, почему-то избегая смотреть друг на друга.

Капитан поднял вездеход над площадью. Мы видели сверху маленькую фигурку. Держа под мышкой буханку, абориген грозил нам вслед кулаком.

На высоте дышалось легче. Внизу тянулась бесконечная коричневая равнина без единого деревца, прорезанная пустыми лентами дорог, занесенных во многих местах песком и пылью. Тлен и запустение царили в маленьких, совершенно безжизненных поселках.

Наконец на горизонте показались горы с покрытыми снегом вершинами и темно-зелеными подножиями. Скорее лес, чем сад, но явно искусственного происхождения, гнезвился на склонах. Мы опустились в стороне от насаждений: обзор лучше, а то кто его знает...

Многослойное ограждение из колючей проволоки тянулось вдоль кромки леса. С вышек глядели на нас прожекторы. Захрипел, затрясся раструб громкоговорителя рядом с одним из них, и нас оглушили немелодичные вопли. Капитан двинул машину по малоезженной дороге вдоль ограды, и, судя по тому, что на нас больше не кричали, мы ехали в нужную сторону, пересекая зловонные ручьи и переваливаясь на кучах мусора. Потом мы увидели в ограде бетонный куб с амбразурами вместо окон, и капитан замедлил ход.

— Это вам не Ломерея,— сказал он.— И тем более не Теора. И вряд ли пойдет речь о культурном обмене. А потому, Вася, садись за пульт, бери в руки джефердар. Будешь в случае чего прикрывать нас.

— Прикрывать я могу,— Вася поменялся с капитаном местами.— Но лучше б вы меня прикрыли, в разведке мне привычней.

— Знаю, Вася,— капитан с любовью оглядел Рамодина.— Но разведочная тренировка нужна всем, а то некоторые уже и животы отращивать начали. Космопроходцы...

Ну, до животов нам тогда еще далеко было— это капитан преувеличивал, но втягивать живот до хребта могли уже только Вася и сам капитан. Мы, остальные,— нет, не могли.

В бетонном кубе была большая дыра, перекрытая шлагбаумом, а перед ним, расставив ноги, стоял мужик в каске, в руках толстое ружье, на ногах сандалии. В штанах, естественно, и в куртке. Мы вышли из вездехода, а Вася, увидев мужика, откинул прозрачный колпак и взял в руки джефердар. Из дыры появился второй мужик, оглядел нас и что-то закричал. Ну и реакция у нашего Васи: еще и кибертолмач не успел от-

кашляться, как вокруг нас уже заиграли знакомые синеватые блики силовой защиты.

— Вы, незаконники, стоять! Проходить по одному! — сбоку в кубе открылась бронированная дверь. — По одному!

— Разве можно кричать на незнакомых? — капитан поморщился.

— А может, здесь так принято... — Вася не договорил, в нас уже палили из двух стволов, длинными очередями. Непривычное зрелище: из ничего, как маленькие призраки, возникают конусики пуль, на мгновение вязнут в защитном слое и ссыпаются на грязный песок дороги. Из-под касок на нас тарачились треугольные глаза, наливающиеся ужасом. Внезапно пальба смолкла, мужики исчезли, взревел репродуктор, и наш кибертолмач перевел:

— Богатые и могучие пусть простят нас, из милости живущих! — Шлагбаум поднялся.

— Поедем? — спросил я. — Лес все же, хоть подышим.

— Подождем, — ответил капитан. — Вася, разверни машину поперек дороги. Разбиваем лагерь, ждем начальство. Кто-то же этими командует... Хорошо бы язык усвоить, но вряд ли киберлингвист может начать обучение, словарный запас мал, ругань и команда... О, смотрите!

Из дыры вышел мужик в каске, но уже без ружья. Поглядывая на нас, он установил неподалеку треногу с большим шаром на конце и, пятки врозь, замер рядом с ней. То ли микрофон установил, то ли еще что.

Тут может возникнуть законный вопрос: на нас с ружьями, а мы? Отвечаю: сила дана для добрых дел, а стрельба во всех случаях самый последний аргумент. Больше всего боялись мы своего могущества — основы вседозволенности. И всегда старались действовать на равных. А это, знаете, трудно, на равных-то, когда у него пулемет, а у тебя, скажем, импульсный лазерный резак. И потому мы не брали с собой оружия, кроме гипноизлучателя... О чем это я? Ах, да, о лагере.

Лагерь мы разбить не успели. Вздыхая тучи пыли, подъехал открытый многосуставчатый экипаж, многочисленные педали которого крутили солдаты в касках. Они быстренько окружили нас за пределами защиты. Потом величаво вылез начальник. Вася пропустил его через защиту и, ухмыляясь, провел раструбом джефердара по кругу. Эффект сказался сразу: солдаты опустили ружья, расслабились. Я видел, как у начальника полезла на лоб единственная бровь, заморгало ошное веко. Он закричал, затопал ногами на солдат.

— Зря это ты, Вася, — сказал капитан. — Опять ругань, а нам набирать лексикон.

Вася выключил излучатель, солдаты снова встали смирно, то есть согнувшись, ружья на руку. Начальник слегка согнулся тоже. В шею.

— Кто вы? И почему о вас не знает Веющий свежо? Кто позволил пользоваться механическим экипажем вам, незаконно живущим? — Наш кибертолмач переводил уже почти синхронно.

Капитан молчал, ибо текста для обмена мыслями еще не хватало — нельзя ведь ругань считать обменом. По мере разговора начальник распрямлялся и вскоре стоял нормально. Синий мундир, сдвинутая на плечо полумаска, на другом плече плоский, на час дыхания, баллончик. Начальник пошел прямо на нас в открытую дверцу вездехода. Капитан хмыкнул, посторонился. Мы вошли следом. Нет, внутренность вездехода не поражала ничем. Привычно на плоских экранах дисплеев бегали кривульки режимов работы реакторов, турбин, системы защиты, связи с катером и звездолетом, маячила в кажущейся глубине голографическая карта пройденной местности.

Начальник шумно вдохнул озонированный воздух и застыл, озираясь. Вася от пульта повернулся вместе с креслом, заулыбался.

— Встать! — неожиданно заорал начальник. — Незаконно живущие должны стоять в присутствии тех, кого прислал Веющий свежо!

Улыбка сползла с Васиного лица. Как начальник успел выхватить пистолет, мы с капитаном и не заметили. Только Лев метнулся вперед, прикрывая собой Васю. В тесноте салона выстрел хлопнул оглушительно, и Лев согнулся, хватаясь за Васино плечо. Дальше, помню, мы кинулись ко Льву, а начальник опять орал что-то у дверей, пытаюсь справиться с запорами. На нас он даже не смотрел, уверенный в безнаказанности. Зря он был уверен. Оставив Льва Матюшина на моем попечении, Вася выдернул пистолет из рук начальника, открыв дверцу, вышиб его наружу и на глазах изумленных солдат долго бил ему морду. Мне этого видеть не довелось, только слышал, как опять орал начальник, но уже не своим голосом.

Я давно мечтал сделать Льву трепанацию черепа, но разве в таких примитивных условиях? Однако выбора не было. С помощью капитана я привел его в чувство, усадил в кресло лицом к спинке, как всегда сажал своего муляжного мужика, и достал из бокса стерильные хирургические инструменты. Предоперационный обезболивающий укол с веселящим снадобьем привел раненого Льва в состояние легкой эйфории. Как раз то, что надо: не имея спецаппаратуры, я должен был контролировать состояние оперируемого Льва, непрерывно разговаривая с ним. Мой ультразвуковой скальпель вызывал сужение сосудов, и рана не кровоточила, когда я круговым движением надрезал кожу пониже затылка. Волосы я не сбрасывал, чтобы рана была скрыта львиной гривой, и отодвинул в сторону кожу вместе с упомянутой гривой. Пуля прошла сколь-

зом, образовав в кости длинный канал с рыхлым дном в мелких костных осколках. Случай нетривиальный, хочешь не хочешь, а череп надо вскрывать.

— Лева,— говорю,— надо вскрывать. Пули в тебе нет, а кость раздроблена.

— Вот ведь гад. Убить мог. Поправлюсь, я из него барельеф сделаю! — взалкал Лев мести.

— Уже,— молвил капитан.— Вася.

— Ну, тогда я спокоен. Вскрывай!

— Уже,— отвечаю.

— Ага, и как там с извилинами, интересно?

— Не хочу тебя огорчать,— занимаю я Льва разговорами, а сам смываю осколки с поверхности мозга.— Не хочу огорчать, но видывал и поболее.

— Где это ты видывал, когда впервые операцию делаешь?

— У муляжного мужика...

Капитан, он мне ассистировал, скис от смеха и уронил электрод регенератора, который прилаживал к Левиной черепной кости, уложенной в сосуд с восстанавливающим раствором. Пришлось мне вмешаться. Конечно, можно было нарастить кость и после постановки крышки на место, но изнутри мог образоваться костный рубец. Последствия известны — зуд в затылке при умственном напряжении. Вообще, я сомневаюсь, чтобы это обстоятельство стало сильно мучить Льва, но капитан не мог терпеть, когда кто-нибудь чесал что бы то ни было. И имел на то основания. Я отрегулировал ток на электродах, увеличил частоту. Кость восстанавливалась у глазах, и вскоре рубца заметно не было. С той стороны, с изнанки, тоже все было в порядке.

Вошел озабоченный Вася, стал отмывать над раковиной руки:

— Ну как ты, Лев?

— Он говорит, у меня извилин мало,— Лев от возмущения прикрыл глаза.— Ты посмотри, Вася. А?

Вася покосился на операционное поле, хмыкнул.

— Ничего, зато они у тебя толстые,— он обсушил руки, уселся за пульт.— У всех добрых людей извилины толстые. Нам мельчить ни к чему.

Тем временем я приладил черепную крышку на место, натянул и подклеил кожу, и все убедился, что дело я знаю, хоть и любитель...

После операции Лев выглядел, как новый, но я все-таки уложил его в постель, у нас в вездеходе есть такая, изолированная практически от любой качки. Вкатил ему пятьдесят кубиков унциллина, ибо кто знает, какая микрофлора на этой планете. Растер кулаком желвак, а потом Вася, сверкнув очами, приказал:

— Спи!

Лев вынул из наплечного кармана коробочку

киберлингвиста, настроил на обучение, положил себе под ухо и заснул.

Снаружи суетился начальник с мегафоном. В дальнейшем с тяжелой Васиной руки мы между собой звали его Битый.

— Вам оказана милость. Веющий...— Тут наш толмач сделал паузу в поисках земного эквивалента и нашел-таки: «свежий ветер», по-гречески — «эвдианем». — Эвдианем желает видеть вас.

— Предстанем? — спросил нас капитан.

Мы согласились. А куда денешься, за тем и прибыли. Вася снял защиту, открыл двери. Битый приближался осторожно, косясь на пистолет, брошенный Васей на песок. Не спуская с нас взгляду, он быстро поднял пистолет, сунул себе за пазуху.

— Пусть берет,— Вася отвернулся.— Он теперь годен разве что для раскалывания орехов.

Битый посмотрел на Льва, бледного, с перевязанной головой, и мы не заметили в нем раскаiania.

— Куда ехать? — спросил капитан через толмача.

— Эвдианем сейчас в столице.

— Где это?

Битый зарычал, рука его потянулась за пистолетом.

— Мы действительно не знаем дороги в столицу,— сказал капитан на чистом эколианском.— Забыли по причине, которую объясним лично Эвдианему.

— Э,— сказал Вася, настраивая джефердар.— Сейчас он нам все покажет.— И действительно, гипноволна пробудила в Битом изначально дремавшее человеколюбие и общительность. Присев рядом с Васей, он любезно показывал нам дорогу и весь лучился радушием.

Не буду описывать гнусный пейзаж, который открылся нам с высоты птичьего полета, эти горы, сотворенные из мусора и отходов, развалены заводов и городов, свалки ненужного барахла, черные от гнили озера и машины на дорогах и обочинах,— все это многократно показывалось в передачах и фильмах, посвященных Эколе...

Мы пролетели над изреженным зеленым массивом, в центре которого и располагалась столица Эколы. Вездеход опустился на лужайке, приятно контрастирующей со всем, что мы до этого видели. Не знаю, что успел сообщить сопровождавший нас Битый, но солдат поблизости пока видно не было. Это нас порадовало, поскольку Лев после операции для дела был непригоден. Хуже того, за ним глаз да глаз был нужен. Оставив для бдения Васю, мы с капитаном вышли на лужайку. Дворец из белого камня, нуждающийся в ремонте, но еще вполне приличный, вытянул нам навстречу пологую лестницу, зеленые ступени которой по краям украшали фи-

гуры неизвестных нам животных. Красивые фигуры, так как некрасивых животных не бывает. Нет, описывать дворец я тоже не буду. Привычные колонны, пилястры... В целом это нам понравилось, и мы с капитаном даже как-то отмякли. Дышалось здесь легко, и воздух был влажен и чист. Битый шел чуть спереди, положив руку за пазуху: щупал пистолет, наверное. Выйдя из-под Васиного влияния, приветливость он потерял, гуля под глазом и ломаные ошметья жестких усов в коросте придавали ему какой-то бандитский вид. По мере подъема по лестнице он сгибался все ниже и злобно шипел на нас. Мой кибертолмач молчал, и только из вшитой в воротник рации доносилось приглушенное сопение Васи. На верхней площадке нам велено было стоять, после чего Битый исчез.

— Эвдианем повеял! — проникновенно зазвучало сверху, и мы внезапно увидели, что вокруг, пригибаясь, рассредоточились солдаты. Они таращились на нас через прорези прицелов.

— Не дергайся, — задышал под ухом Вася. — Смотреть мешаешь. Если будешь стрелять, сматывайтесь, я вас прикрою. Не дергайся, говорю, и поправь медальон, ничего не видно.

Эвдианем, пухлый мужчина в новом хлопчатобумажном комбинезоне и с короной на голове, появился из-за колонны, видимо, уже рассмотрев нас во всех подробностях. Мы с капитаном приветствовали его, склонив на секунду головы. На секунду, не более. Внешность наша не очень поразила Эвдианема, но поведение не понравилось.

— Мутанты, да? Подвальники? Я приказал пока не рубить ваши деревья, Эвдианем милостив. Где был найден экипаж? Я забираю его. Вы, незаконно живущие, будете служить мне и со временем получите звания из милости живущих. Если научитесь сгибаться. — Он щелкнул пальцами, и в отдалении возник Битый. — Кто из вас ударил из моей милости живущего?

— Эвдианем, — ответил капитан, — твой человек стрелял в нашего товарища, хотя мы ему ничем не угрожали.

— Вы, незаконно живущие...

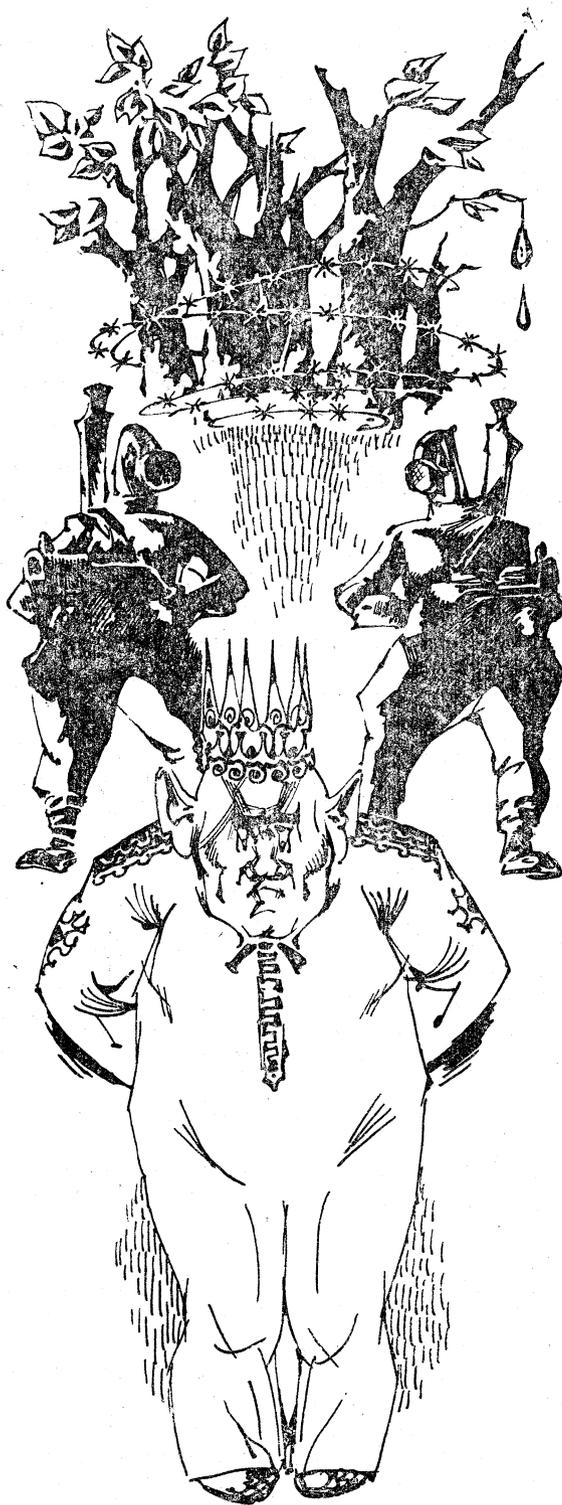
— Нет! — теряя терпение, перебил капитан. — Нет, Эвдианем, всякая жизнь законна, тем более жизнь человека!

Мертвая пауза после этих слов, казалось, не имела конца. Капитан же и нарушил молчание, пожалев Эвдианема, который пытался и не мог сделать выдоха, только синел.

— Впрочем, у вас свои законы, у нас свои. Но мы в людей не стреляем и нет у нас из милости живущих.

— Свои законы... — прошептал, наконец, Эвдианем, искажаясь в лице. — Как это?

— Если Эвдианем помолчит, — совсем потерял почтительность капитан, — то мы расскажем ему...

И так как нас больше не перебивали, капитан коротко, но ясно изложил, почему и как мы сюда попали. Сказать, что Эвдианем был сушим дубом, я не могу. Главное он уразумел-таки, но убедили его не столько слова, сколько, думаю, манера нашего поведения. Непостижимая для него независимость, за которой, конечно же, должна была стоять и непобедимая сила. Впрочем, так оно и было.

— Значит, оттуда? — он ткнул пальцем в небо. — М-да, теперь мне все понятно... — И Эвдианем согнулся. К чести его замечу: один раз, в спине. — И вода везде чистая? И воздух? И еды всем хватает? Как, говорите, планета называется?

— Наша? Земля.

— А мы вот, — Эвдианем хихикнул, — за каких-то сто лет половину лесов извели на газеты, в которых доказывали, что леса наши неистощимы. А вторую половину — тоже на газеты, в которых призывали беречь лес. Ну и еще на упаковку... Значит, оттуда? Ну, тогда приветствую вас на Эколе; богатые и могучие. Будьте моими гостями, и завтра мы посадим в вашу честь восемь, нет, шестнадцать деревьев. Я прощаю вас, нет, что я говорю, это вы простите из моей милости живущего, он принял вас за незаконников и исполнял закон.

И мы стали гостями Эвдианема. И стали жить во дворце, где нам отвели самые шикарные апартаменты и уже на второй день стали кормить отравленной пищей, поскольку Эвдианем мечтал захватить наш вездеход. Яд мы распознавали сразу, и я почти тут же синтезировал противоядие, смешивая лечебные коктейли в приносимой с собой посуде. Глупо это все было, и как-то за завтраком, на который пригласил нас Эвдианем, капитан, разглядывая медленно краснеющий кристалл индикатора ядов на перстне, так и сказал:

— Глупо это, Эвдианем. Разве тебе не ясно, что яды нас не берут? И за нами сила, понять которую ты не можешь. Я не говорю уже о звездолете, который на орбите... Не принимай доброту за слабость.

Эвдианем смотрел сквозь капитана. Он успел привыкнуть к нам и больше не обращался со словами «богатые и могучие».

— Хорошо, травить мы вас не будем — это действительно глупо. Вы все равно в моей власти. Ну, хотя бы сейчас. Поддай я маленький знак, совсем маленький, и ваши деревья будут срублены, — он отодвинул бокал с синим вином. — Поэтому вам следует научиться сгибаться, глядишь, и деревья будут целы. Пока.

Мы уже знали, что «срубить дерево» означает — убить. На Эколе было множество законов, но главный гласил: каждый живущий должен иметь свое дерево. Из милости живущие пользовались деревьями, принадлежащими Эвдианему. Незаконники деревьев не имели и, сле-

довательно, им нечем было дышать. Они, конечно, дышали, но, так сказать, контрабандно. Поэтому и подлежали уничтожению на законном, по мнению Эвдианема, основании.

— Вася, нам не верят. Мобилизуйся!

Вася нахмурился, сосредоточился и, лишенный румянца, бросил телекинетический взгляд окрест.

Это было подобно вихрю. Свободно стоящие предметы — вазы с цветами и плоские тазы с прозрачной водой, символ богатства, и светильники с пахучим маслом, расставленные на высоко повешенных полках, — все это, разом опрокинутое, сметенное со своих мест, с грохотом посыпалось на пол. Сверкнув очами, Вася сбил корону с головы Эвдианема и под конец скрутил штопором карабин в руках вбежавшего телохранителя.

Бледный Эвдианем черными, без белков, глазами смотрел на закипевшее в бокале вино.

— Могу ли я заслужить прощение, о богатые и воистину могучие?

— Не понимаю, — жестко сказал капитан. — Разве только сила может вызывать уважение? Только сила?

— А что еще? Ответь, могучий.

— Многое. Мастерство, красота, доброта.

— Не понимаю.

— Представь, я очищу воду на планете. Всю. Для всех. Чтоб пили чистую.

— Все? И незаконники?

Мы посмотрели друг на друга. У капитана дернулось веко, а Вася прикрыл глаза, боялся за себя. Лева медленно поднял руку и почесал-таки затылок. Оглядев наши лица, Эвдианем встал.

— Я покупаю прощение, богатые и могучие. Пусть каждый выберет себе хранителя. Пойдемте.

И мы пошли за ним, потому что он был нам противен и интересен, этот наследный владелец леса, высаженного у подножья гор с заснеженными вершинами и ледниками, от которых бежали сравнительно чистые ручьи, омывая редкие сады и огороды. Владелец леса, а следовательно и жизни людских, ибо без леса, рождающего кислород, дышать на Эколе было бы почти нечем... Мы шли за ним по длинным переходам, плохо освещенным через отверстия в потолках. Насколько нам удалось узнать, электроэнергия, которую давала крохотная гидростанция, использовалась только для связи и охраны леса... Внезапно перед нами открылся внутренний двор, заросший травой, уставленный большими и малыми клетками и застекленными ящиками. Из них самые удивительные звери смотрели на нас ждущими глазами.

— Эвдианем щедр. Это последние на планете хранители. Пусть каждый из вас возьмет себе хранителя по желанию.

Кто из нас мог отказаться от такого подарка? Я поднял крышку террариума, протянул руку и

закрыв глаза. Кто-то мягко тронул мои пальцы, затем я почувствовал, как руку мою оплел и сразу прополз до плеча змей. Я открыл глаза и увидел, что змей пушист и добр, и глаза его как два рубина, и он ждет, чтобы я взял его к себе.

Капитану показалась зверушка-малышка, уса-тая и полосатая. Капитан молча раскрыл клапан нагрудного кармана, и зверушка мгновенно угнездилась в нем.

Самого большого, с свчарку, зверя на толстых лапах с гребнем вдоль спины, очень смахивающего на дракона, позвал Вася. Он любит все солидное, обстоятельное. Зверь сильно обрадовался и пошел к Васе, помахивая раздвоенным на конце хвостом. Он облизал Васе руки и терся о его ноги и сразу возлюбил Васю всем своим драконьим сердцем.

Лев долго ходил по этому зверинцу и наконец выбрал колючку. Самую неприглядную из всех зверей.

— А кто ее возьмет? У нее и надежды-то никакой не было,— объяснил нам Лев.— У меня ей будет хорошо.

Ладно, отношения пока были налажены, но спать мы ушли в вездеход, который больше всего восхищал Эвдианема тем, что не требовал горючего — о ядерной энергетике на Эколе и понятия не имели. В вездеходе не так просторно, но зато безопасно. Капитан долго ворочался, не в силах уснуть. Потом сел на койке по-турецки.

— Как это они умудрились настолько изгадить свою планету, что жить невозможно стало? Это ж и подумать страшно... Разберемся. Вообще, во многом надо разобраться, и потому завтра утром мы уходим. Эвдианем нас боится и на открытый конфликт не пойдет. А сейчас я вызову вторую группу и дисколет. Начнем работать.

И мы начали. Мы разделились на группы по двое и вели разведку в этих вымерших городах и поселках. Вскоре у нас уже была довольно подробная карта планеты, составленная по данным наших картографических спутников. Везде было одно и то же. Процветающих населенных пунктов обнаружить не удалось.

Мы с Васей бродили по пустынным улицам, прислушиваясь к шорохам, и иногда слышали осторожные шаги или одиночные выстрелы: стреляли в нас. Тогда мы обыскивали окрестные дома и всегда находили входы в подземелья, как правило, замаскированные камнями. Мы спускались ниже по длинным лестницам и часто обнаруживали плантации грибов, растущих на мокром песке. Находили странные конструкции из резервуаров и ржавых труб, в которых что-то шелестело и булькало. А однажды, подойдя тихо, застали у большого и низкого открытого чана с десятков незаконников. Они стояли вокруг него на коленях, доставали что-то клейкое и ели, не поднимая голов. Остро пахло дрожжами. Мы ушли незамеченные.

Вообще, улицы, хоть и заваленные обломками и ржавой техникой, были безопаснее задворок, но именно на задворках сохранялась какая-то жизнь. Там чаще стреляли, но с этим приходилось мириться: у незаконников, видимо, были свои законы, а мы, сытые и одетые в свои защитные комбинезоны, с кислородными баллонами на плечах, одним своим видом провоцировали нападения. Как правило, мы не реагировали на выстрелы, безопасные для нас, но когда однажды попали под пулеметный обстрел, Вася разозлился. Стреляли из узкого окна бетонного сооружения, стоявшего в квадрате из колючей проволоки. Мы, собственно, к нему и направлялись: сравнительно целые постройки были редкостью. Наша индивидуальная защита была надежной, но немного сковывала движения, почему и разозлился Вася — он никак не мог привыкнуть к этой войне всех против всех. Расстреливаемые в упор, мы подошли к запертым изнутри массивным железным дверям, и Вася всадил их, срезав скобы.

Незаконник дико глядел на нас, пытаясь развернуть от окна тяжелый пулемет. Вася повел в его сторону раструбом джефердара, и мы прошли мимо, не дожидаясь, пока он уснет.

Внутри уводили вниз переходы, часто перекрытые самодельными дотами более поздней постройки. Пройдя по ним, мы вошли в хранилище. Ну да, склад еды, разложенной на полках в мешках, бутылках и ящиках. Здесь обитало упитанное племя незаконников, и здесь мы впервые увидели детей. И мужчины и женщины были увешаны оружием, они уставились на нас и на стрелка, который, быстро очнувшись от гипноза, успел догнать нас и волок еще за собой пулемет. Он кричал, чтобы в нас не стреляли и, не дай бог, не бросали гранат — бесполезно, лучше отдать нам все, что мы захотим, чтоб мы убралась отсюда.

— Уйдем,— сказал Вася.

И мы ушли, и за нами никто не гнался.

В некогда миллионном городе мы сумели обнаружить едва тысячу жителей, обитающих в подземельях маленькими коммунами. Одному там было не уцелеть, а трое-четверо могли и раздобыть какую-нибудь еду, и защитить себя от соседей. Группы, как правило, перемещались в поисках кладов — случайно не обнаруженных ранее хранилищ продуктов и одежды. Занятие почти безнадежное, но все же занятие...

— А этот стрелок мне понравился,— вспомнил Вася,— быстро он пришел в себя. Изымем? — Берем,— согласился я. И мы вернулись за стрелком.

Брали мы немногих, стараясь выбирать помоложе, но не из числа вожаков, тех мы совсем не трогали, чтобы не ослаблять групп выживших. Самых же нас просто не хватало: всего-то два десятка разведчиков на всю планету. Конечно,

были сомнения. Ну, обучим сотню незаконников, и что? Капля в море... Но уйти от чужой беды мы не могли. Нужно было помочь уцелевшим продержаться до прибытия с Земли надлежащим образом подготовленной спасательной экспедиции. Вопрос помочь, не помочь даже не обсуждался, просто капитан как-то за завтраком сказал, словно между прочим:

— Если хочешь делать добро, долго не раздумывай, корми, лечи, учи...

— Научить недолго, а потом что? Второй виток спирали? — Вася осторожно гладил бархатные ноздри дракончика. Сунул ему в розовую пасть бутерброд с говядиной, дракончик деликатно зажевал. — Неконтролируемый рост населения и возникновение неоправданных потребностей, основанное на ложном представлении, что эти потребности должны непрерывно возрастать и удовлетворяться. И что? И снова войны за сырье, теперь уже радиоактивное? За сырье и территории. И эпидемии от скученности... Если первая — электробензиновая — фаза развития цивилизации на Эколе длилась две сотни лет и в итоге от миллиарда населения едва остался миллион на всю планету, то сколько будет длиться вторая фаза, ядерная, толчок которой дадим мы? Ведь без ядерной энергетике о восстановлении среды и думать нечего.

— Это точно, без ядерной не обойтись. Ну, а насчет второго витка... Может, они поумнеют после такого урока. У нас ведь тоже некоторые думали, что коммунизм — это когда всего невпроворот и ковры в шесть слоев... Мы ведь тоже не сразу поняли, что высшая цель — неограниченное удовлетворение растущих духовных запросов при разумном самоограничении потребностей материальных. — Капитан, щурясь, любовался сиянием гранатового сока в хрустальном бокале. — Самоограничение — вот что оказалось наиболее трудно воспитуемым. А ежели, как у них на Эколе, и дышать нечем... думаю, они себя ограничивать легко научатся: разве сложно подсчитать, сколько населения может безбедно существовать планета, и не превышать это число.

Я слушал этот спор, гладил своего змея и думал, что, какова бы ни была линия последующего развития цивилизации Эколы, нам отступать некуда, все равно в беде мы их оставить не можем. И потом, что за манера рассуждать: я его накормлю, а вдруг он меня потом укусит? Ну и укусит, может, ты его не так погладил, не в ту сторону...

— Мало нас, — вздохнул капитан. — Не хочется, но вынужден расформировать группы. Будем работать в одиночку, ну и каждый берет себе одного-двух незаконников. Мера вынужденная. И что-то я обеспокоен... Лев, придется тебе пожить во дворце, будешь пока на связи, вроде диспетчера. И приглядывать, чтобы Эвдианем какую-нибудь пакость не учинил...

А через несколько дней, помню, проводили

мы Васю в дальний поиск. Нагруженный едой и водой, приборами и баллонами, Вася тяжело шел по камням, рядом, почти налегке, семеня согнутый незаконник из подшефных, следом бежал дракончик. Мы с капитаном стояли на краю кратера потухшего вулкана. Внизу у лазерных резаков суетились наши незаконники, и скользили мимо ковши скипов, уносящие из кратера дробленую породу. Планетолог утверждал, что в ней содержится достаточно исходных материалов, чтобы сделать рентабельной добычу ядерного горючего. На склоне, неподалеку от лаборатории, разместившейся в надувной полусфере, киберы уже монтировали установку для вторичной переработки руды. Два кибера — это совсем не много, и потому возле них группировались незаконники, слушатели ускоренных курсов, отобранные нами. Учились они с энтузиазмом, но и ели как не в себя: оранжереи, раскинутые нами вблизи места посадки катера, работали с предельной нагрузкой. В них с особой охотой трудились незаконники.

— Дел тут — жизни не хватит, — струйка воздуха из-под щитка, наполовину прикрывавшего лицо, шевелила волосы на висках капитана. — Мы, конечно, подготовим грамотных механиков и электриков, склонность к технике у них в крови, но боюсь за руководство. Если здесь у всех психология — как у Эвдианема...

— Хорошие люди есть везде.

— Спасибо, напомнил. Пойди найди! — капитан приблизился к группе незаконников, и те, побросав работу, почтительно скорчились. Капитан крякнул и неумело согнулся. — Единственный способ поговорить, как мужчина с женщиной. Они бы совсем легли, да бояться повредить баллоны.

Я понимал капитана. Читая им курс по агротехнике, я тоже сгибался, и, полагаю, именно с тех пор у меня болит поясница... А капитан тем временем перешел на эколианский:

— Мы не нашли у вас источников чистой воды. Где они?

— Мы не знаем, спаситель, — прошелестели незаконники.

— Вот, — капитан выпрямился. — Они не знают. Но ведь пьют же. Правда, предпочитают наш соленый дистиллят.

Мы уже демонтировали на звездолете три из четырех ядерных реакторов и первый из установленных на Эколе использовали для очистки воды. Но ее едва хватало для промывки отравленной почвы на первой открытой плантации, где мы намеревались высадить картошку... Великий космос! Чем мы только не занимались на Эколе! И кто это сказал, что человеку мало нужно? Ему ой как много нужно! А где взять?

...К вечеру мы, задавленные заботами и делами, которых переделать не успевали, съезжались в лагерь, переодевались, проверяли поря-

док в общежитиях, где на надувном полу вповалку спали курсанты-незаконники, и тоже укладывались у себя в вездеходе. У капитана еще хватало сил для вечерней связи с разведочными группами. Поначалу обходилось без ЧП. Но вчера Вася Рамодин не вышел на связь... Едва мы осознали этот факт, как на экране возник Лев Матюшин. Он был уже без повязки на голове и маячил на шикарном фоне облупленных дворцовых колонн, перевитых кое-где колючей лианой.

— Капитан, докладываю. Все не так и кое-что не так!

— Вас понял,— капитан, которому было не до шуток, придавил пальцем левое веко.— Что мне всегда нравилось в экипаже, так это умение говорить афоризмами. У вас все?

— Ни боже мой! Я трижды пытался связаться с Василием. Он не ответил. Можно, я им займусь? Бесполоюся я. Битый куда-то исчез. А чего, голова у меня зажила, а послать-то ведь некого.

Лев говорил правду: на аварийную ситуацию мы не рассчитывали и потому спасательную группу не формировали.

— Васин маршрут знаешь?

— Капитан! Да я знаю, где находится каждая из тринадцати групп, а Васю я вообще пленеговал каждые полчаса.

— Ладно, слетай,— капитан сосредоточенно рассматривал пульт безопасности, где Васин огонек то разгорался в такт вдоху, то притухал в такт выдоху. Нехорошие это были периоды, словно Васе не хватало дыхания...

Мы оставили включенным автомат громкого вызова и успели еще вздремнуть часа четыре. Как ни странно, рассветы над несчастной Эколой вставали чистые, окрашивая в розовый цвет отравленное небо и вселяя в наши души надежду на то, что не зря мы трудимся. Незаконники любили смотреть на свое белое солнце, и это были редкие моменты, когда они стояли выпрямившись. Когда мы с капитаном вышли из вездехода, двое незаконников пили воду из умывальников, хотя в спальнях стояли графины с водой, всегда полные. Не скоро до нас дошло, что они не в силах были видеть, как убывает вода в графине, и потому предпочитали пить из непрозрачной посуды... Завидев нас, они отошли и молча смотрели, как умываются двое богатых и могучих и как уходит в песок мыльная вода. Утром, если стояла тихая погода, можно было дышать без маски, и мы ценили эти часы. Киберы в алюминиевом котле готовили завтрак из одного блюда. Это были местные дрожжи, облагороженные в синтезаторе до уровня манной каши. А что делать, если количество едоков возросло в десятки раз?

Мы с капитаном тоже поели со всеми вместе, ибо только разведчики, уходящие в поиск, брали с собой корабельные продукты. К сожалению,

говяжье дерево не принялось на местной почве. Вообще, многое наводило на мысль, что кроме картошки, ржи и кукурузы мы вряд ли оставим здесь после себя еще что-нибудь съедобное...

Тут нас вызвал Лев, и голос его вздрагивал, когда он сообщил, что долетел до конца запеленгованного маршрута и не обнаружил ни Васи, ни подшефного незаконника, ни дракончика.

— Кругом каменный хаос, и как только на такую высоту Вася забрался, да еще с грузом на спине? А чуть в стороне какие-то сооружения— башни, врытые в грунт, горизонтальные барабаны на бетонных козлах, эстакады и галереи. В помещениях даже кое-где приборы сохранились. Думаю, здесь давно никто не бывал... Что там на пульте, капитан?

Мы глянули— и в глазах у нас потемнело. Нет, Васин огонек не погас, он горел... но ровным светом. Это могло означать только одно: Вася жив, но не дышит.

— Дай пеленг, Лев!

Капитан сказал это через пять секунд, которые ему понадобились, чтобы бросить вездеход в воздух по какой-то немислимой касательной. Потом он передал управление автоштурману и помог мне задраить люк... Нам едва хватило времени натянуть защитные полускафандры, когда послышался голос Льва:

— Вижу вас!

Капитан снова взял управление на себя, и отрицательное ускорение вдавило меня носом в панель, когда включились тормозные дюзы.

Лев, оставив свою леталку, уже бежал навстречу.

— Вася где-то здесь, я чувствую. Надо искать... Огонек-то горит, а?

Капитан слушал Льва и озирали окрестности. Действительно, каменный хаос. Не земные горы с их величавой упорядоченностью и чистотой, а гнусное нагромождение пропыленных булыжников и убогие строения, воздвигнутые без выдумки и порядка. Даже здесь, в горах, ветер нес запахи железного тлена и, казалось, выли в какой-то дальней трубе. Капитан прислушался.

— Давно ветер?— спросил он у Льва.

— Все время дует.

— И воет?

— Не замечал,— Лев тоже прислушался.— Наверное, в тросах канатной дороги, там обрывки висят.

Лев ошибся. Выли дракончик. Услышав голоса, он вылез из какой-то щели в развалинах и медленно подковылял к нам. Гребень вдоль спины был окровавлен и свисал набок, светился один желтый глаз, вместо второго зияла пустая глазница.

— Великий космос!— прошептал капитан.— Что же тогда они сделали с Васей?

Я наспех промыл раны заживляющим раствором и помог дракончику одолеть шоковое состояние. Вскоре он уже вел нас через пыльные переходы и подвалы, каким-то образом ориентируясь в темноте. Васю мы нашли в квадратной комнате с большим окном, мелкие, похожие на витражные, стекла в нем были целы. Вася лежал на столе, скрестив руки. Лицо его было белым, и он не дышал. У стены сидел подшефный незаконник. Он был мертв.

Первое, что я сделал,— надел на Васю кислородную маску. Я лег ухом ему на грудь и через десять секунд уловил слабый удар сердца. Ввел в вену стимулирующую смесь, и сжатая в кулак Васина рука раскрылась.

— Эвдианем за это заплатит! — сказал капитан.— Взгляни сюда.

На Васиной ладони лежал бурый ошметок, можно было разглядеть крашенные в зеленый цвет щетинки усов. А усы носил битый Васей начальник и более никто на всей планете.

Вася, наконец, вздохнул со стоном. Он вышел из каталептического состояния, но был нетранспортабелен. Капитан вылез наружу, чтобы связаться с группами, подогнать поближе вездеход и принести еду и медикаменты. А пока мы со Львом накормили дракончика и вынесли из помещения тело незаконника. Понять происшедшее мы все равно не могли и ждали, пока Вася придет в себя. Победить Васю с его гипноспособностями и телевозможностями — это не укладывалось в голову, выходило за рамки здравого смысла. Обыск в комнате ничего не дал, а памятный браслет с Васиной руки был сорван.

— Держу пари,— сказал Лев,— сейчас он очухается и спросит — «где я?». Я читал, что так всегда бывает. А иногда еще просят пить.

На этот раз Лев угадал дважды. Неожиданно Вася сел.

— Где это я? — глядя перед собой, спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: — Пить!

До сих пор я жалею, что не записал на браслет Васин рассказ, и даже не помню, что помещало мне это сделать.

Вася начал с того, что махолет, конечно, полезная штука, когда ты один. Но ежели с тобой незаконник и дракончик, то пешком сподручнее. И потом, он в минералах, как Лев в телекинезе, ничего не смыслит и вынужден каждый камень сравнивать с определителем. Да еще незаконник попался то ли ленивый, то ли больной, ничего нести не мог, а кислороду потреблял, что ни вдох, то пять литров. И если бы не дракончик, который украдкой от Васи иногда покусывал незаконника за штаны, тот не прочь был бы и Васю оседлать: очень уж жалобно стонал, особенно за завтраком и ужином. Кончалось тем, что Вася отдавал ему свою порцию, но тогда объявлял забастовку дракончик и отказывался от еды. Вася пошел на обман и кормил дракон-

чика раньше, чем незаконника. Это, конечно, ерунда, пять-шесть дней без пищи Вася мог обходиться, не теряя работоспособности. Дело не в этом, дело в том, что Вася находился в состоянии перманентного изумления: как это незаконник мог съесть чужую еду, ведь понимал же, что Вася остается голодным!

— Единственное, что он освоил, это управление защитой, ставить и снимать мог не хуже меня. А в других делах совсем бесполезным был. Ну, да что теперь осуждать покойника...

Как это все в натуре получилось, Вася и сказать не мог. Незаконник ночью снял защиту, что ли? А только проснулся Вася под утро связанный по рукам и ногам, рядом валялся дракончик, а подшефный незаконник то хихикал, сгибаясь над Васей, то почтительно шипел в сторону Битого. Ну, того, что в Леву стрелял. Солдаты Васин груз между собой распределяли, молча и сосредоточенно. Вася голову набок, а воротник комбинезона, в который рация вшита, оторван, его Битый в руке держит вместе с Васиной маской... Вася попробовал пути, понял — под силу, но рвать пока не стал, решил подождать, посмотреть, что дальше будет. Васю подняли и понесли. Солдаты не имели масок и плохо дышали здесь, а Битый воспользовался Васиной, подключил к ней новый баллон и шел, покачиваясь от непривычного переизбытка кислорода. Васин браслет Битый отдал незаконнику, и тот тщательно расколотил его камнем. В квадратной комнате Васю грубо шваркнули об пол, Битый сел на стол и, поигрывая пистолетом, заговорил, а незаконник довольно связно переводил. Впрочем, Вася понимал и без перевода.

Оказывается, Эвдианем следит за всеми нашими группами и все мы будем уничтожены в одночасье, но с пользой. Васино дерево пока рубить не будут, ибо Эвдианем хочет знать секрет телекинеза и он его узнает. Большинству наших незаконников обещаны звания из милости живущих, Васиному подшефному тоже. Именно поэтому они так хорошо учатся... И Вася может говорить, если имеет что сказать. Вася имел и сказал:

— Эвдианем говорил, что имеющий хранителя на Эколе неприкосновенен. Нанести вред хранителю — преступление. Если это так, то ты дважды нарушил закон. Я не стану рубить твое дерево, но сучья пообломаю.

Битый не спеша слез со стола, солдаты подошли поближе. Потом усатое мурло Битого надвинулось вплотную. Он кривился и дергался.

— Сейчас тебе будет плохо!

Вася ощутил удар ногой и сильно обиделся. А поставьте себя на его место!

— Это тебе, мерзавцу, будет плохо! — сказал он.

Дальше все было, как должно быть. Естественно, обошлось вручную. Без болевых приемов,

которых Вася в ближнем бою не применяет... После всего Вася долго вправлял солдатам вывихнутые мослы и челюсти и щедро расходовал на них дефицитный кислород. Подшефный незаконник, избежавший свалки и поэтому не травмированный, помогал ему.

— Конечно, я несколько погорячился, — рассказывал Вася. — Спешил, пока они не открыли стрельбу. Могли ведь поубивать друг друга. Да еще Битый все норовил пистолетом по голове... Ну, его потом унесли. Жить, полагаю, будет. А когда они все уползли и ухромали, я говорю своему незаконнику: «Как же это ты? Ай-ай-ай!» Стыдно ему стало, и он умер. От всего этого я себя плохо почувствовал. С одной стороны, не ел четыре дня, с другой — дышать нечем, связи нет, покойник на полу сидит, ободрыши на голове зудят. Ощупал себя, вроде цел, и пояс безопасности на мне, сигналит, значит, у вас на пульте. Решил — буду ждать. Лег на стол и вырубился. Смутно ощущал, что дракоша облизывает меня, и порадовался, что он живой. Знал, что вы меня спасете, и особенно за себя не переживал. Не во мне дело. Я все думаю, что, может, зря так грубо обошелся с Битым. Каков он внутри, ведь никто не знает. А может, у него детство было тяжелым? Любой осатанеет, ежели каждый день с Эвдианемом общаться. И с другой стороны, кто я для моего незаконника? Чужак. Пришел — уйду! А Эвдианем останется, он как ни плох, а свой... Дышать-то хочется. Потому здесь высшее благо — быть из милости живущим. Мы, конечно, благодетели, еду даем, подышать даем. Но когда и где любили благодетелей — вот вопрос.

— Так что, пусть вымирают? — сказал я.

— Нет, пусть живут. Но надо менять психологию незаконно живущих. На чем держится власть Эвдианема? На том, что единственный источник кислорода на Эколе — лес. Как и везде. Но здесь лес и Эвдианем воспринимаются как священное целое.

— Мы здесь уже год, — сказал капитан. — Еще год пробудем, на большее нас не хватит, а психологию менять — на это десятки лет нужны, на поколения надо исчислять... Кормим, учим, строим — это все, что мы можем дать.

— А улетим?

— Останутся регенераторы воздуха и воды, оранжереи останутся, участки восстановленного плодородия. Природа постепенно сбновится, а мы ускорим этот процесс. Разве мало? Что ты, собственно, хочешь?

— Конечно, еда и воздух — это главное... Но спасибо эколианцам, что в этой грязи и свинстве они еще и выжить умудрились. Я представляю, как постепенно исчезала энергия и стало невозможно пить воду, и вымирали города, темные по ночам...

Для Эколы этот наш разговор у одра страж-

дущего Васи имел весьма существенное значение, и буквально на следующий день программа работ претерпела изменения. Сначала мы приняли меры, обеспечивающие безусловную безопасность всех наших разведывательных групп, а через месяц вообще свернули разведку и занялись строительством.

Вася, поправившись, больше не лазал по горам, он переключился на восстановление эколианской землеройной техники и достиг в этом деле больших успехов. Из сотни ни на что не годных он со своей бригадой незаконников собирал одну способную к работе машину, и мы перегоняли ее в положенное место. Пробные бурения увенчались обнаружением глубинных морей, вода в которых была непригодной для питья, но пригодной для разложения на водород и кислород. Да, примитивно, да, прямой электролиз — мы понимали это и шли сознательно на упрощение процесса, не желая создавать химическое производство. Электролиз безотходен, а это на Эколе сейчас главное: не увеличивать массу отходов. Конечно, без химии не обошлось, но в меру, в малую меру.

Воздух, вода и еда — вот главное, что нужно было эколианцам. И это мы старались им дать. Мы подсчитали, что три наших ядерных реактора обеспечат работу очистных сооружений и электролиз воды в объеме, практически гарантирующем восстановление водной и воздушной среды до приемлемого уровня примерно за сто лет. А реакторам нужно горючее, отсюда вытекала необходимость поиска руд и сооружения обогащательных установок. Мы смонтировали такую установку, а когда все было готово, когда свинцовые контейнеры с горючим были уложены красивой горкой, — демонтировали и утопили разобранную центрифугу в океане. Мы никак не хотели брать на себя грех передачи ядерной технологии эколианцам и потому пошли на сооружение архаичных реакторов распада, не требующих обслуживания. И не стали делать ядерного синтеза, пожертвовав эффективностью ради будущей безопасности.

Реакторы мы закладывали на глубине двух-трех километров, создавали систему изоляции и защиты, практически исключаящую туда доступ. Именно для сооружения глубинных тоннелей нам понадобилась землеройная техника, Васина забота. А для нее нужно было горючее, и мы сварганили громадные мастерские по изготовлению литых баллонов для сжатого водорода, который поступал от гигантских медных электродов по каналам, выходящим на поверхность. Понадобились и мастерские по переделке местных двигателей под водородное горючее, по заправке баллонов водородом, по ремонту техники и так далее. Возникло целое хозяйство с учебными комбинатами, снабженческими службами, строительными подразделениями и десят-

ками заведений, о необходимости которых мы даже не подозревали, начиная все это дело. Под конец у нас трудились уже четыре тысячи незаконников, и гидропонные террасы на кое-как расчищенных холмах и парники под прозрачными куполами работали с полной нагрузкой. Все равно продуктов не хватало, и пришлось остеклять лазерами стенки и днища выработанных котлованов, чтобы выращивать в них местные пищевые дрожжи. Это позволило как-то решить продовольственную проблему, и тогда мы передали управление всеми делами выборному совету уполномоченных. У совета было много дел: распределение работы и продуктов, обучение и подбор кадров и, не в последнюю очередь, защита от посягательств Эвдианема. Дня не проходило без диверсий, и мы с удивлением разглядывали из милости живущих и даже незаконников, пойманных на месте преступления.

— Мы ж для вас стараемся,— говорил Лев.— Чтоб вам было чем дышать. А ты с бомбой... Как же так?

Проведя такую беседу, мы отпускали диверсанта, не скальп же с него снимать.

Когда пустили первую кислородную станцию, Эвдианем напросился в гости. Он долго ходил пешком по камням и щебенке, осматривал сооружения, косился на пробегающие мимо экипажи, не дающие выхлопов, и милостиво кивал незаконникам, которые корчились, завидев нашу экскурсионную группу. Битый улыбался всякий раз, когда ловил на себе Васин взгляд, при этом у него дергалась плохо зажившая губа.

— Все это уже было,— резюмировал Эвдианем, когда они остались вдвоем с капитаном.— И много еды, и экипажи. И много незаконно живущих. Зачем? Это не нужно.

— Эвдианем опасен. Опасен тем, что никогда не сомневается в себе,— капитан улыбнулся.— Тебе не нужны люди, верю. Но каждый вправе спросить, а нужен ли ты людям?

Эвдианем долго смотрел в переносицу капитану, потом сказал тускло, без выражения:

— Не спросят.

Он задержался у сопла, из которого со свистом выходил чистый кислород. Стоял на бэлюстраде, опоясывающей грушевидную трубу сопла, заглядывал в его трехметровое жерло, прикрытое частой сеткой.

— Ваши люди уже дважды пытались взорвать это сооружение, полагаю, одно из самых полезных на планете. Зачем?

Любой деспот, будь он трижды кретин, отлично разбирается во всем, что может угрожать его власти.

— Мой лес,— сказал Эвдианем,— был единственным источником дыхания на Эколе.

— Наши установки уже сейчас дают кислорода больше, чем все леса планеты. И мы не

дадим их уничтожить. Ты ведь это хорошо понимаешь, Эвдианем.

Капитан знал, что говорил: мы уже заканчивали монтаж генераторов защиты и в любой момент могли накрыть кислородные станции непроцеваемым силовым полем. Мы думали, что это решит проблему сохранности — и ошиблись.

Эвдианем понял, что станции лишь увеличивают процент кислорода в атмосфере Эколы, главное же — воздушные фильтры, не обогащающие атмосферу, а делающие ее чище, здоровей. Фильтр — это цилиндрический резервуар диаметром десять и высотой пятьдесят метров, наполненный дистиллированной водой с растворенными в ней смолами. В нижнюю часть резервуара по трубам от заборника поступает воздух и, пройдя, распыленный, через столб воды, уже сравнительно чистый собирается в верхней части. Отсюда компрессоры гонят его в следующий резервуар и так далее. После пятой очистки это уже вполне пригодный для дыхания воздух. Каждый из десятка сооружений нами фильтров представлял собой комплекс сооружений, работающих в полностью автоматическом режиме. Мы почему-то были уверены, что такие комплексы, разбросанные по самым пустынным местам планеты, останутся вне внимания Эвдианема. Мы ошиблись.

Вскоре после визита Эвдианема ночью нас по тревоге поднял диспетчер из незаконников: разом половина фильтров вышла из строя. Технически этого быть не могло, система обладала максимальной надежностью...

До сих пор у меня перед глазами стоит эта картина разрушения и смерти.

Судя по всему, взорваны были перегонные устройства. И когда тысячи кубометров кипятка, находившегося под давлением, разом были выпущены наружу, они испарились почти мгновенно. Не берусь оценивать силу этого пароводяного взрыва, скажу только, что от пострадавших сооружений практически ничего не осталось. По периметру зоны разрушения мы находили обваренных диверсантов. Спасти никого не удалось...

А потом мы приземлились на знакомой лужайке у дворца и пошли в покои Эвдианема, чтобы раз и навсегда покончить с диверсиями и убийствами. Нас пытались не пустить, и я помню остановившийся взгляд капитана, когда мы прокладывали себе дорогу через беспорядочную толпу солдат и слуг... Ударом ноги капитан вышиб двери в парадный зал, где царил разгром и хаос, была опрокинута и переломана мебель, выбиты окна. Повсюду валялись свитские, ушибленный дверями, стонал на полу Битый. Увидев Васю, он слабо задержался. Посередине зала, вытянувшись в струнку, стоял Эвдианем. Руки его были привязаны к туловищу, а шею опоясывала удавка из тонкого троса, перекину-

того через крюк сорванной люстры. Другой конец троса был закручен вокруг талии Льва Матюшина, который, черный от злости, сидел на узкой банкетке, поставленной на обеденный стол. Трос был натянут. Дико оглядевшись, Лев прикрыл сливовидные глаза и произнес:

— Я не могу сказать, что не хотел этого скандала. В глубине души я его хотел и был рад, когда они скопом навалились на меня, едва я предложил Эвдианему подождать вас. Он надумал сбежать. А теперь, если я раненый или убитый свалюсь со стола, этот миробль повиснет, в результате чего, надеюсь, подохнет. Но он ценит свою жизнь и потому запретил стрелять в меня. Я болен ненавистью, капитан. Я заразился здесь во дворце от общения с ним и с Битым... Как же я теперь буду жить?

Он отвязал от пояса тросик, и Эвдианем плашмя свалился у наших ног. Лев слез, поднял с пола сумку, достал из нее сплюсненную колочку и стал разглаживать.

— И вовсе они не хранители,— бормотал он.— Их самих охранять надо. Кто ж это на нее наступил...

— Это не болезнь,— капитан смотрел на колочку, оживающую под пальцами Льва.— Доброта к живому и ненависть к тому, что мешает жить,— неразделимы.— Он перевернул ногой Эвдианема, тот приоткрыл налитые кровью глаза.— Поди ж ты, такой невзрачный поганец, а готов всю планету задушить, только б власть не потерять. Я хочу его убить! Я шел сюда, чтобы убить.— Капитан посмотрел на нас, и никто не опустил глаз.— Но мы поступим по-другому.

И мы погнали перед собой Эвдианема и Битого, и слышали, как шарахались в закоулки дворца слуги и солдаты. Больше никто не пытался остановить нас. После часа лета мы высадили их у взорванной станции-фильтра, дали в руки лопаты и заставили похоронить погибших. Пусть осудят меня потомки за то, что я такой, какой есть, но скажу, что с незнакомым чувством злорады я прислушивался к хриплому дыханию Эвдианема, неумело работающего лопатой.

— Великие и могучие пусть будут милостивы ко мне. На Эколе мало людей, зачем вам рубить мое дерево,— бормотал он.— Будут милостивы...

— Будут, еще как будут. Мы не станем рубить твое дерево. Но ты разделишь судьбу незаконно живущих.— Капитан поднялся на трап дисколета, он непривычно для нас сутулился.— Отсюда до столицы десять дней пути пешком. Воды здесь с избытком, а дышать будете, чем все дышат. Тебе ведь не нужны люди, Эвдианем, так мы позаботились, чтобы никто вам не встретился.

А Вася, оглядев мускулистого Битого и рыклую, с пузом, фигуру диктатора, молвил:

— Пустыня — не дворец. Полагаю, Битый его в два счета наизнанку вывернет.

И мы отправились к себе в лагерь. Мы больше никого из них не видели, и что случилось с диктатором и его главным прихлебаем, о том понятия не имеем. Да и не до них нам было. Мы восстановили регенераторы воздуха, бросив на сварочные работы и киберов, и доставленные со звездолета специальные автоматы. Потом накрыли их защитным полем, а кислородные станции защищать не стали, поскольку именно возле них располагались наши главные центры и поселки незаконников.

— Мы сделали, что могли. Все равно для этого поколения фильтры будут недоступны, а следующее умнее будет...— Так говорил Вася, когда мы с ним делали последние облеты планеты и разбрасывали над городами маленькие елки, готовые к посадке. Для этого нам пришлось почти опустошить питомник.

Мы разбрасывали саженцы, сотрясая окрестности призывом:

— Люди! Пусть каждый посадит дерево! И да не будет больше незаконно живущих!

Это, наверно, было здорово, когда с неба сыпались тысячи маленьких елок, и у каждой корни — в мешочке с землей...

Потом мы всем коллективом переключились на реализацию Васиного предложения. Помните, я говорил, что после покушения на Васю мы скорректировали, вернее, дополнили программу? Пожалуй, это была для нас самая приятная работа на Эколе, хотя мы и израсходовали все корабельные запасы стимуляторов роста растений, весь семенной фонд, все яйца, взятые с Земли, и всех насекомых, обитавших в корабельной оранжерее. Не на подарках же экономить...

Это была небольшая, километра на два, долина, расположенная среди гор. А в долину в тумане и радугах спадал водопад, и текла из него извилистая речка, омывая замшелые валуны, разливаясь широкими и тихими заводьями. Ивы смотрелись в воду, и под их ветвями плавали утки с выводками утят. Холмистые берега были зелены, а там, где подальше на скалах почвенный слой был тонок, тянулись к небу красные сосны в серебряных иголках. А у подножий холмов были высажены вишни, и Вася так устроил, чтобы они зацвели в день отлета.

— Хочу успеть посозерцать, а то когда еще придется...

Мы их подняли в конце ночи, своих незаконников. Мы просили тех, кто захочет, поехать с нами или пойти пешком. И почти все захотели, и когда пришли на холмы вокруг долины, то взошло раннее солнце и осветило долину и речку в прозрачном тумане утра и вишни, которые цвели.

Мы тоже смотрели со всеми вместе, а потом тихо, не привлекая внимания, отошли в сторонку, где стоял с вечера доставленный дисколет.

Летит ребята кружева из чугуна...

В МАСТЕРСКОЙ ИЗВЕСТНОГО КАСЛИНСКОГО СКУЛЬПТОРА АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВИЧА ГИЛЕВА НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ НАЗАД РОДИЛСЯ...

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» (СМОТРИ ФОТО).

ДА, ЭТО ТОТ САМЫЙ МАЛЬЧИШКА, ЧТО ДАВНО ОБЖИЛ СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА, СТАЛ НЕОТДЕЛИМ ОТ НИХ. КОЕ-КТО ИЗ ЧИТАТЕЛЕЙ, ВОЗМОЖНО, НЕ СРАЗУ УЗНАЕТ ЕГО. НО ТАКИМ НАШ «СЛЕДОПЫТИК» УВИДЕЛСЯ, ПРИГРЕЗИЛСЯ АЛЕКСАНДРУ СЕМЕНОВИЧУ — СТРОЙНЫМ, ВЫСОКИМ, ВЕСЕЛЫМ, И МЫ, ЖУРНАЛИСТЫ, ВПОЛНЕ УВАЖИТЕЛЬНО ОТНЕСЛИСЬ К ЭТОМУ, НЕСКОЛЬКО НОВОМУ, ОБРАЗУ,

С ЭНТУЗИАЗМОМ ПРОГОЛОСОВАЛИ «ЗА», КОГДА ВОЗНИКЛА ИДЕЯ ТИРАЖИРОВАТЬ ЕГО.

А. С. ГИЛЕВ СОЗДАЛ ИЗ ЧУГУНА СПЕЦИАЛЬНУЮ МОДЕЛЬ, ПОДАРИЛ ЕЕ РЕДАКЦИИ НА 25-ЛЕТИЕ

«УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» (ОНО ОТМЕЧАЛОСЬ В АПРЕЛЕ), А СЛЕДОМ КАСЛИНСКИЕ МАСТЕРА ВЗЯЛИСЬ ОТЛИТЬ ПО ЭТОЙ МОДЕЛИ НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТКОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ СКУЛЬПТУРЫ.

(МЕЖДУ ПРОЧИМ, ХОТЯ «СЛЕДОПЫТИК» ИЗ ЧУГУНА ОТНОСИТСЯ К РАЗРЯДУ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ, ОН НЕ ОЧЕНЬ МАЛ РОСТОМ — ДВА ДЕСЯТКА САНТИМЕТРОВ.) СПАСИБО, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ-КАСЛИНЦЫ!

...В крепком, основательном и просторном доме Гилевых на берегу озера хранится как реликвия вещь, которой цены нет. Это цепочка-браслет. Образец искуснейшего чугунного литья. Неразделимые звеньишки цепочки соединены одно с другим без какого-либо механического способа и в то же время практически без зазоров. Браслет легко изгибается, струится на ладонь. Много лет назад вот так же осторожно, удивляясь, держал его в своих руках великий Менделеев.

— Ничего более совершенного среди нашего чугунного литья, как он сам заметил, Дмитрий Иванович не видел,— рассказывает эту семейную историю А. С. Гилев.— Отлил цепочку мой дед Михаил. Он погиб двадцатисемилетним в Петербурге в 1905 году... Между прочим, сейчас за такие цепочки одна японская торговая фирма готова платить нам как за золотые...

В прежние времена искусство каслинских мастеров почти всегда было семейным, наследственным. Дело Михаила Гилева продолжил его сын Семен, приставленный к заводской конюшне с восьмилетнего возраста. Очень скоро, перейдя в цех, Семен заслужил славу универсала в художественном литейном производстве: был и формовщиком добрым, и чеканщиком, и с другими операциями хорошо справлялся. Отработал на заводе пятьдесят лет как один день. Ну и, естественно, своего сына — Александра — к делу привел.

...На вращающемся столике,— пластилиновый макет нового чугунного павильона для постоянной выставки декоративно-прикладного искусства в Москве. (Как известно, один из каслинских ажурно-кружевных павильонов — он хранится сейчас в Свердловской картинной галерее — был удостоен высшей награды Всемирной выставки 1900 года в Париже.) Рядом — тоже пока пластилиновые бюсты всех известных мастеров-каслинцев, «отчеканивших» мировую славу уральского художественного литья: Торокина, Широкова, Глухова, Малова, Зацепина, Захарова, Вихляева... Будут на павильоне и скульптурные портреты Канаева, Лансере, Клодта, Обера, Баха, с именами которых связаны многие произведения каслинцев. Задумано показать в этом павильоне экземпляры лучшего литья... В общем, огромная впереди работа у А. С. Гилева, у всех его коллег и друзей по цеху.

В свое время, было это в суровом сорок третьем, Александр Семенович закончил училище, которое готовит уже ровно 60 лет смену каслинским ветеранам. В то время художественное литье здесь оказалось на грани гибели. От завода требовалось одно — снаряды для фронта, а на снаряды не хватало чугуна,

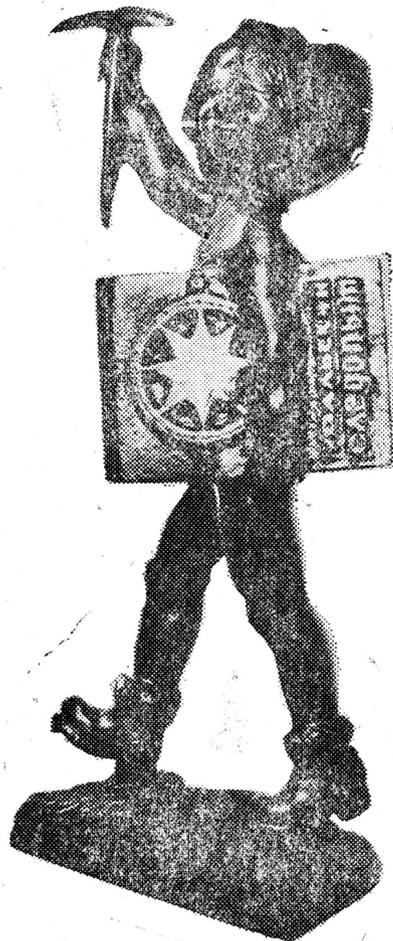
бронзы. Пустили в переплавку всех чертей — отлитых, но еще не отчеканенных (чеканка — обработка, отделка литья), — их оказался огромный задел. А бронзу кое-кто начал искать, приглядываясь к моделям. Модели же — самое основное в производстве художественного литья. Старый чеканщик Иван Александрович Захаров, Семен Михайлович Гилев и другие мастера, спасая дело, строили своего рода баррикады в складе моделей, прятали лучшие из них, вызываясь найти бронзу вне завода — ездили по Каслям на подводах, собирали старые самовары, дверные ручки, дырявую посуду.

Так было сохранено то, что стало основой в работе всех военных и послевоенных выпусков училища в Каслях (оно, училище, готовило специалистов художественного литья безостановочно, и это было лучшим подтверждением правоты заводских мастеров, лучшим оправданием их «партизанских» операций на складе).

Заглянем ненадолго в само училище. Учить юных при Каслинском заводе начали в 1807 году. В 1856-м скульптор М. Д. Канаев организовал в Каслях студию лепки и формовки художественного литья... С 1923 года здесь действовала школа фабрично-заводского обучения. В 41-м все «учебные» архивы каслинцев сгорели. Но известно, что возродившееся после того и ныне действующее (под именем СГПТУ-18) заведение подготовило почти десять тысяч квалифицированных рабочих, в том числе около семисот формовщиков художественного литья, почти пятьсот чеканщиков.

Уже при подходе к училищу замечаешь над зданием мастерской — конечно, из ажурного литья! — буквы: СГПТУ-18. Невольно останавливаешься у ворот на территории, — тоже сплошь ажурное литье. И забор — литье. Тут не скажешь: сапожник без сапог. А недавно, накануне юбилея училища, юные мастера изготовили для холлов учебного корпуса литую мебель — диваны и кресла, которые прежде называли садовыми. Конечно, есть здесь музей — небольшой (как и городской), но весьма насыщенный экспонатами. Шеф музея Наталья Ивановна Тихонова просит взглянуть на стенд «Награды училища». Большой стенд, а места для записей все равно не хватает. 7, 10, 12, 14... Эти цифры — количество медалей ВДНХ СССР, полученных юными каслинцами и их учителями за последние годы.

На стендах — множество работ. Вот одна из них: подсвечник «Медведь на дереве». Много лет назад модель этой известной вещи создал академик Н. Р. Бах. Экспонат музея — дело рук юных формовщика Сергея Дюрягина и чеканщика Валерия Пьянкова. Вот так на лучших образцах каслинского литья учатся

те, кому скоро трудиться в заводском цехе.

В одном из рабочих классов мы познакомились с пареньком из Тулы. В училище их трое — туляков: Юрий Боровков, Сергей Яковенко и Сергей Санкин. Вообще-то, оказались они здесь случайно: услышали, что в Каслях готовят чеканщиков, сами увлекались чеканкой по металлу, вот и приехали.

В то же время, как заметила Н. И. Тихонова, у самих каслинских подростков училище не очень популярно (что говорить, профессии, связанные с художественным литьем, грязноваты: чугун! Да и заработки на заводе, условия труда пока оставляют желать лучшего. Лишь несколько месяцев назад увеличена до 70—90 рублей стипендия в училище тем, кто осваивает профессии чеканщика и формовщика художественного литья).

— Это действительно большие проблемы,— говорит директор завода в Каслях Александр Иванович Шастин.— Необходимо и будем их решать. Уже строим новый цех художественного литья...

БЕССМЕРТИЕ... СМЕРТИ У ХРАБРЫХ НЕТ!

вел из строя две следовавшие за ним самоходки. Разворот — и еще один из двух появившихся «тигров» загорелся. Но другой вражеский танк прямым попаданием нанес ощутимый удар. Погибли члены экипажа, Григорий был тяжело ранен осколком. И все-таки он смог еще раз зарядить пушку и так метко прицелился в гусеницу «тигра», что тот закрутился на месте.

А на перекресток вылезал следующий «тигр»... Последние слова, переданные в эфир Зубовым, были такие: «Экипаж погиб. Танк горит. Иду на таран». И пылающая «тридцатьчетверка» на всей скорости врезалась во вражескую машину...

Ценой своей жизни Григорий Зубов выполнил боевой приказ: ни один из фашистских танков на его участке не прошел.

• Поле братьев Сидоровых

Когда-то, в 1928 году, Никанор Сидоров вместе с братом получил на этой земле надел в семьдесят гектаров. Он одним из первых закладывал колхоз — для себя, для своих детей. Не на смерть, а на жизнь растил сыновей удмуртский колхозник Никанор Федорович Сидоров. Учил уму-разуму, принаравливал к крестьянской работе, внуков ждал...

В сорок первом один за другим ушли сыновья из села, из отчего дома на фронт. Не вернулись с войны Петр, Федор, Арсений, Леонид — рядовые... Погиб смертью храбрых под Сталинградом Яков, на Курской дуге — Василий, под Брестом — Александр... Умер от ран Павел, защищавший в войну Ленинград. Всех восьмерых взяла война: старшему было тридцать пять лет, младшему — восемнадцать. До последнего своего часа Никанор Сидоров ходил на дорогу — ждал, может, кто вернется из сыновей. Не дождался...

В родную деревню Малая Сюга с фронта не вернулись сто девяносто восемь человек.

Стоит сейчас в деревне памятник погибшим. Каждую весну от него прокладывается первая

борозда — чтобы снова родило поле, поле братьев Сидоровых. Все продолжается на этой земле.

• Собрали... ДИВИЗИЮ

Началось все с самого обыкновенного снимка военных лет. На фотографии был изображен самолет с надписью на борту «Мещовский колхозник». Воркутинские следопыты прежде всего заглянули в энциклопедию, выяснили, что Мещовский район есть в Калужской области. Написали туда письмо. Нет, никто из нынешних руководителей района не мог объяснить, как родился самолет с таким названием. Тогда опубликовали обращение следопытов в газете, и письма ветеранов, откликнувшихся на этот призыв, прояснили картину.

Едва городок Мещовск был освобожден от гитлеровских захватчиков, его жители начали собирать деньги на постройку тяжелых бомбардировщиков. В 1944 году десять самолетов «ТУ-2» были переданы лучшей эскадрилье 113-й авиадивизии. Один из них и был изображен на фотографии...

Восьмой год ведут поиск следопыты 3-й и 35-й школ Воркуты. Когда-то по их инициативе в сквере возле Большого театра в Москве встретились бывшие летчики эскадрильи — их было не больше десятка. Потом, в Мещовск, их приехало уже девятнадцать — тех, кто летал в эскадрилье «Мещовский колхозник»...

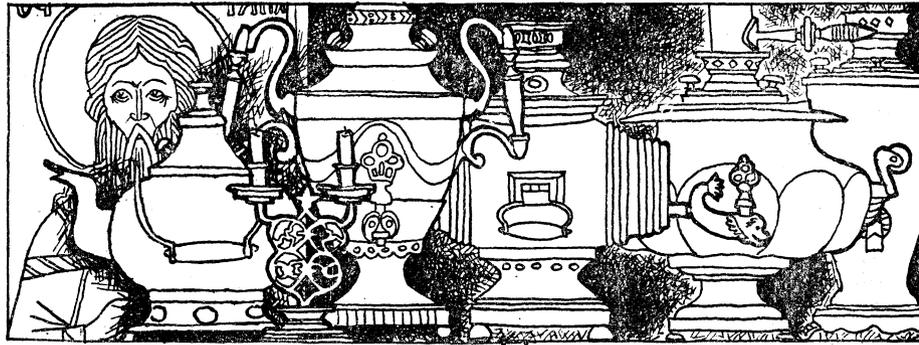
А в воркутинские школы все шли и шли письма от бывших ветеранов всех трех полков дивизии...

Так ребята заочно собрали всю дивизию. Многие из ее ветеранов уже побывали в гостях у воркутинских следопытов.

С ЧЕГО НАЧИНАТЬ?..

Отклики на первую публикацию под новой рубрикой
нашего журнала — «Клуб собирателей» (см. № 3 и 5 за этот год.)

Филателисты и книголюбцы создали свои общества. У коллекционеров марок есть журнал «Филателия СССР», а у книголюбцев даже два печатных издания: еженедельник «Книжное обозрение» и солидный журнал «В мире книг».

Как быть коллекционерам других профилей?

Издавна на Руси собирали старопечатные и рукописные книги, церковную утварь. Всегда были люди, которые видели в иконах, складнях, церковных книгах, плащаницах, в так называемых священных сосудах не только атрибуты религии, но и непревзойденные произведения искусства русского народа, который вынужден был выражать свой художественный талант, думы и чаяния в предметах религиозного культа. Это хорошо понимали известные русские коллекционеры — Морозов, Щукин, братья Третьяковы, художники Поленов, Корин и др.

Богатейшие частные коллекции русской религиозной старины после революции в основном перешли в музеи. Большинство шедевров учтены и хранятся под наблюдением специалистов.

В наше время найти икону XV—XVI веков, кажется, невозможно. Большая редкость иконы XVII—XVIII веков. Но тем не менее и сейчас есть коллекционеры, которые собирают эти предметы. То же самое можно сказать и о рукописных и старопечатных книгах.

Но, допустим, вдруг счастливицу повезет и где-нибудь на чердаке сносимого дома он обнаружит какую-то редкость и оставит ее в своей коллекции. Надо ли его за это наказывать? Если он спекулирует и перекупщик художественных ценностей, да к тому же в своем темном промысле контактирует с иностранцами, — конечно, такого надо брать, как говорится, за ушко да на солнышко. А если это бескорыстный собиратель, так пусть в его коллекции будет хоть одна «жемчужина»! Только эта находка должна быть учтена, дальнейшее ее передвижение (купля — продажа — обмен) должно фиксироваться.

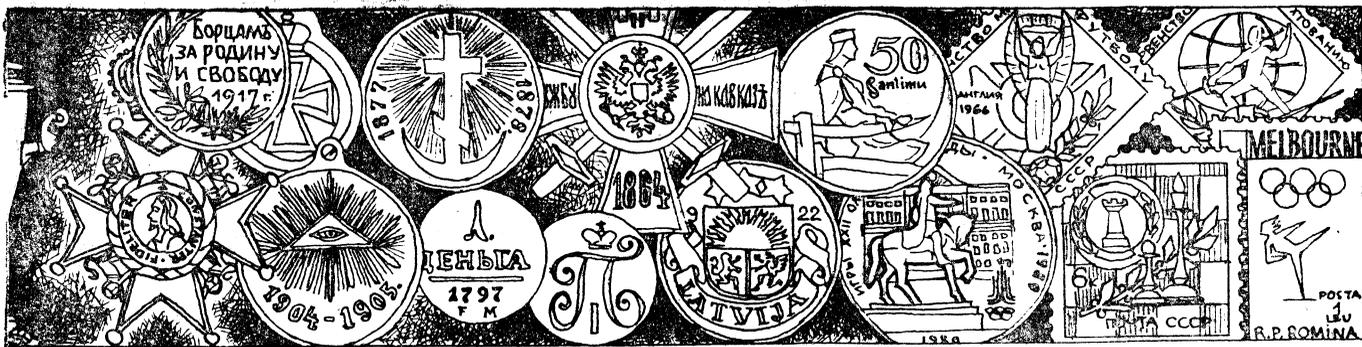
Вот здесь-то мы и подошли к проблеме, которая волнует Ю. Рызанова, автора статьи «Из прошлого в будущее», и многих собирателей. Необходимо официальное объединение коллекционеров всех профилей, должен быть и печатный орган, который бы вел активную работу с коллекционерами и на страницах которого могли бы выступать все увлеченные люди. Должно ли это быть Всесоюзное общество коллекционеров или Общество любителей старины (как в дореволюционной России) — суть не в названии. Главное, общество будет под покровительством государства, получит крепкую материальную базу и право издания соответствующей литературы.

С чего начать? Есть опыт организации, как я уже говорил; общество филателистов и книголюбцев. Общество коллекционеров, вероятнее всего, надо создать при Министерстве культуры СССР или при Обществе охраны памятников истории и культуры. Необходимо создать инициативную группу, затем созвать учредительный съезд, а далее, по опыту вышеназванных обществ, начать активную деятельность. Думается, от создания такого общества выиграют и коллекционеры и государство, ведь почти любая серьезная частная коллекция со временем становится достоянием государства, народа. Все остается людям!

Юрий САКНЫНЬ,
Свердловск

Пути пополнения музейной коллекции... Этой теме была посвящена научно-практическая конференция, состоявшаяся в Челябинской областной картинной галерее.

Челябинская галерея, где я работаю, с момента ее образования в 1940 году собрала около пяти тысяч предметов искусства. И лишь за последнее десятилетие фонд увеличился на две с лишним тысячи единиц хранения. Именно в это время возник и оформился фонд древнерусского искусства, составленный из произведений ико-

нописи, мелкой металлопластики, древних книг, скульптуры. И что особенно важно — организовался в это же время филиал галереи. Основу его составляют известные за пределами Урала художественное чугунное литье и златоустовская гравюра на стали.

Наверняка не было бы столь значительных успехов у художественного музея Челябинска, если бы его научные сотрудники не поддерживали контакт с местными коллекционерами, особенно с такими увлеченными, как Е. С. Кузнецов, С. А. Тимошенко, О. П. Малахов. Немало произведений подарено нашей галерее собирателями и художниками, людьми, осознающими высокое предназначение музея.

В. МЕДВЕДЕВА,
г. Челябинск

Мне кажется, «Уральский следопыт» сделал верный шаг, намереваясь систематически освещать проблемы коллекционирования. Это интересует немало число людей. Думается, чаще надо писать о том, как та или иная коллекция, собранная энтузиастом, служит людям. Вспоминаю, как я стал собирать старые газеты и журналы...

Все началось с испанской газеты «Мундо обреро» («Рабочий мир»), которую я получил в 1938 году от известного писателя М. Кольцова... Теперь в моей коллекции более 500 различных газет и 30 журналов, имеющих отношение лишь к одной Пензенской области. Среди же уникалов есть «Московские ведомости» за 1762 год, первая газета острова Мариники за 1824 год, подпольные газеты коммунистических партий европейских стран — это дар Д. Ибаррури. У меня хранится более 600 дореволюционных журналов. По моей инициативе и на основе моей коллекции был создан справочник «Периодическая печать Пензенского края 1838—1975 гг.». Мечтаю также о создании в Пензе литературного музея, которому пригодились бы моя коллекция. Так что

мой многолетний труд не должен пропасть...

А еще мне вспомнилась сейчас судьба коллекций периодики одного замечательного собирателя. Был в нашем тесном кругу любителей периодики интересный человек — народный артист СССР, композитор Е. К. Тикоцкий. В молодости (это было еще до революции) он собрал несколько тысяч редкостных газет и журналов. В годы гражданской войны бесценное собрание погибло. Евгений Карлович принялся за новые сборы. Опять его «комплект» газет и журналов стал солидным, достиг 7 тысяч единиц хранения. В годы войны, увы, и это все было утрачено! Однако неугомонный человек вновь собрал 10 тысяч названий и подарил все газеты и журналы архиву.

Совершенно согласен с Ю. Рязановым, автором статьи «Из прошлого в будущее», что в основе большинства самых разных музейных коллекций лежат частные коллекции. И потому желаю «Уральскому следопыту» увлекательных рассказов о таких настоящих следопытах, каким был ценитель старинной периодики Евгений Карлович Тикоцкий, сохранивший, проявляя при этом незаурядную волю, ценные частички национальной культуры.

В. НУЖДОВ,
г. Пенза

Хочу помочь тем, кто собирает самовары...

Уже несколько лет я извлекаю из металлолома избитые, измятые, некомплектные самовары и реставрирую их. У меня больше десятка прелестных сосудов-самогреев. Есть и такие, что теперь стоят в музее Л. Н. Толстого в Ясной Поляне или, например, в доме-музее уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Повторю: хочу помочь практическими советами всем, кто собирает и пытается лечить самовары. Я-то работаю газозлектросварщиком, знаю слесарное дело, а ведь иной представитель чисто интеллектуального труда, пожалуй, и

растеряется, найдя измятый самовар, и бросит его. А вещь-то можно сохранить, надо лишь приобрести кое-какие «секреты» реставрации. Я и готов ими поделиться!

Советую «Клубу собирателей» регулярно давать практические рекомендации, как хранить старинные книги и металлоизделия, ткани и монеты и т. д.

Г. СИДОРОВ,
г. Тюмень

Хочу сказать вот о какой проблеме... Мне кажется, мы, коллекционеры и музейные работники, несколько опоздали со сбором старинных предметов крестьянского быта, орудий труда земледельца и инструмента кустарей. Но жизнь летит, и что было вчера повинкой, сегодня просится в музей.

В уральском селе Коптелово (Свердловская область), где я живу, создано четыре музея. Не в каждом городе столько-то их бывает! Два из них размещены в старинных крестьянских избах. Еще есть павильон, в нем собран сельхозинвентарь. И в четвертом музее показана современная жизнь села. Всего — более трех тысяч экспонатов.

Не был в стороне от этой собирательской работы и я. Два десятка лет помогал создавать перечисленные музеи. Скажу всем начинающим собирателям: будьте настойчивы и многое можно сделать. И люди поддержат. Избы, например, для наших музеев купил сельсовет, а каменный дом передал колхоз и помог построить павильон.

Дорогие хранители нашего славного прошлого, работайте не в одиночку — и вам удастся сделать доброе дело!

Александр ПОТОСКУЕВ,
директор Коптеловского
музейного комплекса

*Рисунок
С. Малышева*

К ДАЛЕКИМ ЗЕМЛЯМ, К ДАЛЬНИМ БЕРЕГАМ,

или Повесть о жизни

Самуэля Готлиба Гмелина,

его путешествии в далекую Персию,

его приключениях и происшествиях,

кои с ним произошли за время

долгих скитаний и странствий

**Александр
БАРКОВ,
Геннадий
ЦИФЕРОВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

В низовьях Волги есть большое селение Гmeliно. Такое название дали ему в честь академика Академии наук Самуэля Готлиба Гмелина. Ученый возглавлял экспедицию, побывавшую в тех местах во второй половине XVIII века...

Имя Гмелина, к сожалению, теперь оказалось почти забытым. Между тем это был один из тех исследователей, которые своими трудами прославили Россию. Его можно ставить в один ряд с С. П. Крашенинниковым, описавшим земли Камчатки, с Афанасием Никитиным, совершившим легендарное путешествие в Индию... Академик Гмелин задумал и осуществил тяжелое, опасное путешествие на Кавказ, в Персию и трагически погиб в 1774 году. Погибли многие его спутники и друзья по экспедиции, внезапно схваченные озлобленным на Россию, мстительным персидским уцмием Эмиром Гамзой. Но уцелели научные записки и дневники Гмелина.

Сам путешественник так говорил о своей миссии: «Намерение мое состояло в том, чтобы описать те страны, по которым я ехал, исследовать со вниманием все попадающие особливые предметы... также примечать за домостроительством, узнавать нравы и обыкновения народов».

В основу повести Александра Баркова и Геннадия Циферова положены подлинные события этой экспедиции. Перед нами воскресает Персия с ее дикими, первобытными нравами — та Персия, в которой позднее мученически погиб и Александр Сергеевич Грибоедов.

Трудная, героическая, полная риска и необыкновенных событий жизнь академика Гмелина может служить вдохновляющим примером для наших современников.

Высочайшее соизволение

Профессор Академии наук Самуэль Георг Готлиб Гмелин проснулся, по обыкновению, рано.

Чуть брезжил за окном рассвет, тлели и мигали бледные фонари на улицах, а профессор уже сидел за бюро, перебирал и просматривал бумаги, письма, книги — «Атлас Российский», «Описание земли Камчатки» академика С. П. Крашенинникова, «Оренбургскую топографию» П. И. Рычкова, труд шведского естествоиспытателя Карла Линнея «Виды растений»...

Письма, бумаги, книги — это судьбы людей. А вот и его судьба, его планы, надежды. Здесь тщательно описан маршрут будущей экспедиции: Петербург, Новгород, Валдай, Тверь, Москва, а затем Дон, Волга. И, наконец, Астрахань, Каспий... Персия.

Однажды, когда Гмелина спросили о Персии, он полушутя, полусерьезно ответил:

— Хочу въявь увидеть восточную сказку!

Слушатели переглянулись. Говорил и писал ученый сухо и вдруг — «сказка»...

Гмелин встает, потирает озябшие руки. Подходит к окну. Какой-то мальчик, задрав нос кверху, рассматривает, как хмурый фонарщик гасит последний фонарь.

Неожиданно профессор улыбнулся: в сущности, он такой же любопытный мальчишка, Персия для него — «волшебный фонарь». Вот если бы сказать почтенным мужам из Академии такое:

— Господа! Персия — это волшебный фонарь. Если у фонаря открыть хрустальную дверцу и зазечь его, вы увидите чудеса.

Однако надо говорить по-иному:

— Я полагаю, среди всех областей, изученных и исследованных нами, Астрахань, Каспий, Персия, по моему суждению, не только изучены менее прочих, но даже до сего времени по-настоящему не обследованы никем. Государь наш Петр Великий немало сил и труда затратил, дабы прославить науку. Великая северная экспедиция 1734—1743 годов составила опись морей и берегов северных государства нашего. Имена Беринга, Лаптевых, Челюскина на века сохраняются в памяти благодарных потомков. Думаю, и мы должны быть достойны их памяти.

«Достойны их памяти...» — ученый задумчиво смотрит на стопку книг на столе, выстукивает мотив старой немецкой песни:

Капля серебра дарит хрусталу цвет и звук...
Толика славы дает жизни блеск и радость...

А много ли радости было у него?

Труд, постоянный, неустанный труд. Один философ писал, что труд — радость, однако вдыхать аромат цветов, слушать музыку, пение птиц — тоже радость. Но такой радости у него было мало.

Не раз его друзья говорили:

— Ты, безусловно, преуспел, Самуэль. Так молод и уже профессор!

Ох уж эти благожелатели! Знали бы они, чего ему это стоило!.. Гмелин постоянно от всего отказывался: от дружеских пирушек, от прогулок за город. А когда весной цвели акации и на вечерних балах, шурша крахмальными юбками, танцевали барышни, он до поздней ночи засиживался над книгами.

И все-таки печалиться не стоит. Сын бедного тюбингенского лекаря стал в двадцать два года профессором университета, приглашен в Россию, в Академию наук.

Самуэль неожиданно для себя кружится по комнате, хватается тростью, начинает отчаянно фехтовать. Противник ловок, силен, но Гмелин делает блестящий выпад, и тот падает ниц. Профессор поднимает опрокинутые стулья.

Утренний шум пугает слугу Прохора. Он вскакивает и никак не может понять, что произошло. Ученый важно говорит ему:

— Сей день поутру мне надобно быть во дворце. Матушка-императрица меня принять желали...

Громыхая, дребезжа, позванивая колокольчиком, карета не спеша катится по прямым улицам Санкт-Петербурга.

Гмелин смотрит в окно.

Санкт-Петербург — северная Пальмира. Петр I мечтал, чтобы его город напоминал Амстердам или Венецию. Но Петербург похож только сам на себя. И здесь есть палаццо. Великолепное палаццо графов Строгановых, построенное знаменитым Растрелли, но это отнюдь не венецианский дворец. Гмелин видит не только его красоту, но и диспропорцию — окна второго этажа слишком узки, близко поставлены и никак не гармонируют с широкими зеркальными проемами первого. Однако это вовсе не портит дворец, напротив, придает ему выражение ироническое и надменное. Это дом не венецианца, а русского барина и мужика одновременно.

Гмелин невольно улыбается. Среди профессоров, адъюнктов, академиков мало дворян. Семен Котельников, высшей математики профессор, — солдатский сын, деревень и крестьян не имеет. Алексей Протасов, анатомии профессор, — из солдатских детей. Самуэль Гмелин — из лекарьских детей. Но именно они — солдатские, рыбацкие, лекарьские дети — и делают славу России.

Вот, наконец, и дворец. Покой императрицы. Ученый склоняет голову. Молча ждет.

— Так это вы? — говорит ему полная и величественная женщина, неожиданно появившаяся из-за портьеры. — Наслышаны мы о вас, батюшка, наслышаны! Так вы, значит, собираетесь дать описание земли нашей? Похвально. И я и мой сын науку почитаем. От сего предмета и государству и людям польза немалая.

— Я счастлив, ваше величество. Долгие го-

ды... — Гмелин хочет еще что-то сказать, но, взглянув на государыню, теряет дар речи. Быть может, зачитать прошение? В нем все указано: необходимость географической науки, обширность государства. Еще со времен Ермака составлялись «скаска» и челобитные разными землепроходцами. Казаки, солдаты, служилые люди на свой страх и риск отправлялись в неизведанные земли. Многими из них, такими как Семен Дежнев да Иван Москвитин, обширные земли пройдены. А ныне необходимо создать описание земли российской, а то бог знает по каким книгам дети учатся. Ибо, как говорил знаменитый историк и географ Татищев, «...понеже оные частью неполны, частью неправдами и поношениями наполнены, их переводить или в школах употреблять более вреда, нежели пользы».

Гмелин опускает глаза, старается скрыть улыбку. Он вспомнил, как недавно сам инспектировал одну гимназию. На вопрос учителя, где Черное море, ученик отвечал: «Там, где земля черная». И указал на Малороссию.

Екатерина приходит ему на помощь:

— Так что вы сказали, сударь?

— Простите, ваше величество. Еще будучи студентом я мечтал о путешествии, ради сего упорно учился...

— И вот ваша мечта исполнилась. Не так ли? — государыня милостиво кивает ему, но в ее голосе звучат нотки недоверия. — А вы знаете, одного желания мало. К сему необходим опыт. И насколько я полагаю, его у вас пока мало.

Профессор снова теряется. Надо пояснить государыне. Сказать о том, что у него все продумано, что на основе предложения Ломоносова ныне Гмелин и Паллас написали инструкции для двух экспедиций.

Ученый с поклоном протягивает императрице бумагу, и она, не торопясь, читает.

— А я вижу, вы русский язык отменно выучили.

— Как же! — Профессор говорит теперь горячо: — Россия — моя вторая родина. Она дает мне честь и славу. Могу ли я на чужом языке изъясняться?

— Правильно. — Екатерина одобрительно улыбается. — Вот мы с вами немцы, а толкуем по-русски. Почему? Поняли?

Гмелин кивает и кланяется.

— Так куда думаете путь держать?

— Вначале Тверь, Москва, Воронеж... потом Астрахань и Персия.

— Персия, — задумывается Екатерина. — Персия... Туда вам еще рано. По России вначале. А там посмотрим.

Вскоре после разрешения императрицы и Петербургской Академии в 1768 году профессор Самуэль Георг Готлиб Гмелин отправился в путешествие.

Гмелин ехал из Петербурга через Новгород, Старую Руссу, Валдай, Вышний Волочек и Тверь до Москвы. От старой столицы — через Тулу и Липецк до Воронежа. Из Воронежа — по левому берегу Дона к Волге. Там вниз по матушке Волге до торговой рыбной Астрахани. А от Астрахани до Персии — рукой подать.

В Воронежской губернии ученый сделал весьма важное открытие. В просторных и безлюдных степях, которые занимали здесь большое пространство, экспедиция повстречала табун диких лошадей. «Крупноголовые дикари» вытаптывали и поседали посевы, поэтому крестьяне вели с ними постоянную борьбу, устраивали облавы. В одной из таких облав путешественник принял участие и в своих записях дал подробное описание дикой лошади: «Дикая лошадь ростом ниже домашней, имеет крупную голову, длинные уши и короткую гриву. Шерсть ее мышиного цвета. Бегаёт она с несказанной скоростью, стадом предводительствует жеребец. Пойманная лошадь трудно приручается к домашним работам. Тяжело переносит неволю и часто погибает не прожив и года».

Однако на дальнейшее путешествие было необходимо разрешение царского двора.

Императрица соизволила его дать, и в 1770 году 8 июля путешественник, экипировав экспедицию с помощью графа Орлова, двинулся в Персию.

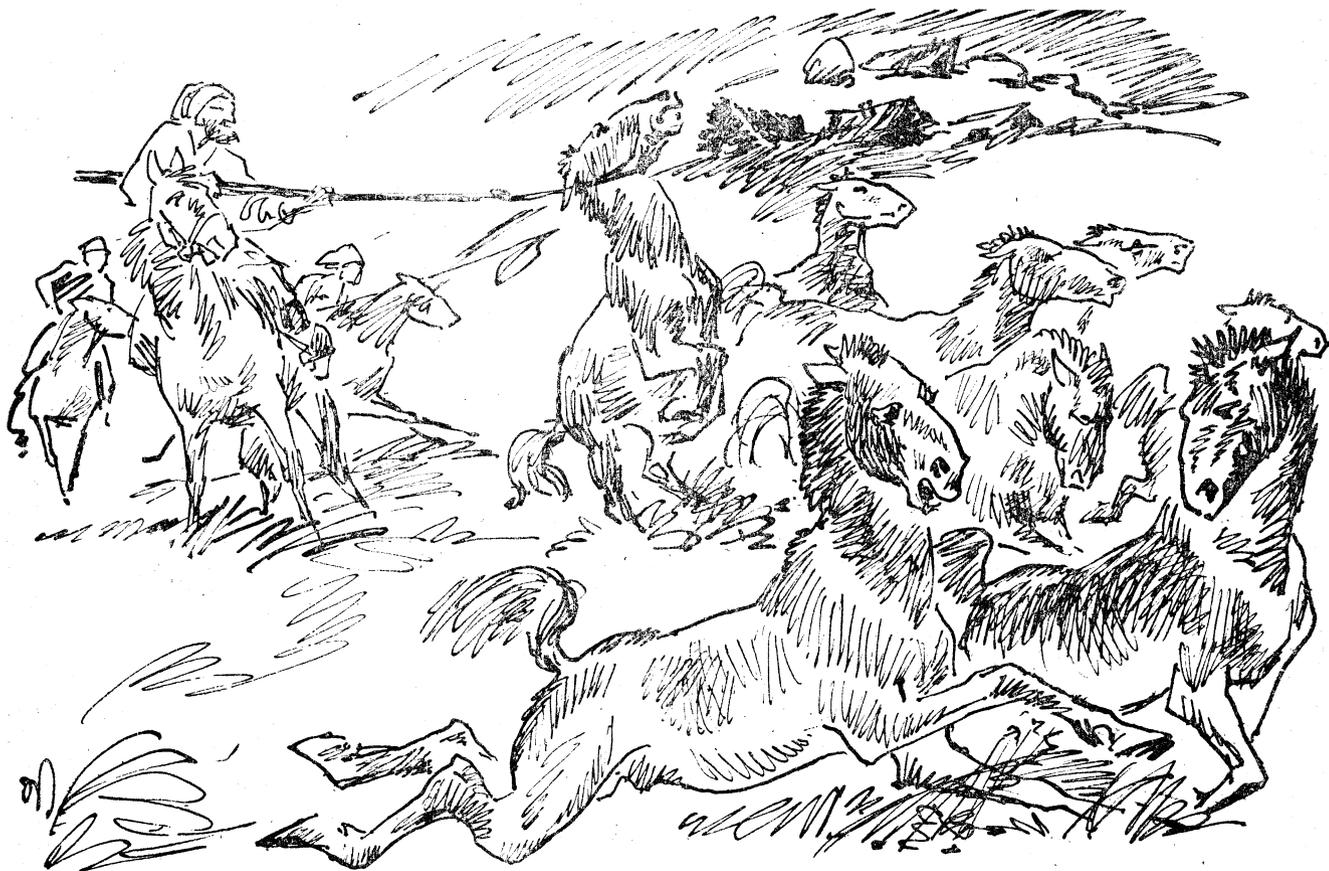
К дальним берегам

Итак, Дербент. Дербент — это уже Персия, загадочная, неведомая империя, огнем и мечом поработившая многие земли. Названия ее городов и провинций напоминают названия сказочных цветов, фруктов. Ширван, Дербент, кажется, слова эти имеют запах. Впрочем... Гмелин оглядывается. И правда, в его каюте цветы. Ширванский хан Фет Али прислал их ему в подарок.

— Шлюпка подана! — С этими словами в каюту входит Охотников. Гвардейский поручик, он недавно пристал к экспедиции. Знакомые Гмелина очень просили за него. Поручику необходимо было срочно покинуть столицу: любовь, дуэль...

Гмелин торопливо собирает книги и невзначай задевает букет. Алые лепестки, вспорхнув, словно бабочки, опускаются на сюртук. Они выходят на палубу: наконец-то Гмелин увидит персидский город, волшебные дворцы, сады, мавзолей. Но постепенно радость путешественника гаснет: мрачные башни предстают перед ним, а над башнями и толстой крепостной стеной — горы и серое небо.

Гмелин не спеша обирает с сюртука лепестки, припоминает: «Дербент город каменный, белый. И того города Дербеня, море огорожено каменными плитами, и тут лежат мученики. А бусурманы сказывают, что русские и кто ни ездит, ходят к ним прощаться».

Когда-то эту бумагу Гмелин нашел в государственном архиве среди древних пожелтевших фолиантов. В свое время она весьма его поразила. И теперь вновь при виде каменных развалин он вспомнил: «Кто ни ездит, ходят к ним прощаться...»

Ханский дворец походит на волшебный корабль. Ничто не может потревожить покой хана. Владыка полудремлет. Длинная, изогнутая, как змея, трубка дымится в его зубах. Тряхнув головой и прогнав на миг дрему, он с трудом приподнимает синеватые, мгlistые веки.

Хан ждет — Гмелин кланяется.

Речь владыки цветиста, медлительна:

— Благословен путник, явившийся в великую страну аллаха. Что желают знать и ведать его душа и сердце?

Гмелин понимает: велеречивость знатного вельможи лишь дань этикету.

Путешественник в подробностях объясняет хану цель своего визита:

— Я имею честь быть посланным ее императорским величеством для изучения местности в географическом отношении, для изыскания и исследования средств к удобрению степей, сыскания способов к размножению скота, к разведению пчел и шелковичных червей. Для исследования и изыскания...

Хан молча слушает, зевает, а сам между тем думает, когда же наконец чужестранец кончит?

Но вот хан не выдерживает: поднятая кверху рука прерывает доклад Гмелина.

— Спроси, спроси! — кричит он толмачу. — Этот сумасброд вправду знахарь? — И не дождавшись ответа, хан тычет длинным перстом в свою бородатую щеку.

Большая, похожая на яблоко, опухоль зреет на ханской щеке. Гмелин пристально смотрит в глаза владыке и, склонив голову, произносит: «Если хан мне позволит».

Хан благосклонно позволяет.

В пестром халате вкатывается слуга, в изумлении раскрывает рот и застывает на месте: «О, великий аллах! Чудеса творятся на свете — голова, несравненная голова великого Фет Али в руках чужестранца!»

— Пиши! — резко и повелительно бросает хан прислужнику. Тот старательно выводит причудливые восточные письма: «Дабы извлечь опухоль Фет Али Хана, я, профессор императорской академии наук, Гмелин, предлагаю...» Перечислив все необходимое, что следует делать, чтобы опала опухоль, путешественник умолкает.

Хан милостиво кивает ему на прощание.

Поклоны, поклоны, поклоны... Они сопровождают ученого до самых дверей. Точно большие

маятники качаются головы немых вежливых слуг.

«Болванчики», — думает Гмелин.

В детстве мать подарила ему на рождество шкатулку и точно так же, окончив коротенький менуэт, кланялись серебряные танцоры — болванчики. Однако не слишком ли он шутит? Наверное, во время этой тягостной аудиенции он тоже немного походил на одного из таких болванчиков...

Словно тяжелые арбы, медленно потянулись дербентские дни. В жару команда обычно спит, а ученый часами бродит по пыльному и душному городу. Вот стена, что идет поперек города, построенная Александром Македонским. За ней жили в древности греки. Могильные памятники хранят их имена.

Вечерами при свете свечи Гмелин обстоятельно записывает дневные наблюдения: «Сегодня обследовал Дербент. Около города на высокой стене находится укрепленный замок. Это резиденция хана. Весь город окружен каменной стеной. Вследствие отсутствия гавани и подхода судов торговля в Дербенте развита слабо...»

Весьма заинтересовал путешественника дербентский водопровод: прямо в скалах вырублены искусные каналы, несущие неизвестно откуда воду в подземные каменные водохранилища.

Совершенно случайно Гмелин обнаружил новое для ботаника растение — похотту, похожее на горох, и в подробностях описал его. Описал также впервые увиденное им лох-дерево, а также макообразную огородную культуру — чернушку. И указал на то, что здешние места представляют собой «вожделенное место для ботаника».

Говоря о бедствиях и нищете дербентцев, ученый заключает: «...весь Дербент желает, чтобы возвратились те счастливые времена, в которые Ширван был под скипетром российским».

За окном слышен разговор казаков:

— Вась, — просит кто-то. — А, Вась, расскажи, как ты за персиянкой-то...

— Отстань, — ворчит Вася.

— Вась, а, Вась, расскажи уже в последний...

— Ладно, — соглашается наконец Васька. — Значит, у ручья я ее впервой встретил. Ну, скажу вам, братцы, цветок! Брови дугой... А глаза!... Васька на миг умолкает. — Вот и повалился я к ручью ходить. Стою, люблюсь... А она кувшин на голову поставит и идет. И как идет, братцы! Качается, словно тростиночка на ветру.

— Вась, — встревает кто-то. — А она что?

— Что она... Она тоже нет-нет да и остановится. Неделю целую, почитай, я к ручью ходил. А тут как-то пришел — нету моей персияночки. Туды-сюды. Где моя ягодка подевалась? А из-за пригорка ба-бах! Чуть на тот свет не отправили...

Стараясь не слушать более разговор казаков, Гмелин строго и обстоятельно пишет: «Населения в Дербенте четыре тысячи. Сиречь среди них народы разные: как-то татары, армяне, персы.

Подле города они разводят траву. Из травы сей готовят краску, именуемую хной. Оной хной персы красят бороды. Отчего здесь у всех бороды красные... Хлеба здесь сеют весьма мало, которого и для самой необходимости недостаточно. Для того здесь мука с превеликим барышом продается, и охотно покупают куль по семи и десяти рублей, часто и того дороже... А животных водится очень много: зайцев, кабанов, диких коз, лисиц, медведей и волков».

Голоса на улице смолкают. Мягко ступая, кто-то входит в дом. Гмелин открывается от дневника, поднимает глаза и видит в дверях красного, лукаво ухмыляющегося перса:

— Наш хан и повелитель... — гортанно произносит перс и выуживает из халата мешок. Молча кладет на стол.

Гмелин не спеша считает деньги. Сто рублей мелкой персидской монетой. Если бы ученый имел право, он непременно сказал бы: «Ваш хан просто дурень». Разве может он, член Академии, начальник большой экспедиции, принять ханскую подачку?

Прикусив губу, Гмелин возвращает деньги. «Конечно, владыка обидится. Но аллах с ним! В конце концов, я ведь не какой-то заезжий медик. Я прежде всего — представитель великой державы Российской».

«Державы Российской...» — в который раз выводит он в дневнике эти торжественные строки. Но, к сожалению, «державы» пока мало помогает ему.

Итак, дописана последняя строка. Завтра снова в путь теперь уже по суше в глубь чужой страны. Гмелин кладет перо, зовет Охотникова.

— Они тоже пишут, — докладывает казачок Федька.

— «Пишут»... — лицо путешественника внезапно светлеет. — Значит, у экспедиции будет и иной дневник. Наверное, более веселый...

Письмо на родину

«Дорогая моя Наденька! Бесценный и единственный друг мой!

Наконец-то закончив дела дневные, могу спокойно поведать Вам о том, что случилось со дня отбытия моего в Персию. Прежде всего спешу сообщить, что я жив и здоров. Правда, на минувшей неделе занемог, но благодаря заботам и стараниям господина Гмелина, бог даст, теперь болезнь меня оставит совсем.

Письмо Ваше, кое я успел получить в Астрахани, чрезвычайно меня утешило. Так живо напомнило мне оно мою прошлую жизнь, Петербург.

Наденька, Вы спрашиваете меня о причине моего столь внезапного отъезда. Не может быть! Неужели Вам до сих пор ничего неизвестно?

Клянусь Вам, я не виноват, не я хотел этой дуэли. Произошло все случайно.

Когда я входил в гостиную к Осиповым, господин Н., не заметив меня, изволил непочтительно отозваться о Вашей матушке. Я заставил его повторить свои слова и дал ему пощечину. На другой день мы дрались.

Вы знаете, Н.— известный дуэлянт и бретер. К сожалению, он близкая родня князю Михаилу и ему всегда все сходит с рук. Но меня-то, я знал, не помилуют. Тем более тяжело ранение соперника... И я уехал. Сами секунданты помогли мне в этом. Один из них дал мне рекомендательное письмо к господину Гмелину, начальнику персидской экспедиции.

Итак, Ваш покорный слуга теперь член научной экспедиции. Начальник мой — человек молодой. И для меня сейчас он не столь начальник, сколько друг.

Гмелин невелик ростом, худ телом. Высокий лоб, твердый подбородок, пышные бакенбарды, но губы... губы совсем детские.

Как все ученые, Гмелин немного рассеян, при случае же, однако, весьма вежлив. Люди его чтут и любят, при случае же, однако, не прочь подшутить над его слабостями. Нрава он самого незлобивого, но в то же время твердого. В том я не однажды сумел убедиться.

Конечно, Гмелин человек далеко не светский. Однако беседы с ним меня поражают. В них всегда виден острый ум, а вместе с тем душа чувствительная и нежная.

Не скрою, Наденька, я рассказал ему все о нашей любви. Гмелин с чувством пожал мне руку. Вот уж, признаться, никогда не думал, что где-то в далекой Персии встречу родственную мне душу и сердце.

Помните немецкого дипломата графа С.? Вот тогда в гостиной Вашего батюшки он говорил о Персии: райские птицы, райские сады, венчающие горы.

Смею Вас уверить, ничего подобного здесь нет. Горы большею частью голы. Кое-где по ним, как гнезда ласточек, лепятся дома, по-восточному — сакли. Снизу сакли похожи на лестницы, и по сему поводу казаки наши шутят: персы живут под лестницами. Выше саклей на горах снег. Снегу много и его следует опасаться. Однажды на наших глазах был обвал. Персидскую повозку вместе с возницей накрыло снегом, она несколько раз перевернулась и с превеликим шумом сверглась вниз. Спасти ямщика, безусловно, никто не смог.

Да, кстати, о здешних повозках и ямщиках! Ямщики, как правило, попрошайки. Экипажи тоже оставляют желать лучшего. Они скрипят так, что, право, нет никакой возможности в них долго ездить.

Теперь мы большей частью передвигаемся верхом. Я в том трудности никакой не испыты-

ваю, зато моему начальнику сие занятие кажется не из приятных. Во всяком случае в первый день Гмелин так и не мог сам слезть с лошади. Тем не менее, несмотря на многие неудобства нашего путешествия, мы продолжаем идти вперед. Сегодня поднимаемся в гору, а завтра будем спускаться вниз.

По ночам я иной раз просыпаюсь, долго не могу заснуть и прислушиваюсь к звукам. На протяжении часа-другого они сменяются один за другим. Порою поднимают отчаянный гвалт потревоженные кабаном стада гусей и казарок. Почуввав лакомую добычу, с воем отправляются на промысел волки, то внезапно заревет выть. Далеко по камышам летит этот страшный крик в ночи.

Ближе к рассвету громко перекликаются фазаны. Страхивают с крыльев ночную дрему, выбегают на тропы. Молодые петухи воинственно выгибают хвосты, шеи и насакивают друг на друга. Происходят подлинные фазаньи дуэли.

Однажды я видел кабанью охоту. Персы ходят по рынку, по рыбным и мясным рядам, и громким свистом созывают голодных, бездомных дворняжек. Собаки сбиваются в стаю и направляются за охотниками в чащу. Всю дорогу персы гремят, свистят, улюлюкают. Затем, подняв зверя где-нибудь в густых камышах, псы облаивают его.

На клыкастого секача набрасываются разом десятка три псов. Дворняги гонят его на лаз, где заранее схоронились в засаде охотники. Далее все зависит от меткости и проворства стрелка. А не то раненый, обезумевший от боли и гнева секач может броситься на охотника. Тут уж подлинная беда! Кабан сбивает его с ног, рвет клыками и топчет. Словом, впечатлений хоть отбавляй!

Друг мой, раньше я думал, что в строении своем горы разницы большой не имеют. Вижу теперь, что не прав. Они весьма отличны и чудны. Две недели назад мы поднимались в гору, кою называют Биш-Бармак, то есть пять пальцев. Гора эта и в самом деле вполне соответствует своему имени. Пять вершин, будто пять больших пальцев, уткнулись в небо. Разные легенды рассказывают здесь о сем чуде...

Жил когда-то в давние времена великий, мудрый и богатый шах. Богатство и мудрость его были так велики, что люди его страны поклонялись ему, равно как богу.

Но великий шах скучал.

— О, аллах! — воскликнул он. — Меня окружают глупцы. Несовершенны их суждения и речи. Да будет милосердно имя твое, аллах, но мне трудно являть им свой глас.

Долго молил он небо. И тогда смилостивился и ответил всевышний:

— Пусть будет по-твоему. Ступай в пустыню, гордый человек, и воздень длани свои.

И пошел шах в пустыню, и воздел длани. С той поры шаха не стало. Гордая скала высится в пустыне — каменные ее руки воздеты к небу. Скала горда и молчалива в вечном своем одиночестве.

Но однажды, когда в пустыню пришла весна, проснулись травы и зацвели цветы, к одинокой скале прилетели ласточки. В каменной длани они свили гнезда.

Человек! Пусть бог наградил тебя каменным сердцем, но если ты услышишь голоса птиц весной, ты непременно очнешься! И очнувшись, ожил гордый шах! Он радовался весне, солнцу и птицам. А осенью ласточки улетели. Лишь пустые глиняные гнезда — остаток некогда райской жизни — держал он в своей каменной руке. И впервые шах заплакал.

Верно, Наденька, прекрасная легенда?!

Впрочем, она и вправду имеет смысл. Поутру я видел у подножия скалы капли росы. Скала плакала...

Гаснет свеча. Завтра мы будем в Баку. До свидания, друг мой!

Преданный Вам Евгений».

Горные тропы

Баку издавна славился развалинами старого дворца Ширван-шаха, Девичьей башней, узкими улочками, соленой землей и сильными ветрами.

Нестерпимо жжет солнце. На пыльную дорогу ложатся густые тени. Большая разлапистая тень — дерево; квадратная — дом. И еще какая-то смешная, забавная — тень ослика. Ослик прячет ушами, машет хвостом.

— Ишь ты? — удивляется казак. — Тоже лошадь! Спаси и помилуй... И как персиянцы на них ездят?

— А ты, Иван, попробуй... — советует ему другой. — Спытай. Глядишь, и тебе приглянется.

— Тьфу ты! — Иван Ряднов, серьезный и обстоятельный казак, грозит насмешнику здоровенным кулаком.

Рябой рыжий казачок прыгает прямо под ноги здоровенному казаку.

— Федька! — строго приказывает Ряднов. — Осла кормить будешь... Вишь, какой он тощий. Понял?

— Понял... — казачок не спеша подходит к ослу.

Нещадно палит солнце.

— Как в сухой бане, — жалуется кто-то и вздыхает. — Ну и жисть, братцы! Когда же домой-то?

— Домой ишо рано. Не все дела ишо сделали... — поясняет обстоятельный Ряднов.

— А чего осталось?! — возмущается длинный, всегда чем-то недовольный Матвей Суслов. — Голь одна кругом.

— Тебе голь. А их благородию виднее. Пропылый раз хинное дерево нашли. Слыхал?

— Ну и што?

— Коль у тебя лихоманка какая случится, лечить станут... Понятие иметь надо!

— Одно и есть что хина, — не унимается Матвей. — А цветья зачем берем?

— Цветья? — думает Ряднов. — Зачем в самом деле их благородие всякие цветочки, словно девка, подбирает? — И тут смекает. — Цветья тоже, значит, от хворобы!

— Дядя Ваня! — вступает в разговор Федька. — А я надьсь ввечеру персианского черта видел. Шерсть коротка. Глаза — уголья. Голос велик и страшен. А сам хвостатый и весь в пятнах.

— Дурак ты, Федька, — спокойно отвечает Ряднов. — То большая персианская кошка. Пантер — по ихнему.

— Чудно как-то... — тянет Федька. — Кошка, а зовут — пантер...

Чудная страна: и улицы чудные, и люди чудные. Недавно Федька слышал от казаков: «А платья персы носят озямные, киндячные, кумачные, кутнятые и опоясывают себя великими чушаками, а поверх шали вишневые, а на головах кашмы. На ногах чулки да башмаки, а жонки ходят, закрывшись в тонкие платки. Лиц и глаз не видать. Чудно».

— Ибн алла, — кричат из-за угла.

Федька в испуге шарахается в сторону и больно зашибает ногу. Как же он теперь в гору полезет? Казачок садится на землю, дует на ушибленное место: «Фу... у верблюда боли, фу... у пантера боли... фу... у хана боли...»

Проходит мимо перс, останавливается. В изумлении вздыхает. Аллах, как странны эти русские! Подумать только, как они молятся: плюют и дуют на ногу.

Персдохнув, Федька встает, вприпрыжку несет с письмом Гмелина к ханским хоромам.

Начальник ханской канцелярии пристально смотрит в окно:

— Проклятые гяуры, они смеются над нами. Кто позволил им, неверным, без всякого почтения прислать какого-то мальчишку?

Ибн-Мухамед Оглы велик и тучен. Его толстый живот напоминает огромную бочку. Он, словно обручем, стянут тугим красным поясом. Но пояс все равно не помогает: когда Мухамед сердится,

живот раздувается так, что того гляди лопнет. Впрочем, это одна из любимых забав владыки — так злить толстого Мухамеда.

Недавно хан приказал: впредь сноситься с русскими только «через переписку». Но русские пишут вот что:

«Мы должны, мы обязаны обследовать берега Каспия, а также земли, к ним прилегающие. Наш долг перед отечеством и наукой сего требует...»

Мухамед протягивает толстую волосатую руку к кувшину и отчаянно кричит. Он делает так всегда, прежде чем пить вино. Ведь Мухамед турок. А верующим в Коран и аллаха запрещается пить вино. Но когда Мухамед кричит, душа его уходит в пятки. Теперь он может пить вина сколько захочет. Его верующая душа не знает, что совершает его неверующее чрево.

«А все же хорошо пьют эти русские! — неожиданно восхищается Мухамед. — Хорошо! На днях сам видел, как один казак на спор выпил целое ведро чихаря».

Мухамед с блаженной улыбкой склоняет голову на руки и засыпает.

Вошедший солдат видит распростертого на ковре начальника ханской канцелярии.

Наклонившись, солдат осторожно кладет принесенный Федькой пакет и неслышно притворяет за собой дверь. Утром бакинский повелитель получает письмо от Гмелина.

Ученый запишет в дневнике:

«Первого августа пошел я опять к хану. Он уже проведал, что я к нефтяным колодцам ездил, и стал со мной об оных говорить, спрашивая, дозволено ли в России чужестранцу осматривать такие вещи. На такой несмысленный вопрос отвечивал я как надлежало. Однако все мои ответы у сего владельца не только не имели ни малейшего действия, но все им, напротив, сказанные речи довольно доказывали, что он меня почитает за шпиона. Далее он изволил спросить, нет ли у меня часов, парчей, а также чего-нибудь хорошего из европейских вещей».

Помнится, тогда путешественник чуть не рассмехался. Хан напомнил ему старого купца-безумца: сидит на мешке с сокровищами, даже не подозревая об этом. Вначале Гмелин так и хотел записать в дневнике, но, зная особенности своего начальства, написал по-прежнему строго и сухо, словно рапортовал в академии: «Кавказские горы, как неисчерпаемое горючего вещества хранилище составляют, так и родят в своем недре ужасное множество металлов и везде во всю длину при подходе оных оказываются или теплицы, или разной доброты нефтяные колодцы, или серные и купоросные руды. Наконец, по причине внутреннего огня очень приметно кипящие, а иногда и сильно воду выбрасывающие озера. Сие каждый рачительный путешественник ежедневно приметить может: и так о истине сего нимало сомневаться нельзя». И заканчивает далее словами:

«А между тем определил я себя на то, чтобы сносить огорчения, дабы только достигнуть мог до главных намерений своего путешествия».

Наутро караван трогается в путь. Черной змейкой ползет он по узкой горной дороге.

Сверху видно, как змейка с трудом поднимается вверх. Но вот змейка порвалась: половина ее перевалила через перевал, а вторая отдыхает. Наконец, половинки вновь соединяются, змейка ползет дальше.

Трудно приходится маленькой, затерянной в горах экспедиции. О ней давно все забыли — и те, кто ее послал из Петербурга, и те, кто в Астрахани обещал ей свою помощь.

Несмотря на острые шипы подков, лошади скользили по глинистой, размокшей от дождя тропе. Путешественники с трудом и даже некоторою опаской спустились на дно ущелья и стали перебираться вброд через пенистый, мутный поток разбушевавшегося горного ручья. Зыбкий мост давно уже был снесен водою и только кое-где торчали его покосившиеся колья, чудом уцелевшие от напора.

Горы немые и огромны. Оживают они только по ночам. Истошные крики сов и шакалов тревожат сон.

Днем у самых вершин в небе парят орлы. Порой они замирают на месте, делают круг и камнем падают вниз — на добычу.

Осеннее солнце светит, но почти не печет. Олень сбросил рога и бродит по горам в поисках воды и мха. Тучи комаров гудят и носятся в воздухе.

Но бывают и здесь прекрасные мгновенья. По вечерам вершины вспыхивают в лучах заходящего солнца, а склоны окутаны синей дымкой. Золотое и синее. Эти два цвета здесь резко разграничены. Один никогда не растворяется в другом. Просто синий поглощает золотой.

В который раз Гмелин, Охотников, казаки видят закат и всегда восхищаются им. В такой час они прощают Востоку и коварство, и неприязнь, и жестокость. Примиренные и успокоенные после таких мгновений, путешественники вновь двигаются в путь. Идут в Шемаху.

Дипломатия

Гмелин молча шагает вдоль стены. Охотников полулежит на диване, лицо его замкнуто и сосредоточено.

«Да... поручик будто потускнел за последний месяц», — думает путешественник и говорит:

— А вы, Евгений Иванович, стали серьезнее. Прежде шутили больше, и вдруг...

«Да нет, не вдруг...» — думает Охотников. Вечера он записал в дневнике: «После того как Фет Али завоевал Шемаху, торговле конец пришел. Раньше в Шемахе товары всякие были, шелков

крашенных много. Венецианцы даже сей шелк тавлинским звали. Был шелк — стал шелк. Разорил хан народ».

Охотников резко поднимается:

— Тиран, конечно...

Гмелин хорошо знает, о ком идет речь.

— Нам надобно поступать весьма осторожно, а не то... — Гмелин разводит руками. — Сейчас, друг мой, я рассуждаю только как зоолог: что такое Фет Али? Просто скотина...

Самуэль произносит это слово с немецким акцентом, отчего получается «ско-ты-ы-на». Охотников улыбается.

— Но не в том дело, сударь, — продолжает Гмелин. — Сей скот очень не любит своего бакинского родственника. И если мы незаметно поссорим их...

Гмелин хлопает себя по карманам, и рука его ползет за обшлаг.

«Фет Али Хан! Великий наш покровитель! Дерзнули мы еще раз обратиться к Вашей милости. Ибо, знаем мы, сердце Ваше подобно дождю в пустыне. Как о блаженстве вспоминаем мы сейчас о днях, проведенных в Вашем княжестве. Благодарим небо за дары эти. Скорбя сердцем, должны сознаться: там, в Дербенте, мы не смогли до конца оценить все благородство души Вашей. Бакинский хан, конечно, светел и мудр. Но нас он не жалует. Принимает за каких-то лазутчиков. Вновь прибегаем к Вашей помощи. Пособите нам, чужестранцам. Да возблагодарит Вас аллах и небо».

Собеседники пожимают друг другу руки и беззвучно смеются.

На третий день Фет Али прислал кое-какое снаряжение и двенадцать солдат.

— Охранять вашу милость в Сальяны и Ензели, — доложили солдаты.

— Дабы не сбежали, — уточнил Охотников.

Русский консул

Закутанный в халат, с клубами дыма над головой, русский консул ходит на маленький сердитый самовар.

Самовар пыхтит, стреляет искрами и, расплавив себя, закипает.

— Солдат! — взрывается консул. — Свечей и рому!

Старый ром, густой, клейкий. Пригубив и сладко чмокнув, консул спрашивает:

— Гмелин пришли?

— Ждут.

Худой, с желтым лицом и воспаленными глазами путешественник входит, опираясь на палку. Десять дней его треплет лихорадка.

Консул испытующе смотрит на Гмелина и, пыхнув трубкой, бросает:

— Быть может, отложим беседу?

Гмелин отрицательно качает головой:

— Нет, нет.

— Ну, коли так, рассказывайте...

— Хан дал нам лошадей и охрану, — не спеша начинает путешественник. — Из Шемахи мы тронулись на Сальяны, а затем в Ензели.

— А далее? — консул барабанит по столу. — В рапортах вы несколько подробнее...

— Полагаете? — Гмелин на минуту задумывается и говорит громче, увереннее. — Рапорт подается на имя их Императорского Величества...

— Разумеется, — с усмешкой кивает консул. — Самуэль Готлибич, а в пору и мы стодимся. Вы бы рассказали прежде...

— Да, да, — Гмелин достает платок, вытирает лоб. — Занемог я, простите...

— А вы, сударь... — консул наливает в бокал золотистый ром и протягивает его путешественнику. — Благоволите... Чем вы изволили быть заняты последнее время?

Гмелин, чтобы не обидеть консула отказом, подносит бокал к губам и с трудом отпивает два глотка:

— Приводили в порядок записи.

— Позвольте ознакомиться?

— Пожалуйста! — Гмелин протягивает дневник.

Консул листает его и постепенно погружается в чтение:

«...Гилянские быки и коровы чем-то похожи на верблюдов. Они имеют два горба. Один спереди, другой сзади. В науке оную породу именуют «бизон».

«...Из животных, проживающих в гилянкой провинции, известен всех более дикобраз. Тело его покрыто иглами. На голове хохолок. Передние лапы имеют по четыре, а задние по пяти пальцев. Живет в земле, там выкапывает глубокую нору с многочисленными ходами. Защищаясь от нападения, дикобраз свертывается в клубок, выставя острые иглы».

А вот о плавании по Каспию. «... Мы взяли курс на восток-юго-восток к острову Кулалы. Вначале сильный северо-восточный ветер благоприятствовал нам. Но когда мы прошли пять миль, настал штиль, продолжавшийся четыре дня. После этого поднялась отчаянная буря с востока, вынудившая нас бросить якорь. При таких обстоятельствах удалось установить, что галиоты, к числу которых принадлежало наше судно, не могут ходить так быстро, как корабельные боты, пользующиеся боковым ветром. Очевидно, что их плоское дно и тупой нос содействуют этому.

В 10 часов утра 12 июля при сильном попутном южном ветре мы продолжили наш путь к северной оконечности острова Кулалы. К вечеру мы уже были очень близко от него. Летавшие над нами птицы и смытая с суши и плававшая вокруг трава подтверждали это. Заслуживает внимания то, что среди обыкновенных водяных птиц

здесь встречались маленькие водяные соколы. Склонность водяных птиц к хищничеству согнала их с суши. Они старались воспользоваться нашим кораблем для отдыха, когда поднялся снова восточный ветер. Приближалась ночь, и мы бросили якорь. Больше восьми дней продолжался весь этот путь. Нам мешали сильные бури, штиль. Корабль давал несколько раз течь. Находившиеся на нем люди заболели от усиленной работы и жары...

И остров Святой, и другие, меньшие, расположенные поблизости, известны под общим наименованием Кулалинских островов. Однако астраханские мазуры (люди, служащие на частных торговых кораблях), которые в последнее время стали часто посещать эти острова для ловли тюленей, дали им особые наименования по своему вкусу и воображению. Самый большой остров, представленный на первой таблице под буквой «е», носит собственно наименование Кулалы. Находящийся возле юго-восточной его оконечности остров Святой получил наименование на том основании, что на нем не встречается вредных пресмыкающихся и насекомых, которых простолудины считают нечистыми... Острова с каждым годом заметно уменьшаются. Это судьба большинства островов Каспийского моря. Долг путешественника состоит в том, чтобы описывать природу такой, как он ее видел, независимо от происходящих перемен...»

Консул восторженно смотрит на Гмелина.

— Сударь! Глаза мои зрят труд бесценный! Я полагаю, не токмо мы, но и потомки наши премного чтить его будут.

Путешественник в смущении опускает голову:

— Сей труд есть исполнение долга перед отечеством нашим. Еще государь наш Петр I с великим любопытством и гордостью рассматривал первую карту Камчатки, сочиненную Лужиным и Евреиновым. А его превосходительство господин Ломоносов перед смертью передал в Академию наук план многих географических экспедиций.

— Признаться, сударь, долгонько я здесь медведем сижу, не слыхивал. И теперь любопытство имею до ваших экспедиций.

— Экспедиции наши разные, как то: астрономические и физические. Дело астрономов тщательно наблюдать ход небесных светил. Наша же экспедиция есть физическая и допреж всего инструкция ее гласит: «Ехать куда указано, описать тамошние места и все на карту исправно поставить».

— Да, — соглашается консул. — Великому государству нашему давно пора иметь собственную полную карту и атлас, ибо простор его необъятен.

В дверях появляется слуга, ставит на стол вазу с фруктами.

— Успехи вашей экспедиции! — поднимает бокал русский консул. — Здоровье достойного слуги отечества и науки!

Помолчав, консул спрашивает далее:

— А как у вас оказался Охотников?

— Охотников? Я вас не понимаю.

— Да вот... — консул развел руками. — Из Петербурга намекают. Мол, сей господин у вас пре-
бывает. А там им не больно довольны.

— Не довольны? — Гмелин хмурит брови. — А пребывание сего господина Охотникова здесь разве не есть наказание? Голод, болезни, пули разбойников. Довольно одного пути до Шемахи, дабы искупить вину...

Консул попыхивает трубкой и вновь соглашается:

— Да, да, вы правы. Я тоже полагаю. А все эти пудрены! Им бы послужить здесь с наше... Как вы разумеете?

— Так же!

— Вот-вот, — продолжает консул. — К сожалению, за пули разбойников орден не дают.

Гмелин кивает, глухо говорит:

— Дорога от Шемахи до Сальяны, по справедливости, для того сделана, чтобы кормиться разбойничьим шайкам. Между горами есть разной глубины ямы, глубокие пропасти с различными пещерами, в коих лакомые до грабежа люди караулят. А кроме того, ханы полагают — лазутчик я. Среди двенадцати солдат, посланных ханом, один доносчиком был. До каких пор сие продолжаться будет? Науке ведь служим.

— Верно, Самуэль Готлибович, верно. Коли сам подлец, то и прочих тем же полагает. Это я о ханах. Впрочем, не все они таковы. Рященский, к примеру, добр и гостеприимен.

— Слыхали...

— А я с ним уже договорился о вас.

Консул подает Гмелину письмо хана. Путешественник медленно читает вслух:

«Высокопочтенному, в великом достоинстве находящемуся, в высокой славе и сияющему, избраннейшему между благороднейшими мессиа-
нами и почтеннейшему в законе иисусовом, сим изъявляю мое поздравление и желаю всякого благополучия и во всех предприятиях желаннейшего успеха.

Пересылая сие чистосердечнейшее поздравление, дружески объявляю, что, получив известие от высокопочтенного, в высоком достоинстве находящегося и верного высочайшего Российского двора консула о благополучии в Ензеленскую пристань прибытии, крайне обрадовался. А что сие мое дружеское письмо не совсем к Вам пришло праздным, то прошу приказать вашим служителям принять то, чему я к Вам при сем роспись посылаю. Когда же я буду иметь счастье Вас с радостью и удовольствием видеть в Ряще, то дружество наше так между нами утвердим...»

Подарки, с письмом посланные, были следующие:

- 1) 10 батманов конфетов;
- 2) 20 батманов сорочинского пшена;
- 3) 12 баранов;

4) 100 кур;

5) 80 уток;

6) 20 гусей...

И было среди них также знатное число гранатов, лимонов, померанцев и яблок.

Консул видит радость и смущение путешественника и добавляет:

— Да сопутствует вам удача!

А будет ли удача?

«А будет ли она, удача?» — именно об этом и думает сейчас Гмелин. Правда, Рященский хан принял их хорошо, но с тех пор, как он приехал в Мезандеранскую область, все как-то не ладится. Местный хан вначале приказал ему вылечить больного глазами брата. С большим трудом Гмелину удалось это сделать. Он собирался уже уезжать, как произошло неожиданное. Кто-то донес хану, будто среди рисунков русского художника есть его портрет. Суверенный владыка решил, что по приезде в Россию Гмелин обязательно выпалит в портрет из пистолета, и он тут же умрет. Сколько ни уверял Гмелин, что такого портрета нет, сатрап не поверил и прислал двух прислужников. Персы разглядывают рисунки Борисова, восторженно цокают языками: «Карашо, очень карашо!»

А Гмелин молча опускает голову: он сделал все, чтобы спасти Борисова, но три дня назад художник умер.

«Умер...» В который раз ученый начинает письмо и вновь бросает. Нет, он не может так написать его матери. Хорошо, если бы люди перед смертью делали это сами. Когда он будет умирать, то непременно напишет сам: «Простите, но я умер. Пишу о том, дабы не утруждать других». Других... А кто другие? Почти все в его экспедиции тяжело больны.

Не обращая более внимания на персов, Гмелин идет к соседнему дому. Там лежит его больной друг поручик Охотников.

— А... это вы... — Охотников с трудом поднимает голову от подушки. — Вы... Ну как, хан нашел свою образину?

— Ищет. Двух послон специально прислал.

— Ишь ты... — поручик вздохнул и тихо добавил: — Отдайте ему потом мою шпагу с камнями. Он алчный! Авось...

— Что вы, что вы... И думать не смейте, — успокаивает его Гмелин.

— Не надо, — Охотников берет руку путешественника. — Не надо. Лучше расскажите что-нибудь веселое. Ну хотя бы про хана.

— Хорошо. Попроюсь... — Губы и веки Гмелина дрожат. Он никак не может унять этой дрожи.

— Ну, что же вы?!

— Сейчас. Как вы знаете, большинство ханов

дураки. Но этот — просто царь дураков... Дураков,— повторяет Гмелин и думает: «Совсем не смешно...» — Так вот. Вот, сударь, хан и придумал новый способ торговли: купцы ему — товар, а он им — пинок. Так всех купцов и выпинал.

Гмелин на мгновение умолкает и смотрит на больного. Тот спит. Осторожно, на цыпочках, пятится к двери, как вдруг слышит хрип, резкий, свистящий... Опрокинув табурет, бросается к кровати. Вздрогнув, Охотников внезапно вытягивается и затихает. Затихает навсегда.

Больше Гмелин не помнит уже ничего. Не помнит, как казаки вели его по двору, как кто-то мочил ему лоб, поил водой.

Очнулся он лишь в своей комнате. И снова увидел персов.

— Ну, что? — спросил шепотом Гмелин. — Что? Нашли? Думаете, нашему художнику делать было нечего, как только ханов писать?

Казак протягивает прислужнику портрет молодого перса с кальяном:

— Да это же не тот! Не тот, вы понимаете? А другого — нет!

Персы кивают в знак согласия головами. Да... да... этот перс с портрета вовсе не похож на хана. Разве может хан так смеяться? Кто-кто, а они-то хорошо знают хана.

И персы уходят.

Гмелин опускается на стул, долго молча сидит, обхватив голову руками.

Казачок Федька осторожно трогает его за плечо:

— Самуэль Готлибич, вот письмо поручика...

Гмелин осторожно разворачивает лист, и первые же строки заставляют его вздрогнуть:

«Простите, но я умер. Пишу эти строки, чтобы не утруждать других...»

Последние месяцы и дни жизни Гмелина были особенно мучительны.

Болезни, одиночество, смерть друзей... Казалось бы, это должно надломить даже самого крепкого. Однако путешественник вновь и вновь Prestупает ту черту, что для другого была бы последней. Будто нарочно он не погиб в горах. Не умер, как другие, от лихорадки. Судьба готовила ему более страшную и мучительную кончину.

Быть может, все началось в те трагические часы, когда Гмелин хоронил близких ему по духу людей — Борисова, Охотникова...

Как ни странно, но именно горе, неудачи и лишения вызывают у сильных людей то железное упорство, ту волю, которая одна, несмотря ни на что, продолжает вести их вперед сквозь все самые тяжкие беды.

Про таких иногда говорят: одержимый. Скажем точнее — смелый и верящий...

Гмелин был верящим. Он беззаветно верил в то дело, которому посвятил жизнь.

Он смотрел на дело, как на долг. И именно это святое чувство долга и погубило его впоследствии...

После первой астраханской экспедиции — неудачи, неудачи и неудачи. Гмелин мог спокойно отступить. Тем более, что второе его путешествие на Кавказ и в Персию (и он понимал это) было связано с большим риском. В западных провинциях, куда держала путь экспедиция, шла междоусобная война.

Но путешественник все-таки рискнул. Поехал, несмотря на малочисленность и слабость своей экспедиции.

К дальним землям

Темень — хоть глаз выколи.

Порывистый ветер гасит факелы.

Один неверный шаг — и пропасть.

Но люди идут. Они знают, что если сегодня не спустятся, завтра буран похоронит их здесь. Так сказал проводник, и потому путешественники идут. Сейчас они еще могут спуститься. Позже — верная смерть. Снежный саван.

«Саван...» — Гмелин невольно ежится.

Впереди тревожно запела труба. Голос ее подобен крику раненой птицы. Птица плачет, зовет, но стая давно улетела.

Тоскует, печалится птица-труба. Тоскуют и печалятся люди. В темноте не видно их глаз. Гмелин знает: сегодня у многих в глазах боль. Но главное сейчас — идти вперед. Вернее, не вперед, а вниз.

Гмелин машет рукой, как бы отгоняя тревожные мысли:

— Эй там, впереди! Факелы остались?

— Никак нет. Последние сгорели.

По голосу путешественник узнает Федьку. Замечательный мальчик! Другие из прежней экспедиции далеко не все решились идти с ним. Казачок же сам напросился, помнится, так и сказал: «Мне без вас теперь никакой жизни нету!»

Ах, Федька... А какая жизнь со мной? Голод, опасности, болезни... — Гмелин останавливается, вздыхает: «Интересно знать, вдохновляет ли кого-нибудь моя жизнь?!» И тут же отвечает сам себе: «Да, Федьку... Наверное, казачок непременно станет в дальнейшем путешественником. Федька — моя надежда! Надежда! А хорошо было бы открыть какую-нибудь неизвестную гору и назвать ее Надежда...»

— Федька! — зовет Гмелин.

— Что прикажете?

— Приказываю улыбаться. Так и передай: Гмелин, мол, приказали улыбаться.

— Слушаюсь... — казачок оглядывается, но тут же спохватывается и застывает на месте: «В темноте-то не видать, кто улыбается».

Гмелин хлопает Федьку по плечу и будто по секрету шепчет:

— Надо же какой-то приказ отдать, а то по-думают еще: упал в пропасть начальник.

Пронзительно гикнув, Федька исчезает.

А кругом тьма... Хоть глаза выколи. Она да-вит на плечи, прижимает к земле. Надо бы оста-новиться, передохнуть. Но каждый понимает: мед-лить нельзя и, напрягаясь, идет.

Снова раздался и замер над горами долгий крик трубы. Вновь тревога, сомнения, но Гмелин теперь не поддается им: «Истина никогда не бы-вает конечной. В познании важен процесс, дви-жение. Да, да, движение. Не только результат и надежда на великое открытие толкают нас на служение отечественной науке. Более здесь имеет значение само путешествие, риск, борьба, му-ки. Это и вдохновляет людей, меня во всяком случае».

— Господин профессор! — чей-то насмешли-вый голос выводит Гмелина из задумчивости.

Рисовальщик Бауэр. В отряде он известен как первый весельчак и насмешник.

— Господин профессор, — загадочно произно-сит рисовальщик. — А вы, по-моему, ошиблись в экипировке экспедиции.

— В чем же? — Гмелин настораживается и ждет очередной шутки.

— Да вот... — подобно всем насмешникам Бауэр говорит серьезно. — Да вот, взяли лошадей, а не позаботились о кошке. Отличнейший про-водник ночью.

— Безусловно, — медленно произносит Гме-лин. — Безусловно. — И неожиданно, как опытный фехтовальщик, делает выпад. — А вы не беспо-койтесь. Здешние кошки еще позаботятся о вас, Бауэр.

И как бы в подтверждение слов путешествен-ника рисовальщик вдруг видит рядом два больших желто-зеленых глаза.

— Пантера! — в ужасе кричит он и стреляет.

— Бывает, бывает... — профессор дружески по-хлопывает художника по плечу. — У вас слишком развито воображение, Бауэр.

Рисовальщик смущается.

— Ничего, сударь, не огорчайтесь, — успокаи-вает его Гмелин. — Со мной еще хуже случалось. Однажды во время лихорадки в Ензели мне зна-ете что почудилось? Будто бы поручик Охотни-ков... Вы помните его?

— Как же...

— Так вот, мне представилось, что Охотни-ков не кто иной, как наследник престола Павел. Я вел с ним обстоятельную беседу, жаловался, просил солдат, лошадей. Грозил и плакал даже. Судя по всему, вам до слез еще далеко.

Последние слова ученый произносит почти ше-потом. Вновь нахлынули воспоминания, закружи-ли, унесли в прошлое: Ензели, Шемаха, Дербент, старые друзья: Борисов, Охотников...

Как ни парадоксально, но дорожке всего для него этот персидский период жизни.

С грустью и насмешкой вспоминает он свои первые мечты о славе, о том, как при его появ-лении в петербургских гостиных будут говорить: «А кто сей Гмелин?» — «Да как же, великий путешественник!»

Великий! После первого путешествия его дей-ствительно называли великим. Однако не путе-шественником, а кляузником. И все из-за того, что он во что бы то ни стало стремился лучше экипировать вторую экспедицию. Сил, затрачен-ных на это, вполне хватило бы еще на одно путе-шество.

Лишь благосклонность императрицы заставила чиновников продвинуть дело Гмелина. И все-таки дали ему всего очень мало. Думали, он откажется. Ошиблись, ни сегодня, ни завтра, никогда не от-кажется он от своей мечты — путешествовать.

— Огни, — кричит впереди Федька. — Внизу огни!

Гмелин облегченно вздыхает. Наконец-то мож-но будет отдохнуть.

Вспыхивает, переливается огнями восточное селение. Издалека оно походит на праздничный торт со свечами.

Тихо подходит отряд к аулу. Но вдруг перед самым въездом из темноты возникает фигура сол-дата.

Звучит резкое:

— Нет! Наш хан и повелитель не велел пус-кать вас, чужестранцы!

Отряд минует аул и останавливается непода-леку, на пустынном плато.

Там в старой палатке, которую лишь ради шут-ки можно назвать шатром, начальник экспедиции разворачивает карту, выбирает маршрут.

Так или иначе, но ехать непременно придется через враждебные племена. Какое из них страш-нее, никто толком не знает. Известно одно — кара-кайтагский уцмий Эмир Гамза жесток и коварен. Однако сие лишь говорят. Быть может, с ним как раз и можно будет поладить. Объехать же его ханство стороной слишком трудно.

Засада

Спрятавшись в тень, Ахмед и его помощник играют в кости. Голоса играющих звучат в горах гулко, словно пистолетные выстрелы. Черный дрозд, усевшись было над ними, тут же взлетает вверх. Показала свой нос осторожная лисица, по-нюхала воздух и скрылась: «Охотники?..»

Да, люди эти действительно остановились здесь неспроста. Бек Ахмед и его всадники караулят сейчас русских путешественников.

После того, как несколько сот подданных его величества каракайтагского владыки перебежали в Россию, уцмий Эмир Гамза приказал ловить вся-

кого русского мужского или женского пола, дабы впредь неповадно было россиянам укрывать его беглых людишек.

Так приказал хан и так поступают его воины. Тем более, что занятие сие для них одно из приятнейших.

Если сосчитать, скольких людей за свою жизнь ограбил бек Ахмед, не хватит листьев на этой чинаре. А сегодня прибавится еще одна веточка.

Бек доволен. Он нисколько не расстраивается из-за своего проигрыша.

— Не беда,— Ахмед хлопает по плечу своего напарника,— не беда. Скоро наши карманы станут толстыми, как курдюки баранов.

— Слышишь! — Бек поднимает палец к нему.— Русское золото звенит в горах...

— Чужестранцы! — передает в это время дозорный, и Ахмед, бросив кости, первым взлетел в седло.

Внизу, за поворотом, двигается небольшой отряд.

Всего несколько телег. Небогатый улов. Впрочем, если полонить, а затем продать в Турцию, калым будет. От возбуждения у бека потеет лоб, злобная усмешка кривит тонкие губы.

— Попались! — шепчет Ахмед.— Сами в капкан лезут...

Он еще раз презрительно смотрит на русских. Дураки! Ведь никто, кроме них, не мог бы поверить в доброту старого шакала — Эмира Гамзы. А они вот уверовали... Получили приглашение и едут в гости.

Бек притворно вздыхает. Эмир Гамза сказал: как только русские войдут в его владения, отрезать их и полонить. Таков приказ! Уцмня нельзя послушаться!

Прикрыв глаза, Ахмед дремлет. Надо подождать час или два, пока все не утихнет и русские не убедятся окончательно в добросердечии властителя.

Сигнал!

Бек прищипривает иноходца, и вот уже персы окружили русских.

Отряд Гмелина слишком мал, чтобы сопротивляться. Один из казаков обнажил было саблю, но тут же над его головой сверкнули три клинка, и он упал израненный под ноги лошадей. И все-таки быть бы жестокой сече, не одна голова перса слетела бы в придорожную пыль, прежде чем Ахмед овладел обозом, но Гмелин остановил кровопролитие.

— Прекратить! — властно скомандовал он, и казаки со звоном кинули сабли в ножны. Вышел вперед и, угадав в Ахмеде начальника, строго спросил:

— Кто вы и по какому праву останавливаете нас? Мы — подданные империи Российской...

Перс ухмыляется:

— Именно вас, подданных России, мне и нужно.

Действовать прямо,— так вначале решил бек Ахмед. Однако, взглянув на Гмелина и приняв во внимание случившееся, стал хитрить.

— Простите,— тут же добавил он.— Простите, но очи великого владыки решили взглянуть на столь прославленных путешественников. Он послал встретить вас.

— Не много ли? — недобро усмехнулся начальник экспедиции.

Не смуглившийся нимало, перс так же вежливо ответил:

— Хан оказал вам честь, послав такой большой отряд. Мы должны охранять вас.

— Хорошо,— говорит Гмелин.— Я сам объяснюсь с ханом.

Он протягивает вперед руку, пытаясь отстранить Ахмеда. Но не так-то прост старый бандит.

— Благородный бек, я должен проверить — не везете ли вы золото, серебро, шелк...

И начинается унижительная процедура осмотра.

Перевертываются телеги, летят картины, образцы минералов, гербарии. Ахмед все догошно осматривает, вертит, трет в руках каждый камушек. На глазах Гмелина он вспарывает несколько чуел и шарит у них в брюхе. Ничего ценного. Рисунок, засушенные цветы, камни... Кому это нужно?! Странные люди! Зачем они везут все это?

Наконец, осмотр закончен. Не спеша, ворча себе под нос, персы расходятся.

Казаки посмеиваются над ними. Ханские воины готовы в любую минуту броситься на русских, порубить их всех до единого. Но бек Ахмед приказал никого не трогать: они пленники хана, они его собственность.

Эту собственность персы должны доставить в целости и сохранности. И самое страшное — если нападут другие бандиты, не на живот, а на смерть обязаны защищать проклятых гяуров. Каждый из пленников, как пояснил бек, стоит больших денег. Тридцать тысяч рублей должна уплатить за них русская царица. Если не уплатит, Эмир Гамза продаст их туркам.

Однако персы, не имеющие права и пальцем тронуть русских, мстят им по-другому. Ведь уцмий не сказал о том, кормить или не кормить пленных. Он сказал только, чтобы они были живы. Персы так их и кормят, чтобы те только были живы и не умерли с голоду. Конечно, Эмир Гамза нарушил законы восточного гостеприимства. Но, как говорят на Востоке, легче осла научить человеческому языку, чем заставить уцмня стать честным...

Дни и ночи идут голодные русские по тернистым дорогам, среди безмолвных гор, сквозь седые туманы.

С наступлением сумерек туман рассеивается. Только отдельные клочья его, как отставшие от табуна голубые кони, бредут вдаль без дороги. Бредут туда, где красный закат.

Они будут идти долго, и на привалах, когда персы садятся есть, русским, словно псам, кинут черствые лепешки и заплесневелый сыр.

Хитрость русских?

Федька смотрит на свое отражение в воде и дивится: «Я ли это?»

Чужие, грустные глаза. Наверно, если бы раньше казачок встретил человека с такими глазами, ему стало бы жаль его.

— Что с тобой, Федька? — спрашивает чей-то хриплый голос.

Это Фридрих Бауэр, рисовальщик. Вместе с ним и студентом Михайловым казачок которую неделю живет рядом с пленным Гмелиным.

Хан почти не кормит русских. Единственное, на что он не скупились, угрозы — каждый раз он грозится продать их в Турцию.

Фридрих Бауэр гладит Федьку по голове и шутит:

— Когда плохо, смеяться надо. Если смеешься, забываешь о голоде.

Казачок улыбается: кто говорит ему это?! Толстяк Бауэр. Сейчас рисовальщик напоминает ему большой мешок. Складки, складки. На руках, на лице, на шее. Всякий раз, когда Федька смотрит на его мятое лицо, ему хочется взять утюг и разгладить складки... При мысли об утюге казачок заливается звонким смехом. А Бауэр все шире и шире улыбается. От улыбки лицо его становится похожим на чудную маску: скоморох, да и только.

Недавно Федька слышал, как Гмелин сказал: «Вам, Бауэр, на ярмарке выступать...»

«И правда, — думает казачок, — проведи по деревне такого, за животы возьмутся».

Федька представляет себе это и вдруг хватается за живот. Мальчик корчится от боли.

— Как ножом режет, — шепчет казачок.

Бауэр осторожно растирает живот Федьки, а в это время студент Михайлов, сложив гнездышком руки, кричит им:

— Уууцмий я-а-вился!

«Не запылится», — ворчит Бауэр.

Они идут на пригорок, где их сакля. Там ждет их властелин этих гор, сиятельный разбойник уцмий.

Эмир Гамза говорит мало, но Бауэр, Михайлов и Федька понимают значение каждого его жеста. Вот он сжимает кулаки — это значит: когда вы, подлые твари, соизволите убраться отсюда?

Молчание.

Они знают, за жестом сейчас же последуют слова: или я вас продам в рабство.

Слышен лай собак да тяжелое сопение разгневанного владыки.

— Я дарую вам свободу, неблагодарные твари... — орет он.

И вдруг студент Михайлов низко кланяется: — Благодарствуем!

Эмир Гамза польщен.

Однако студент продолжает:

— Благодарствуем, о, великий и могучий уцмий. Столь велик ваш разум, он тронул наши сердца, что мы просто не в силах покинуть вас.

Владыка доволен.

И тогда Михайлов добавляет:

— Мы так рады о вашем успехе. Лучших послов к Кизлярскому коменданту, чем Бауэр и я, клянусь аллахом, вы не найдете.

Безусловно, лучше, чем эти хитрые русские твари, Эмир Гамза послов нигде не сыщет.

Горбоносое, острое лицо владыки постепенно округляется: «Я рад, что вы довольны гостеприимством».

— Ты лучше скажи, — Эмир Гамза тычет плеткой в Федьку, — как твой бек?

Однако казачок тоже не лыком шит.

— Умирает, — тихо отвечает Федька. — Умирает господин. Вы бы ему барана дали...

— Ба-ра-на?! — хохочет Эмир Гамза. — Нет. Я не могу кормить столь высокого гостя такой грубой пищей.

Федька стискивает зубы. Как ему хочется сейчас плюнуть в уцмий, но Бауэр вовремя закрывает казачку рот.

— Простите, но я полагаю, если Гмелин умрет, вам ничего не заплатят. Трупы ведь ничего не стоят.

Эмир Гамза задумывается. Сейчас он похож на старого горбатого ворона. Он и правда не говорит, а будто каркает: господин Гмелин батыр... знахарь... он живет долго. И, взмахнув длинными костлявыми руками, словно крыльями, уцмий еще раз что-то каркает на прощанье и уходит.

Когда шум стихает, казачок осторожно входит в саклю. Там в углу на соломе лежит Гмелин. Мальчик долго стоит в нерешительности.

— Входи, входи, Федя...

Казачок по голосу чувствует: Гмелин рад.

Федька тоже рад. Ему хочется что-то рассказать. Но что? После некоторого молчания казачок вспоминает:

— Уцмий барана обещал.

— Барана? — Гмелин откашливается. — Врет он, Федька, насчет барана. Врет. Ну а лекарства как?

— Лекарства? Он еще в прошлый раз разрешил. Как Михайлов в Кизляр с вашим письмом поедет, так и доставит, значит.

— Федя! — неожиданно говорит Гмелин. — А тебе меня жалко?

— Вы скоро поправитесь, Самуэль Готлибич. Вот мы с вами через горы — и в Россию.

— Читай вот...

Федька зажигает свечу, шевелит пухлыми губами. Читает вслух письмо Гмелина: «Мы теперь в крайней бедности. Шестую неделю ожидаю вспо-

можения, но тщетно, что впереди последует — не знаю».

— Письмо-то, видишь, какое,— Гмелин опять натужно кашляет.— А в Кизляре не больно хлопчут. Прошло уже семнадцать ден, а ответу идти всего семь. Понимаешь? Ну, а сейчас иди. Что-то сегодня очень трудно дышится...

Последний путь.

В небытие? В бессмертие!

«Родина! Где она? Там, где ты умер? Или там, где ты родился? Или там, где ты жил?..» Рисовальщик Бауэр думает сейчас об этом. Его начальник родился в Германии, жил в России, умер в Персии. Олеандровый венок украшает чело ученого, а в руках у него персидская роза. Роза уже поблекла.

Бауэр смотрит на цветок.

— Розы быстро вянут. Они... они слишком красивы, чтобы жить долго,— заканчивает его мысль студент Михайлов.

— Да,— кивает Бауэр.— Их трудно писать...

Художник и студент вновь смотрят на цветок, а потом Бауэр спешит к телеге.

— Не довезем мы его до России. Право, не довезем. Жара.

Они смотрят в небо: яркое, горячее солнце. Михайлов сегодня проклинает солнце. Пусть дождь, пусть слякоть, только не солнце. Если оно будет печь так еще день, все кончено. Придется хоронить здесь, во владениях уцмий.

— Черт,— Михайлов ругается и, испугавшись своего кощунства, торопливо крестится.— Спаси и помилуй... Гмелин тоже поминал это слово: судьба. Однако даже мертвого судьба его не милует.

Студент Михайлов не раз видел, как трудно умирали люди. И все-таки умереть в чужой стране...

Цок-цок-цок! — бойко стучат копыта. Лошади бегут рысью.

Рисовальщик поднимает голову и замечает перса на жарком, взмыленном коне.

— Великий аллах! — приветствует перс.— Благослови ваш путь и усей его розами.

В ответ путники едва поворачивают головы.

Перс спрыгивает с лошади, подходит ближе.

— Мир вам.

— Мир, мир,— Михайлов смотрит на него исподлобья.— А ты зачем пожаловал?

— Мой повелитель послал меня узнать о здоровье высокочтимого бека Гмелина.

— О здоровье? — от удивления Михайлов столбенеет.— Да он же умер...

— Мой повелитель изволит сомневаться. Он так любил бека, что...

— Что?! — взрывается Бауэр.— Хочет еще раз его убить? Нет, не выйдет. Нельзя убить дважды.

Художник дико, безумно хохочет.

Перс невозмутимо взирает на рисовальщика и так же сухо и бесстрастно продолжает:

— Пока мой повелитель не убедится в здравии бека, русские не покинут пределы ханства.

Отвернувшись, Михайлов молча показывает на телегу. Скрестив руки, ждет.

Перс осторожно подходит, будто крадется. Долго что-то нюхает, а затем, внезапно наклонившись, начинает крючковатыми пальцами щупать мертвое тело.

— Хватит,— кричит Михайлов.— И так ясно.

— Ясно, бек, ясно.— Перс достает маленькую иконку в золотом окладе — подарок уцмий.

— Ну,— насмешливо говорит художник.— Расщедрился, наконец.— Берет иконку, рассматривает ее и отдает персу обратно.

Посланник уцмий в недоумении прыгает на коня и, гикнув, скрывается за поворотом.

Пыль, поднявшись столбом, блеклой позолотой ложится на шапки.

Все так же нестерпимо печет солнце, а русские медленно и печально идут туда, где ветер и снег, туда, где далекая белая Россия. Идут они и под скрип колес каждый вспоминает пройденный путь.

— Э-э-э-э! — кричит возница.

Навстречу русским едет горец. Он снимает шапку и, поклонившись усопшему, ждет на обочине.

— Гей,— окликает его Бауэр.— Скоро ли уцмиевские владения кончатся?

Горец не понимает. Тогда Бауэр просто протягивает руку по направлению к горам и говорит:

— Уцмий!

Горец понял. Он показывает на ближайшую гору. До нее верст десять.

К вечеру путники достигают перевала и, перейдя его, останавливаются.

— Может быть, здесь? — чуть слышно спрашивает Бауэр.

Михайлов кивает.

— А гроб? — недоумевает Федька.

— Успокойся,— Михайлов кладет ему на плечо руку.— Схороним, как положено.

Потом Бауэр и Михайлов роют могилу. Тело Гмелина бережно кладут на одну из досок, прикрывают сверху другой.

Сыплется, сыплется земля. Неприметно вырос у дороги холмик, а на нем камень.

Через год после смерти Гмелина русские войска под командованием генерал-майора де Медема заставили уцмий Эмира Гамзу покориться.

Долгое время могила Гмелина была затеряна. И лишь в 1811 году академик Дорн, путешествуя по Кавказу, нашел ее. Об этом рассказал он в «Санктпетербургских ведомостях»:

«Могила академика Гмелина на Кавказе.

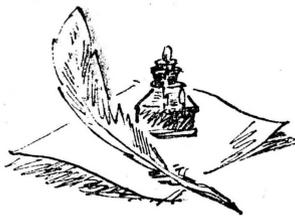
Известно, что русский академик Самуэль Готлиб Гмелин был захвачен в плен в 1774 году, при

переезде из Дербента в Кизляр, по приказанию Каракайтагского хана, или уцмия — Эмира Гамзы. Несчастный пленник томился в жестоком заключении в деревнях Паракайе, Меджлисе и Ахметкенте и умер 27 июля 1774 года. Хотя тотчас после его смерти оба его спутника — студент Михайлов и рисовальщик Бауэр — были освобождены от плена и получили дозволение взять с собою в Кизляр тело и бумаги умершего академика, однако они принуждены были вследствие жаров зарыть его паскорю, без всяких религиозных обрядов, близ деревни Каякента.

Знаменитый путешественник посещал те же самые места в Персии и за Кавказом, где был и нижеподписавшийся в прошлом и текущем годах. Гмелин пал жертвою любви к науке; его прах предан земле в отдаленной стране, и никакой наружный знак не показывал доселе места его вечного успокоения; могила его оставалась неизвестной и забытой. Возвращаясь из Персии, я решился во время предстоящего мне проезда через Дербент, если возможно, отыскать эту могилу... Мы вырезали на большом деревянном кресте, заранее приготовленном, следующие слова: «Академик Гмелин, 27 мая 1774». Один кайтак перенес крест на могилу, где я его и поставил.

Да, Гмелину суждено было до конца испить горькую чашу страданий. Все присутствовавшие, даже мусульмане, были тронуты; последние, без всякого от них требования, взялись добровольно иметь попечение о могиле, как бы желая тем загладить несправедливость, совершенную когда-то их единоверцами. Военный начальник южного Дагестана генерал-майор Лорис-Меликов, великодушным распоряжением которого обязан я удачей своего путешествия к кубечам и успехом дела, принял горячее участие в нашем предприятии. Если бы в этом деле не было оставлено предпочтение за Академией, то, вероятно, в настоящую минуту более прочный и изящный памятник украшал бы уже могилу Гмелина... Если впоследствии какому-нибудь путешественнику случится спросить, кто покоится вечным сном под сенью креста, так далеко и одиноко от всех, там, вблизи от проселочной дороги, ему ответят: мученик науки — Гмелин!

Академик Дорн
Санктпетербург, 25 июля 1861 года».

Кожанье и жеребья

Игорь
ВИКТОРОВ

В конце 1980 года на аукционе во Флориде была продана 25-рублевая ассигнация Русско-американской компании за баснословную сумму. Ни имени нового владельца, ни суммы газеты не называли, но намекали, что эта банкнота обошлась новому владельцу примерно в ту же сумму, что и знаменитый константиновский рублевик 1825 года, проданный на аукционе в 1965 году за 41 тысячу долларов. Даже с учетом инфляции и

падения курса доллара сумма, действительно, впечатляла. Что же это за ассигнация?

Русская Америка была открыта Витусом Берингом и Алексеем Чириковым в 1741 году, 150 лет спустя после легендарного похода Ермака Тимофеевича, проложившего путь в Сибирь.

Карты, составленные экспедицией, открыли путь многочисленным промышленникам, торговым людям и просто авантюристам, и уже к концу XVIII века на территории Русской Америки и на Алеутских островах было много поселений русских, промышлявших пушнину и морского зверя. Это было время компаний: в Америке Компания Гудзона залива, в Европе Голландская и Британская, Ост-Индские компании. Они были жалованы правом монополевой торговли в странах, весьма далеких от метрополий.

8 июля 1799 года Русско-американская компания также получила право монополевой торговли на Аляске. Основным средством платежа на Аляске и Алеутских островах была русская монета, которая начала проникать в новооткрытые земли с середины XVIII века. Находки русской «центральной» монеты, а также более поздней сибирской медной монеты, чеканенной в Екатеринбурге с 1763 по 1781 год, подтверждают это. После получения права монополевой торговли проблема средств платежа стала особенно острой. В 1803 году Александр Андреевич Баранов, тогдашний главный управитель американских поселений, пожаловался в Санкт-Петербург на нехватку монет и попросил компанию или присылать больше денег, или выпустить какие-нибудь знаки на пергаменте разных цветов, которые бы заменили монету. Компания не решилась ввозить монету. Во-первых, медная монета того времени была довольно тяжеловесна: 25 рублей весили один пуд, а расстояние до Аляски было велико. Во-вторых, местное население (алеуты и эскимосы), испытывавшие большую нужду в металле, употребляли медные монеты для хозяйственных нужд: изготавливали наконечники для стрел и гарпунов, делали различные украшения. Поэтому было решено выпускать кожаные деньги.

Кожаные деньги в мире и на Руси, в частности, были известны давно. В одном византийском лексиконе X века говорится, что в Древнем Риме первыми деньгами были кожаные. Подобное же упоминание, но уже о русских кожаных деньгах, как древнейшем средстве обмена, мы находим в русском летописном своде XVII века. В некоторых летописях и описаниях путешественников упоминается о лоскутках меха и штемпелеванных кусочках кожи, которые заменяли собой различные шкурки пушных зверей, условно представляя их стоимость. Дошедшие до нас так называемые кожаные жеребья конца XVII века в определенной степени подтверждают это.

Кожаные жеребья представляют собой кусочки дубленой клейменной кожи, иногда окрашенные в разные цвета. Так, в записках о путешествии в Россию некто Рубруквис указывает, что русская монета состоит из маленьких кусочков раскрашенной кожи. Однако ни в актах, ни в летописях того времени мы не находим никаких указаний о том, что кожаные жеребья были государственным средством платежа. И это не случайно. В XIII веке подобными знаками татары оплачивали выполнение определенных работ русскими, и последние были обязаны их принимать. Они служили своего рода квитанциями, подтверждающими проделанную работу.

Позднее кожаные жеребья стали выпускаться по частной инициативе как марки, которыми городское население отчитывалось перед властями о выполнении городских повинностей. Находки большого количества кожаных жеребьев в цейхгаузах и монастырях подтверждают предположение, что эти знаки носили вотчинный характер. Подобного же характера были «бородовые» знаки 1699—1705 гг. и позднее «угольные печатки», изготовлявшиеся на Урале из бересты и кожи.

Локальный характер имели и кожаные жеребья

Аляски. В начале XIX века в русских поселениях Русской Америки кожаных денег в обращении было на сумму более 100 тысяч рублей. Изготавливались они из кожи тюленя или пергамента. Первый выпуск на сумму 10 000 рублей состоял из бон 1, 2, 5, 10 и 20-рублевого достоинства, они были изготовлены из тюленьей кожи и получили название «кожанье», или «кожаные деньги». Этот термин так и остался, хотя после 1826 года эти деньги стали изготавливать из пергамента.

Недолговечность новых денег заставила вскоре повторить выпуск. Были выпущены новые номиналы: 1, 5, 10, 25 рублей, а в качестве разменной монеты — 10, 25 и 50 копеек. По подсчетам историков в обращении постоянно находилось около 36 тысяч рублей кожаных денег, а всего в период с 1804 по 1867 год, когда компания перестала существовать, было выпущено их на сумму 152 тысячи рублей.

Дошедшие до нас экземпляры этих кожаных денег различны по размеру и форме. Так, 10-копеечная «ассигнация» имеет два отверстия на верхних углах, у 25-копеечной — все четыре угла обрезаны, а у 50-копеечной обрезаны только два верхних угла. Каждый номинал имел определенный цвет. На одной стороне отгиснуты печать Русско-американской компании и номинал, на другой — надпись «Марка в Америке», номинал в цифрах и серийный номер, написанный чернилами.

Различный размер, форма, цвет, дырочки и обрезанные углы помогали неграмотному населению американских поселений распознавать достоинство «ассигнаций», которые в короткий срок превращались в засаленные и изорванные кусочки кожи или пергамента.

После ликвидации компании и продажи Аляски в 1867 году почти все оставшиеся к тому времени кожаные деньги были обменены на русские государственные банкноты. Сейчас таких кожаных денег осталось около двух десятков. В СССР их известно не более десяти (включая 4 экземпляра, находящихся в Эрмитаже, и один — в музее Петропавловска-на-Камчатке). Несколько экземпляров известны в частных коллекциях за границей — два в Финляндии, несколько в США. Долгое время были известны только низшие номиналы, не были известны ассигнации достоинством в 10, 20 и 25 рублей, и вот была обнаружена и продана 25-рублевая ассигнация.

Хочется верить, что эти редкие известные нам экземпляры не единственные и со временем обнаружатся и другие, которые, возможно, еще хранятся у кого-нибудь дома как некий курьез, и люди, возможно, не ведают, что за этими засаленными кусочками кожи скрыта одна из любопытнейших страниц истории страны.

На снимке: кожаные ассигнации.

В СВЕРДЛОВСКЕ ЖИВЕТ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПЕНСИОНЕР СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ ЖЕЛЯБИН. ИМЯ ЕГО ШИРОКО ИЗВЕСТНО СРЕДИ АЛМАЗОДОБЫТЧИКОВ СЕВЕРНОГО УРАЛА И ЯКУТИИ. ОКОЛО ДЕСЯТИ ЛЕТ ОН ЗАНИМАЛСЯ ПРОЕКТИРОВАНИЕМ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ДЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ «УРАЛАЛМАЗ» И ПОЧТИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ БЫЛ ГЛАВНЫМ ИНЖЕНЕРОМ ТРЕСТА, А ЗАТЕМ ОБЪЕДИНЕНИЯ «ЯКУТ-АЛМАЗ». ОН УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ, ЗА РАТНЫЕ И ТРУДОВЫЕ ПОДВИГИ НАГРАЖДЕН МНОГИМИ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ.

РЕДАКЦИЯ ПРЕДЛАГАЕТ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ, В КОТОРОЙ УЧАСТВУЮТ Л. В. ЖЕЛЯБИН И ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ЯКУТСКОЙ АССР А. Н. АНТОНОВ.

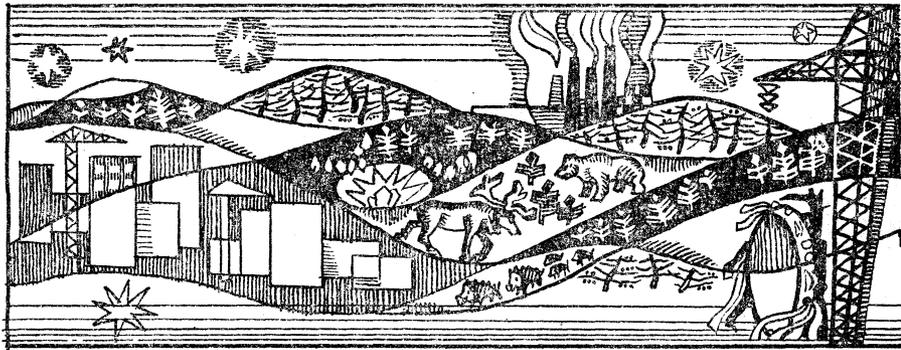
— Леонид Владимирович, давайте вспомним, как начиналось это большое дело и какой убедительной победой завершилось.

— Алмазами я увлекся случайно. Алмаз для меня ассоциировался со стеклорезом или с предметами роскоши. Работал я тогда в конторе «Уралзолотопроект», которой однажды поручили составить проект для строительства обогатительной фабрики по добыче алмазов на Крестовоздвиженском месторождении. Вот тогда-то уже на профессиональном уровне я узнал, сколь широко алмазы применяются в промышленности. Легче назвать отрасли, где они не используются, чем перечислить производств, где они в силу своих выдающихся свойств заняли достойное место.

Скажем, инструмент, изготовленный из твердых сплавов, заточенный и доведенный алмазными кругами, служит в два раза дольше, чем заточенный абразивами. Затраты времени на заточку уменьшаются в пять раз, экономия в масштабах страны — десятки миллионов рублей.

Экономисты Запада, оценивая важность внедрения алмазов в производство, подсчитали, что если бы США были отрезаны от источников снабжения алмазами, их промышленный потенциал упал бы наполовину за очень короткий срок. Так велико значение широкого приме-

Были алмазной земли

нения алмазов. Атомная энергетика, полеты в космос, бурение сверхглубоких скважин многим обязаны алмазу и стали возможны благодаря широкому применению алмазов в технике. И чтобы закончить разговор о ценности алмазов, несколько слов о ювелирных. Алмаз по праву возглавляет весьма обширный список драгоценных камней. Среди экспонатов выставки Алмазного фонда СССР есть алмаз «Горняк», найденный в Якутии. Вес его 45 каратов, или всего лишь 9 граммов, но, по словам экскурсовода, он оценивается в несколько сот тысяч рублей. Конечно, «Горняк» — камень уникальный. Такие добываются не так часто, но представление о ценности ювелирных алмазов он дает. Понятно и то, сколь велико значение экспорта ювелирных изделий для пополнения валютного фонда страны.

— Леонид Владимирович, расскажите о поисках алмазных месторождений и, если можно, начните с Урала.

— Впервые предположение о наличии алмазов на территории нашей страны высказал еще Ломоносов. Но предсказание ученого было оставлено без внимания. Первый кристалл алмаза весом 0,5 карата (карат равен 200 миллиграммам) нашел случайно четырнадцатилетний мальчик Павел Попов в 1829 году на промыске золота на Крестовоздвиженских промыслах. Затем там же было найдено еще несколько кристаллов, но

говорят, что их едва хватило на изготовление ожерелья для хозяйки промыслов графини Полье.

Добыча алмазов в царской России ограничивалась именно такими случайными находками. Почти за сто лет, с 1829 по 1920 год, было найдено всего лишь 289 кристаллов весом около 80 каратов. Планомерные поиски алмазных месторождений начались в конце тридцатых годов в связи с бурным развитием промышленности. В 1938 году была организована Уральская алмазная экспедиция. Ей повезло, и уже в первые годы своей работы она открыла несколько российских месторождений. Добычей алмазов на Урале занимались исключительно старатели. Уже после войны мы с инженером Негановым предложили обрабатывать русловые месторождения дражным способом. Предложение было принято, и меня назначили главным инженером проекта. Случилось это в 1948 году.

Сложность работы заключалась в том, что приходилось идти по целине: своего опыта в добыче алмазов не было, а за граница делиться им не хотела. Это был первый проект, за который я нес ответственность. И надо ли говорить, с какими волнениями и переживаниями было связано его составление, сколько бессонных ночей он стоил. Зато, можете представить, какую радость я пережил, когда своими глазами увидел первые алмазы, добытые драгой, построенной по нашему проекту. Работа в «Уралалмазе» как бы подготовила меня для Якутии...

— Но до перевода в Якутию на постоянную работу вы дважды побывали там в командировках. Чем они были вызваны?

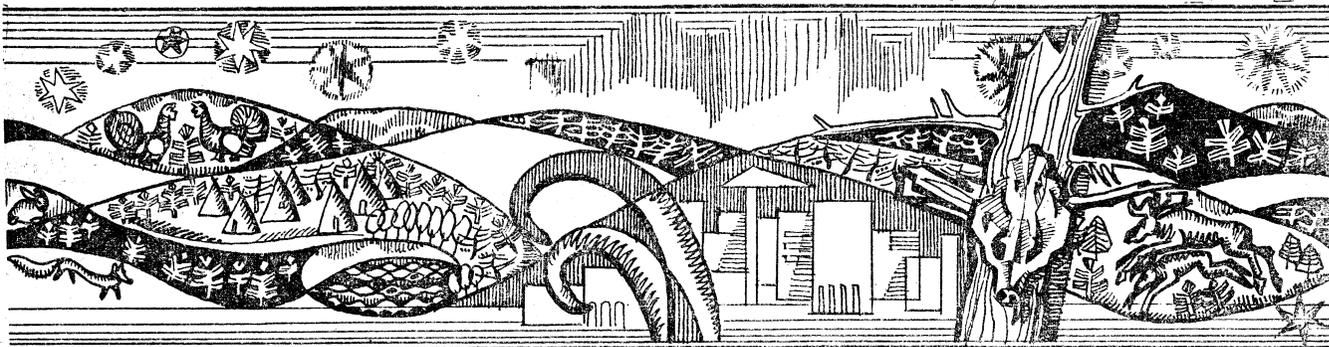
— Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо коротко обрисовать послевоенные годы. Потребность в технических алмазах росла, а удовлетворить ее практически было нечем. США включили алмазы в список стратегических материалов и запрещали странам-экспортерам продавать их нашей

полное безлюдье. Мы плыли на теплоходе, сначала по Вилюю, где обследовали Вилюйские алмазные месторождения, затем по Мархе и Маркоке. Теплоход часто останавливался, мы выходили на берег. Болотистая тайга вплотную подступала к берегам. Стоило отойти от берега десять-двадцать метров и можно было с уверенностью утверждать, что стоишь на месте, где до тебя не ступала нога человека.

Вторая командировка в Яку-

от поверхности в глубь земли и сужающихся по мере углубления. Поэтому их стали называть трубками. В настоящее время за границей и у нас трубок известно много, но только примерно десятая часть из них содержит алмаз, а для промышленного освоения пригодны единицы.

Однако вернемся к открытию трубок на якутской земле. Касса Амакинской экспедиции с каждым сезоном пополнялась все новыми и

стране. Нехватка же алмазов сдерживала дальнейшее развитие важнейших отраслей промышленности. Учитывая это, государственные органы принимали неотложные меры для поиска алмазов. Наиболее перспективной территорией для поиска таких месторождений считалась Сибирская платформа, простирающаяся между реками Енисеем и Леной. Сюда и были организованы несколько экспедиций. К сожалению, первые годы их работы не дали положительных результатов. Не удалось найти ни одного месторождения, ни одного кристаллика.

— Когда же на Сибирской платформе был найден первый алмаз?

— В 1948 году... Его нашли геологи М. М. Одинцов и С. Н. Соколов на реке Малая Ерема в Иркутской области. Больше повезло геологоразведочной партии под руководством известного геолога-поисковика Г. Х. Файнштейна. 7 августа 1949 года на реке Вилюй, на косе Соколиной, обнаружен первый на якутской земле алмаз. К концу полевых работ было найдено 22 кристалла. Так было положено начало открытию якутской алмазной провинции.

В 1952 году была создана комиссия, которой предписывалось на месте ознакомиться с отчетами экспедиций, лично обследовать месторождения и определить целесообразность их обработки. В состав этой комиссии был включен и я. Это была первая поездка в Якутию. Помню, прежде всего бросились в глаза бездорожье и почти

тию была связана уже с организацией освоения коренных месторождений. В 1955 году были открыты кимберлитовые трубки «Мир» и «Удачная». Летом 1956 года в район трубок отправилась комиссия под руководством начальника Главка К. В. Воробьева — человека огромной энергии, большого знатока своего дела, крупного организатора хозяйственника. В состав комиссии был включен и я.

— Как и кем были открыты знаменитые трубки «Мир» и «Удачная»?

— Рассказать об этом в двух словах невозможно. Само по себе открытие — факт скоротечный, но обычно очень долг и труден путь к нему. Амакинская экспедиция, которая занималась поисками алмазных месторождений в Якутии, переживала тогда, пожалуй, самый бурный период. Геологи экспедиции уже знали о наличии алмазных кладовых в тайге, но пока еще не знали, кому из них, когда и где именно улыбнется счастье открыть их.

— Извините, прерываю вас. Мы говорим: «трубка», «кимберлит»... Разъясните, пожалуйста, что означают эти слова?

— Кимберлитом называют горную породу серо-голубого цвета, в которой содержатся алмазы. Такое название она получила по имени местечка Кимберли в Южной Африке, где было впервые открыто коренное месторождение алмазов. Коренные месторождения алмазов чаще всего встречаются в виде трубообразных тел, опускающихся

новыми находками алмазов и пирропов, главное открытие — россыпное или коренное месторождение промышленного значения — все еще было впереди. Отчасти это объяснялось несовершенством методики поиска. Спутники алмазов тогда известны не были и приходилось искать алмазы по алмазам, то есть при находке алмазного кристалла на отмелях или косах реки начинали в окрестностях этого места искать месторождение. Но успеха такой метод не приносил.

Между тем вдали от вилюйской тайги, в городе на Неве, профессор Александр Александрович Кухаренко провел интересное исследование, которое, как потом оказалось, имело основополагающее значение для разработки метода поисковых работ на алмазы. Он слил пирропы, изъятые им из образца кимберлита, привезенного из африканского коренного месторождения алмазов, с кристаллами минерала, найденными геологами Натальей Сарсадских и Ларисой Попугаевой на отмелях и косах реки Мархи и ее притоке Далдыне, и установил их полную схожесть. Это давало основание считать найденные нашими геологами красные минералы пирропами, а не гранатами, как определяли ранее. Дальнейшие исследования показали, что как африканские, так и якутские пирропы были оплавлены, из чего он сделал вывод о магматическом происхождении как тех, так и других. Отсюда напрашивается вывод, что Н. Сарсадских и Л. Попугаева нашли пирропы, вынесенные с верхних слоев кимберлитовой трубки.

Таким образом, результаты этих исследований помогли разработать новый метод поиска алмазных месторождений. Он оказался очень простым: обнаружив в русловой части реки пиропы, геолог должен следовать по пироповой дорожке против течения, и тогда он неминуемо придет к кимберлитовой трубке. Значение этого открытия для поиска трубок трудно переоценить. Оно ставило поисковые работы на научную основу.

И все же поиск алмазных месторождений по пиропам многими был встречен скептически. И только когда Лариса Попугаева, пользуясь этим методом, 21 августа 1954 года открыла первую в нашей стране кимберлитовую трубку «Зарница», скептики признали свое поражение.

Я несколько уклонился и рассказал о рождении современного метода поиска алмазных месторождений. Однако без этого трудно понять, почему в 1955 году так сравнительно легко было открыто несколько трубок. Но надо рассказать еще об одном человеке, открывшем трубку «Мир», о выпускнике Ленинградского горного института Николае Бобкове. Изучая кристаллы алмазов, найденные в бассейне среднего течения Вилюя, он пришел к выводу о происхождении их из какого-то одного крупного источника. Этот вывод противоречил господствовавшему тогда мнению, согласно которому найденные алмазы вынесены из разных источников. Бобков утверждал, что этот единственный источник надо искать не на левых притоках Вилюя, где тогда велись поиски, а на правых, в частности в бассейне реки Малая Ботуобия. С ним согласился главный геолог экспедиции, и тем не менее коррективы в план поисковых работ на 1953 год не были внесены. Только в конце сезона ему удалось добиться разрешения войти на Малую Ботуобию. Но обследовать бассейн реки не удалось: Николай утонул при переправе через Вилюй за два дня до отправки отряда...

— И что же дальше?

— Несмотря на трагический случай, отряд был отправлен, его возглавила Наталья Кинд. На одной из остановок, пока на берегу разбивался лагерь и разжигали костер, Наталья Кинд, нетерпеливая как все геологи-поисковики, спустилась к реке, перебралась на островок и в первой же пробе, зачерпнутой алюминиевой миской, принадлежавшей ранее Бобкову, обнаружила алмаз. Но сезон заканчивался, и до наступления холодов им удалось лишь наскоро обследовать косы, отмели и берега реки на протяжении нескольких километров. Месторождение не было найдено,

но зато отряд подтвердил предсказание Бобкова о перспективности правых притоков Вилюя.

— И на следующий год основные поиски были сосредоточены в этом районе?

— Да, но еще осенью 1953 года руководитель группы Амакинской экспедиции С. М. Журавлев, разделявший мнение Бобкова, на свой страх и риск направил туда бригаду рабочих... В марте 1954 года пробы промыли, а из полученного концентрата извлекли большое количество алмазов. Это было веское доказательство правильности выводов Бобкова.

В сезон 1954 года в районе Малой Ботуобии работала уже целая геологическая партия во главе с Натальей Владимировной Кинд. В состав партии входил небольшой отряд, которым руководил Юрий Хабардин. Сезон для партии был трудным и безрезультатным.

— Значит, и в 1954 году трубке удалось отлежаться незамеченной?

— Зато в 1955 году для открытия ее потребовалось всего лишь три дня. Десятого июня отряд Юрия Хабардина прибыл на Ирелях, и на другой день молодой геолог Володя Авдеенко нашел алмаз и много пиропов. Хорошая сохранность кристаллов свидетельствовала о близком нахождении их первоисточника. На следующий день весь отряд работал на месте находки, обнаружил несколько кристаллов и приступил к поиску трубки по следам пиропов. Пиропная дорожка сначала вела вверх по реке, потом прервалась. Решили свернуть в левый приток Ирелях, а затем — в небольшой лог. Был уже вечер, все члены отряда, кроме Юрия Хабардина и Кати Елагинной, ушли в лагерь. Когда они взяли пробу со дна лога и промыли ее в ручье, то на лотке оказались куски кимберлита с видимыми пиропами. Это означало, что трубка лежит где-то рядом. Для большей надежности они решили взять еще одну пробу выше первой. Направляясь за ней вверх по логу, заметили пору и вокруг нее кучу серо-голубоватой земли и кусочки кимберлита с пиропами и вместо взятия второй пробы решили копать шурф. Вскоре им стали попадаться куски кимберлита, в одном из которых Хабардин обнаружил кристалл алмаза. Теперь сомнений не было: они обнаружили кимберлитовую трубку.

— Какую роль в этом сыграла лисья нора?

— Да, по существу, никакой. Даже если бы Хабардин и Елагина не заметили кучу голубой земли, все равно трубка была бы откры-

та. К тому времени они имели достаточно свидетельств тому, что находится или на самой трубке, или в непосредственной близости к ней.

— Наверное, Хабардин тотчас же сообщил руководству экспедиции об открытии трубки?

— Нет, всю ночь с 12 на 13 июня 1955 года весь отряд, как замороженный, работал на оконтуривании трубки, а утром Юрий Хабардин сделал затес на самой высокой лиственнице, стоящей в центре трубки, и, как положено у геологов, написал:

**Трубка «Мир»
Министерство геологии
и охраны недр СССР
Союзный трест № 2
Амакинская экспедиция
партия № 132
1955 год, 13 июня.**

И только после этого он составил свою знаменитую телеграмму: «Закурили трубку Мира, табак отличный».

Своей рации отряд не имел, и эту телеграмму он послал с каюром.

— Так буднично было совершено открытие прославленной трубки?

— Ликование по этому поводу началось позднее...

— А трубка «Удачная»?

— Она была открыта двумя днями позднее отрядом В. Н. Щукина вблизи Полярного круга.

— Как были отмечены первооткрыватели якутских алмазных месторождений?

— Шесть геологов, внесших наибольший вклад в открытие алмазных месторождений в Якутской АССР, в том числе Юрий Иванович Хабардин, Владимир Николаевич Щукин, стали лауреатами Ленинской премии, многие работники Амакинской экспедиции были награждены орденами и медалями.

— Я работал тогда на севере Якутии, под Верхоянском, и хорошо помню, с каким удовлетворением было встречено известие об открытии кимберлитовых трубок.

— Да, у нас в стране находка вызвала большую радость, а вот за границей к ней отнеслись с нескрываемой тревогой: поняли, что наступил конец их монополии на мировом рынке. Но монополисты успокаивали себя тем, что, дескать, якутские алмазы залегают в недоступных местах и потому русские алмазы появятся на мировом рынке только в XXI веке. Но они снова недооценили способности советского народа и возможности нашего государства. Первые алмазы из трубки

«Мир» были получены через два года после ее открытия.

События вокруг якутских алмазов развивались настолько быстро, что даже по теперешним меркам темпы освоения района кажутся невероятными. Наша комиссия, выполняя указания министра, составила на месте перечень подготовительных работ, чтобы начать опытную добычу алмазов уже в 1957 году. Вскоре в Мухтуу прибыло оборудование и материалы, началась прокладка автозимника от Мухтуу до Мирного и строительство жилых домов. В небольшом селе Мухтуу (переименованном в 1963 году в город Ленск), ставшем основными воротами алмазного края, было создано транспортно-складское управление для приемки грузов от водного транспорта и перевозки их в Мирный. Был решен вопрос о строительстве автодороги Мухтуу — Мирный, начался подбор специалистов и рабочих для работы в Мирном. Все это и многое другое было сделано в течение второй половины 1956 года.

— В воспоминаниях К. В. Воробьева «Незабываемые годы» рассказывается, как вы и директор «Уралалмаза» Н. Н. Орлов набрасывали принципиальную технологическую схему будущей обогатительной фабрики...

— Помню этот случай, когда, используя пень спиленной листовницы в качестве стола, набросали схему цепи аппаратов будущей фабрики, из которой хорошо было видно, какое оборудование потребуются. Позднее эту схему передали проектировщикам «Унипромеда». Работу мы сделали быстро, хотя страшно мешали тучи гнуса, появляющегося всюду, где мы останавливались.

В январе 1957 года был образован трест «Якуталмаз» для руководства строительством и добычей алмазов в районе трубки «Мир». Меня назначили главным инженером, и я переехал в Мирный.

Шел февраль 1957 года. Морозы под 50—55 градусов. В Мухтуе находилось около ста человек, прибывших по оргнабору и ожидавших отправки в Мирный. Рискнули отправить их на грузовиках с брезентовыми тентами. Первая машина с людьми находилась в пути более суток, но все обошлось благополучно. Сразу же приступили к установке палаток. Вскоре все рабочие были переброшены в Мирный, и появились новые заботы: всех надо было обеспечить жильем, теплом, водой, питанием. А если учесть, что наряду с кадровыми рабочими в Мирный проникали любители длинного рубля, картежники, пьяницы, дебоширы, то надо было обеспечить еще и общественный порядок. Как трудно все это давалось! Чтобы по-

лучить воду, растапливали лед и снег. Пока не построили столовую, питались консервами, чаем, хлебом... Привозили его из Мухтуу, в дороге он замерзал и превращался в камень. В первые дни заботы о быте отнимали все время управляющего трестом В. И. Трихонова и мое.

Нашему тресту поручили строительство жилых домов, электростанций, внутренних дорог, аэродрома, объектов торговли и складского хозяйства. К сожалению, в планах оказались досадные просчеты, особенно лихорадило со снабжением. Хорошо еще, что Е. К. Бельскому удалось перегнать колонну автомашин с грузом из Большого Невера в Мирный. Именно эти сорок автомобилей, оставшихся здесь до конца зимних перевозок, позволили завезти в Мирный продовольствие, горючее, сборные дома, лес и другие стройматериалы. Трансьякутский перегон автоколонны очень выручил нас. Колонна преодолела две тысячи шестьсот километров пути, более половины которого — по бездорожью. В честь этой героической эпопеи установлена мемориальная доска, на которую навечно занесены имена первопроходцев, покоровших таежное бездорожье. А руководитель колонны навсегда связал свою судьбу с алмазниками, остался работать в тресте.

В начале марта в Мирном стояло уже более ста палаток, в которых проживало около пятисот человек. Была построена пекарня, насосная станция для водоснабжения, столовая, открыт магазин. Несколько бригад приступили к строительству временного поселка по генплану. Первый двухквартирный жилой дом сдали к 1 мая. Теперь в нем размещается музей. К концу года из палаток в деревянные дома переселились сотни рабочих. Сначала робко, а потом все смелее стали приезжать семьи, в Мирном появились дети.

— Обычно на новостройки Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера в первую очередь едет молодежь.

— И покорение алмазной целины не было исключением. Комсомольцы Москвы и Ленинграда появились в Мирном в числе первых. Бригада ленинградской молодежи, прорубавшая первую просеку под будущую улицу, назвала ее Ленинградским проспектом, а молодежь Москвы построила дома Ленинской улицы. Сейчас Ленинградский проспект и улица Московская застроены многоэтажными благоустроенными домами. Первым Героем Социалистического Труда среди алмазников стал в 1960 году один из этих молодых людей — бригадир слесарей-монтажников Михаил Орлов. Вошла в строй и обогатительная

фабрика. Ее пустили в эксплуатацию без стен и крыши, но оборудование работало нормально, и свой первый план алмазодобытчики Якутии выполнили успешно. Позднее эта фабрика была достроена, реконструирована и расширена.

— Наша беседа подходит к концу. Хотелось бы, чтобы вы кратко подвели итоги освоения алмазного края. Что произошло за 25 лет со дня промышленного освоения месторождения?

— Если говорить коротко, то мы вдохнули жизнь в дикий уголок Якутии, обустроили его и создали отечественную алмазодобывающую промышленность, надежно обеспечивающую нужды страны в ценном минерале. Достаточно взглянуть на современную карту Западной Якутии, чтобы убедиться, как неузнаваемо преобразился огромный край, простирающийся от берегов верхнего течения Лены до Полярного круга. Здесь возникли современные города и рабочие поселки, в которых действуют первоклассные карьеры, обогатительные фабрики, ремонтные заводы, автобазы. От Ленска далеко на север тайгу прорезала современная автомобильная дорога, связавшая все районы этого края с основной водной магистралью — рекой Леной. Ныне алмазы добываются уже из нескольких трубков, причем специалисты научились извлекать их из руды и песков значительно полнее, чем это удавалось ранее.

Города и поселки алмазного края ныне связаны авиацией с центральными районами страны, требуется всего лишь десять часов, чтобы попасть из Мирного в Москву. В столице алмазного края — городе Мирном — большая часть населения проживает в благоустроенных многоэтажных домах, не уступающих по комфорту тем, что имеются в давно обжитых городах.

И последнее. Там сложился крепкий коллектив людей, увлеченных своим делом, и теперь рядом с отцами на трудовую вахту становятся их дети, родившиеся на алмазной земле. И можно не сомневаться, что это новое поколение алмазодобытчиков продолжит дело своих отцов, продвинется еще дальше на север и осветит новые районы.

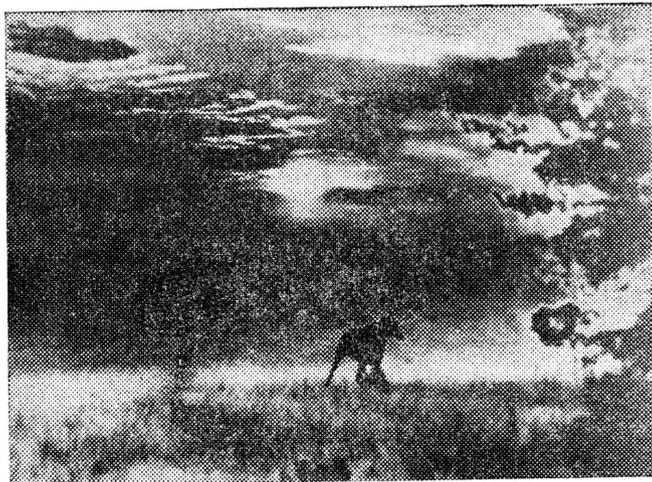
Беседу записал
Б. ШАБАЛДИН

Рисунок
В. Красильникова

Юрий
ФРОЛОВ

Стригуны

Уже три дня живу в лесной избушке, «стреляю» лосей на поле за частоколом елей. Озимые там нынче невысокие, но густые — привлекают их. Днем лосей не увидишь — выходят из леса на кормежку лишь перед закатом и утром, до восхода солнца.

Подкрасться к ним нелегко, но вчера повезло. Вышел на поле за час до заката. Тепло, тихо. Устроившись поудобнее за кустами, жду. Солнце все ниже, тени все длиннее, света все меньше. И вот слышу — идут.

Выходят из леса два лосенка и неторопливо бредут вдоль кромки поля. Я уже видел их раньше — обычно ходили под присмотром матери, молодой стройной лосихи. Где же она сегодня, не случилось ли что? Днем в лесу слышна была стрельба, может, не только рябчики попали под выстрелы?

Лосята постепенно приближаются, но солнце не ждет и скрывается за дальним лесом. Сразу становится темнее. Впрочем, фотографировать еще можно. Делаю несколько кадров, досадуя на затвор «Зенита» — щелкает громко. Потом осторожно, под прикрытием кустов, начинаю подходить. А лосята, расставив ноги и вытянув шеи, щиплют озимь. Нелегко им — ноги-то длинные, как ходули, до земли трудно дотягиваться. Вдруг один лосенок опускается на колени. Второй следует его примеру. Вот умницы, догадались!

Слышал я раньше, что лоси едят траву стоя на коленях. Теперь вот сам убедился в этом.

Лосята, объев озимь впереди себя, поднимаются, делают шаг-другой, снова опускаются на колени. И стригут, стригут...

Как назло кончается пленка. И солнышко уже закатилось, через несколько минут снимать будет нельзя. Нужно подойти еще ближе, чтобы сделать крупный план. Прятаться негде, иду к лосятам прямо по полю. Они замечают меня, но быстро успокаиваются. Делаю последний кадр, сажусь на землю, начинаю менять пленку. Лосята же, заинтересовавшись, подходят ближе. Один приближается метра на четыре и тычет мордочку в мою сторону. Но уши прижаты: боится все-таки. Делаю шаг навстречу. Лосята отпрыгивают в сторону, но не убегают.

Прячу фоторужье, прощаюсь с лосятами и иду на соседнее поле — взглянуть, нет ли и там лосей. На обратном пути вижу: мои стригуны лежат, над ними стоит мамаша и настороженно смотрит в мою сторону. Нашлась-таки!..

Звезды в траве

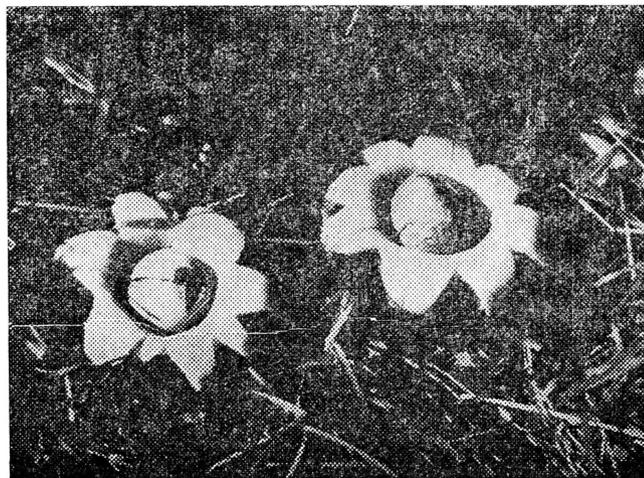
Каких только грибов нет на свете! И в наших лесах немало таких, о которых не каждый знает...

Иду однажды по лесу и вижу в траве белые звездочки. Что за диво? Наклоняюсь, разглядываю. Плотные, словно из толстого картона вырезанные, с загнутыми вниз лучами-лепестками, восьмиконечные. В сердцевине каждой — коричневое ядро.

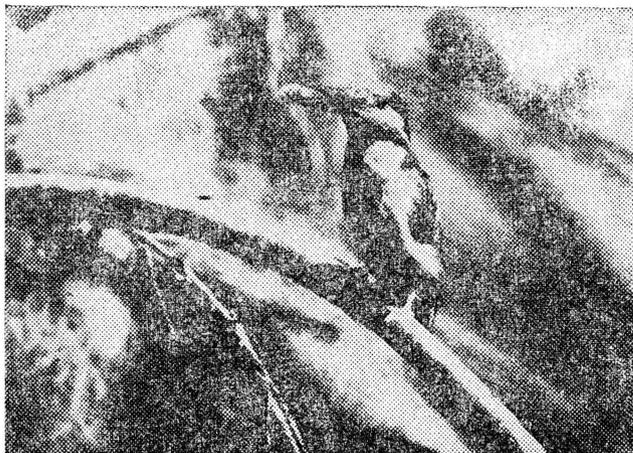
Сфотографировал звездочки, а потом сорвал одну и осторожно упаковал в газету.

Дома снял с полки книгу, таблицы цветные полистал — ничего подобного не нашел.

Снова на звездочку смотрю: если гриб, то на какой же похожа? Скорее всего — на дождевик. Ищу в книге дождевики и нахожу среди них свой. Так гриб и называется — звездовик, или земляная звездочка!..

Осколок радуги

Громыхало уже где-то далеко и не страшно. Ливень кончился так же внезапно, как и начался. Я вылез из-под густых еловых лап и спустился к реке, где оставались удочки.

Тучи быстро уплывали. Посветлело. Выглянуло солнце и нарисовало в небе семицветную арку. Радуга! Поспешно вернулся к елке, где вместе со мной прятался от ливня рюкзак. Выхватить фотокамеру, навести на резкость — дело нескольких секунд. Кадр, еще кадр, еще...

Ветер сморщил воду, солнце опять потускнело, радуга растаяла.

Только тут я вспомнил, что пленка в фотоаппарате кончилась как раз перед дождем. Вот растяпа! Проклиная свою забывчивость, зарядил аппарат. Но настроение было испорчено, даже на поплавок не хотелось смотреть.

Вдруг пронзительный свист пронесся над водой, и на корягу, недалеко от моего полавка, словно упал осколок радуги. Небольшая кургузая птичка сидела в десяти шагах и, наклоняя головку, будто здоровалась со мной. У нее была ржаво-красная грудка, красные лапки, голубые спинка, бока и головка, на головке и боках коричневые пятнышки, под глазом и на горле — яркие белые полоски. Клюв острый, длинный не по росту, а в клюве — рыбка.

Птичка крикнула недовольно, сорвалась с коряги и, голубой молнией сверкнув над водой, исчезла.

Только теперь я понял, что видел зимородка, очень редкого в наших местах.

Прошло немало времени, но вот снова послышался резкий крик, и золотисто-голубая птичка села на ту же корягу. Недовольно поглядывая на меня, зимородок снова покивал головкой. Потом вспорхнул и исчез в норке среди корней, свисающих с берегового обрыва. Не прошло и трех секунд, как он вылетел, плюхнулся в воду у берега и уселся на ветке черемухи,

склонившейся над водой. Отряхнувшись и почистив перышки, зимородок с криком умчался вниз по реке.

С волнением сжимал я в руках фоторужье, надеясь, что из десятка кадров, что успел сделать, получится хоть один. Увы, все они оказались нерезкими.

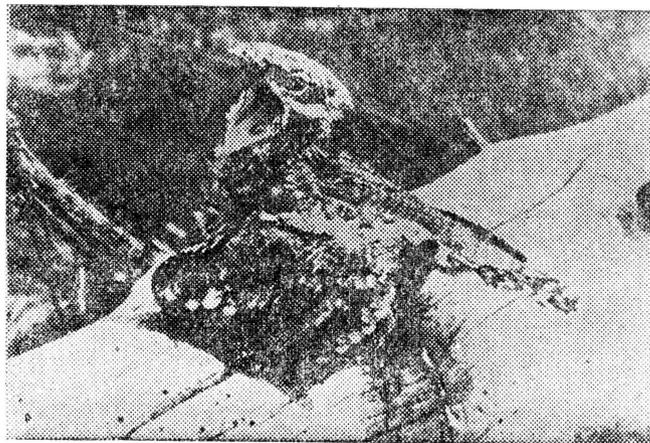
Пришлось потратить еще три недели, высиживать в укрытии не один десяток часов. Зато я видел, как охотится зимородок, зависая над водой и бросаясь в воду за рыбой, как он купается, как выманивает птенцов из гнезда, когда приходит пора его покинуть... Видел много интересного, но первая встреча осталась в памяти навсегда. Навсегда запомнилось, как осколок радуги упал с неба в десяти шагах от меня.

Козодой

Гнездо козодоя нашел случайно, спугнув его у кромки верхового болота, заросшего багульником и редкими соснами. На том месте, с которого слетела птица, лежали два мраморного рисунка яйца. Гнезда в сущности не было, яйца лежали прямо на почве. Так уж у козодоев заведено. Сколько времени прошло с момента откладки яиц, я не знал, и нельзя было сказать, когда вылупятся птенцы. Тогда я торопился и не мог сфотографировать козодоя.

Прошло двадцать дней, прежде чем я снова пришел сюда. Вот березка, рядом с ней сосенка, под которой и было гнездо. Приглядываюсь: все в порядке, козодой на месте. Лежит, вытянувшись, закрыв глаза, и совершенно сливается с почвой.

Чтобы снять его крупным планом, надо подобраться на расстояние вытянутой руки. Ползу, поглядывая на птицу. Три метра, два, один. Хватит. Замеряю освещенность. Щелчок затвора словно подтолкнул козодоя. Он взлетает и с

криком скрывается за деревьями. Передо мной лежат два пушистых комка. Короткохвостые, но довольно крупные птенцы, закрыв глаза, прижались друг к другу. Не шелохнутся.

Мать продолжает кричать издали, то ли призывая им не двигаться, то ли зовя за собой. Умеют ли они летать? Вдруг один птенец вспорхнул и, пролетев неровным полетом метров двадцать, упал среди болотных кочек. Надо хоть второго снять. Не успел навести на резкость, как птенец исчез. С огорчением опускаю фотокамеру. Не поискать ли первого?

Кладу рюкзак на видное место и, ступая по мягким кочкам, иду по болоту. Останавливаюсь, обшариваю в бинокль заросли багульника. Да разве тут его отыщешь! Продвигаюсь еще на несколько шагов, начинаю ходить челноком. Птенец вспархивает прямо из-под ног и, пролетев десяток метров, снова падает. Теперь-то найду! Подхожу ближе и снова смотрю в бинокль. Среди болотной травы лежит сухой, серый от времени ствол поваленной ветром сосны, а на нем пестрый бугорок.

Вот он. Фотографирую издали, меняю объектив и подхожу вплотную. Снимаю в полный кадр. Птенец лежит как мертвый. Ну, открой же глаза, покажись! Протягиваю к нему руку и тут же отдергиваю. Нет уже серого комочка. На меня уставилось чудище — большая пестрая птица с распушенными крыльями и огромным розовым ртом, распахнутым так широко, что поневоле становится страшно. Вот так птенчик! С таким ртом кого угодно напугаешь. Я невольно отступаю, и птенец снова сжимается в комочек, закрывает глаза. Вот хитрец, напугал врага и опять спрятался!

Навожу фотоаппарат и протягиваю левую руку к козодю. Снова демонстрируется поза угрозы, а я снимаю...

Аленка

Говорливый ручей вывел меня из леса. Слева тянулся лужок, справа к ручью спускались огороды небольшой деревеньки.

Я шел по лугу, отыскивая переправу. Вот и доска, перекинутая с берега на берег. На мостике сидит девчонка и болтает босыми ногами. Чем-то неуловимым она напомнила васнецовскую Аленушку. Рядом привязана дикого вида черная коза.

Я подошел.

— Здравствуй, Аленка!

— Здравствуйте. А откуда вы знаете, как меня зовут?

— Догадался. А вот как называют вашу речку — не могу.

— Ее Светляной зовут. Это у вас фотоаппарат?

— Да. Хочешь, тебя сфотографирую?

— Хочу.

— Как же снять тебя, может, с козой?

— Ну ее, она бодучая. Мне встать?

— Нет, сиди, как сидела, и смотри сюда.

Сейчас вылетит птичка.

— И все-то вы обманываете! К нам в прошлом году приезжал фотограф и тоже про птичку рассказывал. Я тогда маленькая была — поверила. Мне улыбнуться?..

МУЗЕЙ ФЛОТА

Это одноэтажное здание с высоким куполом, обрамленное чугунной оградой оригинального рисунка, — достопримечательность города Николаева. Оно было построено в 1790—1793 годах. В нем находилась резиденция главного командира Черноморского флота. В разное время здесь жили, работали, бывали по делам службы прославленные русские адмиралы Ф. Ф. Ушаков, М. П. Лазарев, Ф. Ф. Беллинсгаузен, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов.

Несколько лет назад в этом старинном доме открылся музей судостроения и флота. В одном из залов посетители непременно задерживаются у модели эсминца «Сообразительный» и карты его боевых походов в годы Великой Отечественной войны.

288 раз участвовал «Сообразительный» в разных боевых операциях, в том числе обороне Одессы, Севастополя, Керчи, Феодосии, Новороссийска, отразил 250 атак фашистских стервятников, уничтожил десять батальонов войск, восемь танков, двадцать две автомашины, перевез свыше 14 000 раненых и детей.

Гитлеровцы сбросили на корабль 70 бомб, 17 раз атаковали торпедами, но он вынес все эти испытания.

За отвагу в боях с фашистами, стойкость и мужество личный состав «Сообразительного» удостоен звания гвардейского. Многие моряки были награждены орденами и медалями.

Сейчас имя «Сообразительный» носит новый корабль советского флота.

ПРОЕКТ ДЛЯ СИБИРИ

ТУРУХАНСКАЯ ГЭС... ТАКОЙ ЕЩЕ НЕТ, НО ОНА СУЩЕСТВУЕТ В ПРОЕКТНЫХ ДОКУМЕНТАХ. ПЛОТИНА ЕЕ ПЕРЕКРОЕТ НИЖНЮЮ ТУНГУСКУ НЕДАЛЕКО ОТ ТУРУХАНСКА. ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ, ЧТО НА СТАНЦИИ БУДЕТ СМОНТИРОВАНО 20 ГИДРОАГРЕГАТОВ. КАЖДЫЙ ИЗ НИХ СМОЖЕТ ДАВАТЬ ПО МИЛЛИОНУ КИЛОВАТТ, ТО ЕСТЬ ПО МОЩНОСТИ ТУРУХАНСКАЯ ГЭС СТАНЕТ САМОЙ КРУПНОЙ В МИРЕ. ВОДОХРАНИЛИЩЕ СТАНЦИИ РАЗОЛЬЕТСЯ В ДЛИНУ БОЛЕЕ ЧЕМ НА ТЫСЯЧУ КИЛОМЕТРОВ.

ПИХТОВАРКА

В селе Бедярыш Челябинской области не забыт древний русский промысел — пихтоварение.

...Простенькое деревянное строение. Из трубы в ясное небо поднимается прозрачный дым. Под деревянным навесом — запас дров. Запруда с безмолвной водой, вода по деревянным лоткам непрерывно течет в пихтоварку. У входа — котел-парообразователь. За ним почти трехметровой высоты перегонный

деревянный чан. Крышка его выведена наружу. Рядом с чаном долбленная колода, служащая холодильником. Вот и вся установка.

Чтобы получить полтора десятка килограммов масла, нужно переработать около тонны пихтовых лапок.

Пихтовое масло — ценнейшее сырье для производства камфоры. Большой спрос на пихтовое масло в парфюмерии.

ЗОЛА... СТРОИТЕЛЬНАЯ

ПРИ СЖИГАНИИ СЛАНЦЕВ И УГЛЯ ОБРАЗУЕТСЯ ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО ЗОЛЫ. ОНА ЗАГРЯЗНЯЕТ ОКРЕСТНОСТИ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ. В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В НАШЕЙ СТРАНЕ УКРОЩЕНИЕМ ЗЛОВРЕДНОЙ ЗОЛЫ ВСЕ УСПЕШНЕЕ ЗАНИМАЮТСЯ ЭСТОНСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ. ОНИ РАЗРАБОТАЛИ ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ, КАК ПРИМЕНЯТЬ ЕЕ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ — ДЛЯ СМЯГЧЕНИЯ КИСЛЫХ ПЧОВ. ЦЕННО И ДРУГОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ УЧЕНЫХ, РАБОТАЮЩИХ ПОД РУКОВОДСТВОМ АКАДЕМИКА И. ЭПИКА: ДОБАВКА ТОНЧАЙШИХ ФРАКЦИЙ ЗОЛЫ В ЦЕМЕНТ ЗАМЕТНО ПОВЫШАЕТ ЕГО МАРКУ И ОН МОЖЕТ БЫТЬ ИСПОЛЬЗОВАН ДАЖЕ В САМЫХ ОТВЕТСТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЯХ.

ВЫСОТОЮ С ДОМ

Шведский фотолюбитель Кланг смастерил фотоаппарат-гигант. Взяв за образец камеру «Хассельблад», он сделал точную копию ее, только огромных размеров. Высота его детища составляет два с половиной метра.

Самое любопытное заключается в том, что фотографический великан может делать отличные фотографии и небольшого размера.

ШАР-ПТИЦА

Канадские инженеры разработали новый воздушный корабль. Его гондola напоминает птицу, садящуюся на землю. Концы «крыльев» соединены осью, на которой крепится вращающийся шар. Наполненный гелием шар, а также двига-

тель с направленной тягой создают редкую подъемную силу. Пока испытана модель корабля. В натуральную величину его шар будет иметь диаметр 65 метров. Хотя общий вес корабля достигнет 110 тонн, он сможет поднимать и переносить 45—50 тонн груза!

ВОСЬМИЛЕТНИЙ ВОЖДЬ

Играть в индейцев, особенно в вождей, любят мальчишки многих стран мира. Однако 8-летний американец Джошуа Бурдо в действительности стал им. Он — предпоследний мужчина в роду великих вождей племени сиу и унаследовал титул после смерти деда.

Имя нового предводителя — Маленькое Солнце. Он является прямым потомком Бешеного Коня — вождя, войны которого в прошлом веке мужественно сражались за свою землю.

Лозунги 20—30-х годов... Сколько в них уверенной чистоты, молодой непосредственности, юношеской откровенности и мудрой классовой правды. «Лорду — в морду!»

И встает время — тяжелое, непманское. Лорд, английский, твердолюбый, — символ всего враждебного. Ответ — комсомольский, задорный, четко пролетарский.

В 1921 году в английском авиационном журнале «Аэроплан» появилась статья. Ее автор, некий мистер Грей, выдвинул совершенно невероятную идею: он предложил продавать окруженной со всех сторон вражескими кордонами и кораблями Советской России... британские самолеты. Доказательства мистера Грея были удивительными: «Хотя имеется, бесспорно, некоторое число русских, которые могут сделаться превосходными летчиками, но большинство из них совершенно неспособно содержать машину в исправности. Поэтому нам кажется, что чем больше мы будем снабжать Россию аэропланами, тем больше их будет разваливаться в воздухе вследствие скверного ухода за ними. Этим мы будем способствовать уничтожению некоторого числа русских, что пойдет на пользу цивилизованной Европе».

«Русские щи лаптями хлебают, русские скрипят немазаными телегами — и так еще долго будет», полагали цивилизованные умники Запада.

Мы же к тому самому 1921 году немало сделали для развития советского воздушного флота. В годы гражданской войны по предложению В. И. Ленина были созданы авиационные заводы и научно-исследовательские институты.

В 1923 году правительство Англии усмотрело для себя опасность в энергичном и мощном развитии Советской России. Воспользовавшись первым же предлогом — арестом в СССР английской шпионки Гардинг, — Британская империя решила нанести удар «очагу большевистской заразы».

Министр иностранных дел лорд Керзон-оф-Кедльстон, бывший вице-король Индии, направил нашей стране ноту. Он требовал, чтобы мы извинились за нашу политику на Востоке, чтобы мы отозвали своих послов из Афганистана и Ирана, чтобы мы возместили убытки госпоже Гардинг... Советское правительство проявило большую дипломатическую гибкость. Цель Керзона была такая: угрозой войны сломить народ разрушенной, ослабленной многолетними боями республики. Однако он просчитался. В ответ на ультиматум лорда советский народ неожиданно для Европы бросил призыв: «Укрепим

Крылатый кулак

Геннадий
РОМАНОВ

См. фото
на 3-й стр.
обложки

наш воздушный флот, создадим эскадрилью самолетов «Ультиматум». Это патриотическое движение стимулировало развитие только что возникшего Общества друзей воздушного флота. Членами ОДВФ через несколько месяцев стало свыше двух миллионов человек. В президиум ОДВФ входили Ф. Э. Дзержинский, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов...

ОДВФ выпустило любопытный значок по эскизу художника Г. Алексеева: стилизованное очертание самолета, на крыльях которого надписи «Ультиматум», а на месте пропеллера недвусмысленный, по-рабочему ясный ответ заморскому лорду — мощный пролетарский кулак с красноармейской звездой. Этот и другие знаки, бумажные или металлические, называемые знаками кружечных сборов, получал каждый жертвователю на открытие страны.

После ультиматума в стране началась, как говорили тогда, «кампания вызовов». Заклучалась кампания (ее возглавляла газета «Правда») в том, что человек не только жертвовал деньги на создание советской авиации, но через газету вызывал знакомых и незнакомых людей последовать его примеру. Эти люди, в свою очередь, вызывали своих знакомых, и так снова и снова...

Газеты сообщали: «Секретариат Совета Народных Комиссаров вы-

зывает Народный Комиссариат иностранных дел», «Командиры, воевавшие против Юденича, вызывают командиров, воевавших против Деникина и Врангеля», сибиряки вызывают уральцев, студенты — профессоров... Вызывали поэта Есенина, артистку Дункан, французских писателей Анри Барбюса и Анатолия Франса («Помогите нашей авиации, друзья! Лорду — в морду!»). Даже бывшего патриарха Тихона, уже низложенного, ухитрился вызвать некто, обладавший, видимо, большим чувством юмора: «Ну-ка помогите авиации, ваше бывшее высокопресвященство!».

В конце лета в «Правде» появился еще один вызов: рабочие завода «Динамо» вызвали Ленина и Крупскую. В сентябре фельдъегерь привез в редакцию «Правды» пакет. В нем оказалось шесть белосиних советских червонцев и записка: «По вызову рабочих завода «Динамо» Ленин и Крупская вносят шесть червонцев на самолет». Выдали полагающуюся в таких случаях расписку. Но дальнейшего вызова не было. Очевидно, В. И. Ленин не хотел облекать в директивные формы инициативу масс.

Общество друзей воздушного флота с целью сбора средств выпускало жетоны, значки, плакаты, открытки, буклеты. Средства, полученные от продажи их, наряду с прямыми пожертвованиями (кружечными сборами), составляли значительную часть поступлений на строительство Красной Авиации. Сюжеты этих изданий были поразительно многообразны. На серии членских марок ОДВФ стоимостью от 1 до 50 копеек, например, изображен в виде русского сеятеля всероссийский староста Михаил Иванович Калинин, разбрасывающий из лукошка семена — молоты и серпы, из которых произрастают... самолеты.

Многие издания ОДВФ были посвящены ленинской тематике.

При участии делегатов XIII съезда партии 1 июня 1924 года прошел стотысячный митинг на Центральном аэродроме в Москве, где Военно-Воздушным Силам была передана авиаэскадрилья имени В. И. Ленина (вторая после эскадрильи «Ультиматум»), состоящая из 19 именных самолетов — «Красный Воронеж — Ильичу», «Земляк Ильича», «Самарец — Ильичу»... 25 января 1925 года Ленинградскому военному округу была передана вторая эскадрилья имени Ильича из 18 самолетов — «Дальний Восток — Ильичу», «Курский большевик», «Красный кузнец»... Затем были проведены сборы средств на эскадрилью «Ленин-2», агитсамолеты «Конек-Горбунок» и другие самолеты и эскадрильи.

На снимках: открытка; купон к лотерейному билету; значок «Ультиматум» лорду Керзону; жетон; членская марка, на которой изображен в виде сеятеля М. И. Калинин. Эти издания выпускались Обществом друзей воздушного флота. Средства от продажи открыток, плакатов, лотерейных билетов, значков поступали на строительство красной авиации.

На постройку самолета в эскадрилью «Ильич».

ПАПЫ И МАМЫ! НЕ ЗАБЫВАЙТЕ,
 ЧТО ДЕТИ РАСТУТ БЫСТРО.
 ДОГОВОР СТРАХОВАНИЯ
 К БРАКОСОЧЕТАНИЮ - ХОРОШИЙ
 ПОДАРОК МОЛОДОЖЕНАМ!

40 коп. Индекс 73413

Управление государственного страхования
 по Свердловской области.

Художник Л. Черныг